

Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова

Гуманитарно-педагогические исследования

---

*Научный журнал
(издается с 2017 г. четыре раза в год)*

2024 Т. 8 № 4

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова», 2024

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – регистрационный номер ПИ № ФС77-79220 от 22.09.2020.

Учредитель - Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
(д. 38, пр. Ленина, г. Магнитогорск, Челябинская обл., Россия, 455000).

16+ в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ от 29.12.2010.

Адрес редакции: д. 26, пр. Ленина, к.12А, г. Магнитогорск, Челябинская область, 455000.
Тел. 8(3519) 229961. E-mail: gpi@magtu.ru

В оформлении обложки номера использовался фотоколлаж А. В. Андреева

Научная подготовка выпусков журнала осуществляется преподавателями Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова».

Адрес издателя:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 45/2,
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова», издательский центр

Адрес типографии:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38,
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова», участок оперативной полиграфии
Выход в свет 24.12.2024. Заказ 341. Тираж 500 экз. Цена свободная

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Humanitarian and pedagogical Research

Scientific Journal
(published since 2017 four times a year)

2024 VOL. 8 No. 4

© Federal State Budgetary Institution of Higher Professional Education
Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2024

The journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications – registration number PI No. FS77-79220 dated 2020.09.22.

Founder -Nosov Magnitogorsk State Technical University (38, Lenin St., Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000).

16+ in accordance with Federal Law #436-FZ dated 29.12.2010.

Editorial office: 26, Lenin St., 12A. Magnitogorsk, Chelyabinsk Region, 455000, Phone: +7(3519) 229961, E-mail: gpi@magtu.ru

A photo collage by Arseniy Andreev is used in the design of this issue cover.

The scientific preparation of the journal is carried out by the lecturers of the Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University.

Editorial office:

45/2 Karla Marksa prospekt, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, 455000, Russia
Nosov Magnitogorsk State Technical University

Printing office:

38 Lenin prospekt, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, 455000, Russia
Nosov Magnitogorsk State Technical University

Publication date: 24.12.2024. Order 341. Circulation: 500. Open price.

Редакционная коллегия

Главный редактор – д-р филол. наук *Абрамзон Татьяна Евгеньевна* (Магнитогорск)
 Зам. главного редактора – д-р пед. наук *Елена Николаевна Раицикулина* (Магнитогорск)
 Ответственный редактор – канд. филол. наук *Светлана Леонидовна Андреева* (Магнитогорск)
 Технический редактор – *Чурилов Владимир Васильевич* (Магнитогорск)

Редакционный совет

Раздел I. Образование и педагогические науки

Бобыкина Ирина Александровна – д-р пед. наук (Челябинск)
Дубинин Сергей Николаевич – д-р психол. наук (Костанай, Казахстан)
Кружилина Тамара Васильевна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Кунья Андре Луис Араужо – д-р пед. наук (Гояно, Бразилия)
Лешер Ольга Вениаминовна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Маралов Владимир Георгиевич – д-р психол. наук (Череповец)
Орехова Татьяна Федоровна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Павлова Любовь Владимировна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Пономарева Любовь Дмитриевна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Савва Любовь Ивановна – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Сайгушев Николай Яковлевич – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Солдатченко Александр Леонидович – д-р пед. наук (Магнитогорск)
Третьякова Наталья Владимировна – д-р пед. наук (Екатеринбург)
Кувшинова Ирина Александровна – канд. пед. наук (Магнитогорск)
Испулова Светлана Николаевна – канд. пед. наук (Магнитогорск)
Мережников Андрей Петрович – канд. психол. наук (Магнитогорск)
Лукина Оксана Анатольевна – канд. пед. наук (Магнитогорск)
Чернобровкин Владимир Александрович – канд. филос. наук (Магнитогорск)

Раздел II. Исторические науки

Джусту Мария Тереза – профессор (Кьети, Италия)
Жаркынбаева Роза Сейдалиевна – д-р ист. наук (Алматы, Казахстан)
Запарий Владимир Васильевич – д-р ист. наук (Екатеринбург)
Коробков Юрий Дмитриевич – д-р ист. наук (Магнитогорск)
Потемкина Марина Николаевна – д-р ист. наук (Магнитогорск)
Филатов Владимир Викторович – д-р ист. наук (Магнитогорск)
Королёв Никита Сергеевич – канд. ист. наук (Челябинск)
Любецкий Артем Евгеньевич – канд. ист. наук (Магнитогорск)
Макарова Надежда Николаевна – канд. ист. наук (Магнитогорск)
Репников Дмитрий Викторович – канд. ист. наук (Ижевск).

Раздел III. Филологические науки

Антропова Людмила Ильинична – д-р филол. наук (Магнитогорск)
Воронцова Татьяна Александровна – д-р филол. наук (Челябинск)
Жунусова Жаныл Ныгизбаевна – д-р филол. наук (Нур-Султан, Казахстан)
Исакова Сабир Сагынбековна – д-р филол. наук (Актобе, Казахстан)
Песина Светлана Андреевна – д-р филол. наук (Магнитогорск)
Питина Светлана Анатольевна – д-р филол. наук (Челябинск)
Савельев Константин Николаевич – д-р филол. наук (Магнитогорск)
Чурилина Любовь Николаевна – д-р филол. наук (Магнитогорск)
Шулержкова Светлана Григорьевна – д-р филол. наук (Магнитогорск)
Безруков Андрей Николаевич – канд. филол. наук (Бирск)
Соловьева Наталья Сергеевна – канд. филол. наук (Магнитогорск)
Пустовойтова Ольга Васильевна – канд. филол. наук (Магнитогорск)

Редактор части журнала на английском языке

Ломакина Екатерина Александровна – канд. филол. наук (Магнитогорск)

Editorial team

Editor-in-Chief – *Tatiana E. Abramzon*, Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Deputy editor-in-chief – *Elena N. Rashchikulina*, Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Managing editor - *Svetlana L. Andreeva*, Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)
Technical Editor – *Vladimir V. Churilov* (Magnitogorsk, Russia)

Editorial Council

Section I. Education and Pedagogical Sciences

Irina A. Bobykina – Doctor of Science in Pedagogy (Chelyabinsk, Russia)
Sergey N. Dubinin – Doctor of Science in Psychology (Kostanay, Kazakhstan)
Tamara V. Krujilina – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Cunha Andre Luiz Araujo – Doctor of Education (Goiano, Brazil)
Olga V. Leshner – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Vladimir G. Maralov – Doctor of Science in Psychology (Cherepovets, Russia)
Tatiana F. Orehova – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Ljubov' D. Ponomareva – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Lyubov V. Pavlova – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Liubov' I. Savva – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Nikolai Ya. Saigushev – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Aleksandr L. Soldatchenko – Doctor of Science in Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Nataliya V. Tretyakova – Doctor of Science in Pedagogy (Ekaterinburg, Russia)
Irina A. Kuvshinova – Candidate of Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Svetlana N. Ispulova – Candidate of Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Andrey P. Merezchnikov – Candidate of Psychology (Magnitogorsk, Russia)
Oxana A. Lukina – Candidate of Pedagogy (Magnitogorsk, Russia)
Vladimir A. Chernobrovkin – Candidate of Philosophy (Magnitogorsk, Russia)

Section II. History

Maria Teresa Giusti – Adjunct Professor of Contemporary History and Social History (Chieti, Italy)
Roza Zharkynbayeva – Doctor of Science in History (Almaty, Kazakhstan)
Vladimir V. Zapariy – Doctor of Science in History (Ekaterinburg, Russia)
Yuriy D. Korobkov – Doctor of Science in History (Magnitogorsk, Russia)
Marina N. Potemkina – Doctor of Science in History (Magnitogorsk, Russia)
Vladimir V. Filatov – Doctor of Science in History (Magnitogorsk, Russia)
Nikita S. Korolev – Candidate of History (Chelyabinsk, Russia)
Artyom E. Lyubetsky – Candidate of History (Magnitogorsk, Russia)
Nadezhda N. Makarova – Candidate of History (Magnitogorsk, Russia)
Repnikov Dmitry – Candidate of History (Izhevsk, Russia)

Section III. Philology

Ludmila I. Antropova – Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Tatyana A. Vorontsova – Doctor of Science in Philology (Chelyabinsk, Russia)
Zhanyl N. Zhunusova – Doctor of Science in Philology (Nur-Sultan, Kazakhstan)
Sabira S. Issakova – Doctor of Science in Philology (Aktobe, Kazakhstan)
Svetlana A. Pesina – Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Svetlana A. Pitina – Doctor of Science in Philology (Chelyabinsk, Russia)
Konstantin N. Savelyev – Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Lyubov N. Churilina – Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Svetlana G. Shulezhkova – Doctor of Science in Philology (Magnitogorsk, Russia)
Andrei N. Bezrukov – Candidate of Philology (Birsk, Russia)
Natalia S. Soloveva – Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)
Olga V. Pustovoitova – Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)

Editor of the issue of the journal in English

Yekaterina A. Lomakina – Candidate of Philology (Magnitogorsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	6
МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	6
<i>Костомарова Елена Витальевна, Савва Любовь Ивановна, Смушкевич Людмила Николаевна</i>	
Воспитательный потенциал модели наставничества «студент – ученик» в профессиональном становлении будущего педагога в вузе	6
<i>Natalja V. Dyorina, Alla D. Nikolaeva</i>	
Self-organization culture formation of technical university students: axiological approach.....	15
II. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	21
<i>Надежда Николаевна Макарова</i>	
«Ближний круг И. В. Сталина»: принципы кадрового отбора в 1934–1939 гг. Часть 1. К постановке проблемы.....	21
<i>Юрий Дмитриевич Коробков</i>	
Численность и социально-экономическое положение рабочей молодежи горнозаводской и фабрично-заводской промышленности Урала в 1910–1914 гг.	35
III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	45
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	45
<i>Акашева Татьяна Валентиновна, Рахимова Нурия Мухаметовна, Жаркова Александра Дмитриевна</i>	
«Медицинское заключение» как тип текста (на материале немецкого языка).....	45
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	54
<i>Кирилл Александрович Хабиров</i>	
Мифопоэтическая символика инди-игр (на примере «The Binding of Isaac: Rebirth»)	54
<i>Андрей Николаевич Безруков</i>	
«Педагогические стандарты» поэзии Мустая Карима.....	69
ГОДОВОЙ УКАЗАТЕЛЬ ОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ 2024 г.	77

CONTENTS

SECTION I. EDUCATION AND PEDAGOGICAL SCIENCES.....6

THEORY AND METHODS OF TRAINING AND EDUCATION.....6

Kostomarova E. V., Savva L. I., Smushkevich L. N.
 Educational potential of the model of mentoring ‘student – pupil’ in the future teacher's professional development in higher education institution.....6

Dyorina N. V., Nikolaeva A. D.
 Self-organization culture formation of technical university students: axiological approach.....15

SECTION II HISTORY.....21

Makarova N. N.
 «Inner circle J. V. Stalin»: principles of personnel selection in 1934–1939. Part 1. Towards the formulation of the problem (to be continued)... ..21

Korobkov Yu. D.
 The number and socio-economic situation of the working youth of the mining and factory industry of the Urals in 1910–1914 35

SECTION III. PHILOLOGY 45

LINGUISTICS.....45

Akashva T. V., Rakhimova N. M., Zharkova A. D.
 Features of medical documentation on the example of the descriptive-directive text type “medical report”.....45

LITERARY STUDIES.....54

Khabirov K. A.
 Mythopoetic symbolism of indie games (on the example of «The Binding of Isaac: Rebirth») ...54

Bezrukov A. N.
 Pedagogical standards of poetry by Mustai Karim.....69

ANNUAL INDEX OF PUBLISHED MATERIALS – 2024 (in Russ.)..77

I. ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья
УДК 378.14
doi: 10.18503/2658-3186-2024-8-4-06-14

Воспитательный потенциал модели наставничества «студент – ученик» в профессиональном становлении будущего педагога в вузе

Костомарова Елена Витальевна¹

Савва Любовь Ивановна²

Смушкевич Людмила Николаевна³

^{1,3} Академический лицей, Магнитогорск, Россия

¹koswittel@mail.ru

² Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия, savva.53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8340-3742>

³smushkevichln@mail.ru

Автор, ответственный за переписку: Савва Любовь Ивановна, savva.53@mail.ru

Аннотация. Трансформация целей и ценностей высшего образования влечет за собой изменение не только характера профессиональной подготовки педагога в вузе, но и модификацию его позиции и роли. В связи с этим использование возможностей института наставничества в педагогической деятельности на разных уровнях современного образования является одной из ключевых проблем. В статье обосновывается актуальность проблемы формирования наставничества по модели «студент – ученик» в процессе профессионального обучения в вузе и становления будущего педагога. Цель исследования – представление практико-ориентированной модели наставничества «студент – ученик» и обоснование ее инновационного потенциала в профессиональном становлении будущего учителя. В статье представлен опыт организации наставничества по указанной модели в процессе профессиональной подготовки студентов вуза в отношении обучающихся, проходящих предпрофессиональную подготовку в Академическом лицее г. Магнитогорска. Модель наставничества «студент–ученик» реализуется в рамках инновационного проекта, эффективность которого основана на внедрении технологии наставничества среди студентов педагогических специальностей для использования его в качестве инструмента, сокращающего разрыв между темпом обновления содержания педагогической подготовки и темпом обновления общего образования в соответствии с принципами Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года [1]. Теоретическими методами выступают: проектирование модели наставничества, теоретический анализ, сравнение, обобщение. Эмпирическими методами выбраны: опрос респондентов, анализ и обобщения практического опыта на базе региональной инновационной площадки. Полученные результаты исследования подтверждают эффективность технологии наставничества как инструмента профессиональной подготовки будущих педагогов в вузе.

Ключевые слова: наставничество, наставническая деятельность, модель наставничества «студент – ученик», технология наставника, инновационный потенциал модели наставничества для будущего педагога

Для цитирования: Костомарова Е. В., Савва Л. И., Смушкевич Л. Н. Воспитательный потенциал модели наставничества «студент – ученик» в профессиональном становлении будущего педагога в вузе // Гуманитарно-педагогические исследования. 2024. Т. 8. № 4. С. 6–14. doi: 10.18503/2658-3186-2024-8-4-06-14.

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF VOCATIONAL EDUCATION

Original article

Educational potential of the model of mentoring ‘student - pupil’ in the future teacher's professional development in higher education institution

Elena V. Kostomarova¹

© Костомарова Е. В., Савва Л. И., Смушкевич Л. Н., 2024

Lubov I. Savva²**Ludmila N. Smushkevich**³^{1,3}*Municipal Autonomous General Education Institution 'Academic Lyceum', Magnitogorsk, Russia,*¹*koswittel@mail.ru,*²*Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia, savva.53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8340-3742>*³*smushkevichln@mail.ru***Corresponding author:** *Lubov I. Savva, savva.53@mail.ru*

Abstract. The transformation of the higher education goals and values entails not only changes in the nature of a teacher's professional training in higher education, but also modification of his/her position and role. In this regard, the use of the institute opportunities for mentoring in pedagogical activity at different levels of modern education is one of the key problems. The article substantiates the problem relevance on the formation of mentoring 'student- pupil' in the process of professional training in the university of a future teacher and its formation. The research aim is to present a practice-oriented model of mentoring 'student – pupil' and to substantiate its innovative potential in the professional self-determination of a future teacher. The article presents the organization experience of mentoring according to the 'student – pupil' model in the process of professional training of university students for the organization of pre-professional training of Academic Lyceum, Magnitogorsk, students. The model effectiveness of mentoring 'student – pupil', implemented in the framework of the innovative project, is based on the introduction of mentoring technology among students of pedagogical specialties as a tool for bridging the gap between the pace model of updating the content of pedagogical training and the pace of updating general education in accordance with the principles of the Concept of teacher training for the education system for the period up to 2030. Theoretical methods are design of mentoring model, theoretical analysis, comparison, generalization. Empirical methods are survey of respondents, analysis and generalization of practical experience at the ball of the regional innovation platform. The obtained results of the study allow asserting that the technology of mentoring acts as an effective tool for professional training of future teachers in higher education.

Keywords: mentoring, mentoring activity, mentoring model 'student – pupil', mentor technology, innovative potential of mentoring model in the future teacher's formation

For citation: Kostomarova E. V., Savva L. I., Smushkevich L. N. Educational potential of the model of mentoring 'student – pupil' in the future teacher's professional development in higher education institution, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya = Humanitarian and pedagogical Research*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 6–14. (In Russ.), doi: 10.18503/2658-3186-2024-8-4-06-14.

Введение

Исследование проблемы организации наставнической деятельности в период обучения в вузе как инструмента повышения воспитательного потенциала образования остается весьма актуальной и перспективной при поиске новых технологий в процессе профессионально-педагогической подготовки будущих учителей. На это указывают материалы нормативных документов: «Концепция развития наставничества в Российской Федерации» (одобрена Президиумом РАО 29.06.2023) [1], «Письмо Министерства просвещения Российской Федерации «О направлении целевой модели наставничества и методических рекомендаций» от 23 января 2020 г. N МР42/02 [2]. В этой связи требуются уточнение понятийного аппарата по данной проблеме и проектирование новых моделей, где субъектом наставничества выступит будущий учитель, получающий подготовку в вузе с учетом требований работодателей (школ, лицеев, гимназий). Цель статьи – представление практико-ориентированной модели наставничества «студент – ученик» и обоснование ее инновационного потенциала в профессиональном становлении будущего учителя в период обучения в вузе. Основными методами выступают теоретические методы: проектирование модели наставничества, теоретический анализ, сравнение, обобщение. Эмпирические методы представлены в следующем сочетании: опрос респондентов, анализ и обобщения практического опыта на базе региональной инновационной площадки.

1. Наставничество в системе образования

Контент-анализ различных литературных источников (диссертационных исследований, статей, методических рекомендаций и нормативных документов) позволяет выделить достаточно большое разнообразие описаний и толкований понятия «наставничество». В определении содержания научной дефиниции «наставничество» большинство исследователей имеют ввиду процесс передачи знаний, опыта в процессе деятельности. При этом трактовка понятия «наставничество», а в отдельных случаях и методология, определяется сферой деятельности объектов и субъектов взаимодействия и отно-

сится к одной из старейших в истории человечества моделей передачи знаний.

Современная теория наставничества, опираясь на идеи классиков педагогической теории наставничества, развивается достаточно интенсивно, что приводит к появлению разнообразных описаний и определений ключевого понятия «наставничество». Оно толкуется и как предмет педагогического исследования, и как субъект того или иного вида деятельности на производстве, в предпринимательстве, социальной сфере. Мы придерживаемся устоявшегося в педагогической науке мнения, что наставничество «может стать инструментом повышения качества образования, механизмом создания эффективных социальных лифтов, одним из катализаторов для «технологического рывка» российской экономики» [3 с. 64].

Необходимость формирования компетенций наставника у студентов педагогических специальностей на этапе обучения в вузе, возможность использования такого рода наставничества в качестве инструмента профессионального становления студентов и в качестве фактора развития воспитательной системы образовательных учреждений подчеркивается в исследованиях ряда авторов. Так, Н. В. Тарасова, И. П. Пастухова и С. Г. Чигрина позиционируют институт наставничества как «социальный институт, необходимый и эффективный для решения воспитательных, дидактических и профессиональных задач» [4 с. 113]; Н. В. Семенова видит в наставничестве одно из необходимых психолого-педагогических условий для становления социальной зрелости обучающихся [5 с. ?]; зарубежные авторы К. N. Tang, Y. N. Mohd и N. N. Hashim убеждены, что наставничество будет способствовать «развитию интернационализации», «продвижению молодых ученых и развитию академического персонала» при усилении воспитательной составляющей профессионального образования [6, с. 838]. Л. Н. Смушкевич поясняет, что воспитательный потенциал наставничества связан тем, что предстоящая профессиональная деятельность будущего учителя предполагает осуществление педагогической поддержки обучающихся через индивидуальное сопровождение при осуществлении проектно-исследовательской деятельности, проведении профориентации, развития социального опыта общения с целью достижения успеха в обучении [7]. Вместе с тем, как указывает И. А. Эсаулова, признавая «влияние наставничества как стратегически значимого элемента системы развития персонала на развитие самой организации», авторы многих исследований мало описывают и анализируют саму практику формирования компетенций наставника у будущих педагогов как элемента профессионального становления [8].

Мы считаем, что сегодня для профессионального обучения недостаточно описаны модели взаимодействия «студент – ученик», способствующие эффективной подготовке начинающих педагогов к осуществлению наставнической деятельности, выступающие как механизм повышения качества образования, укрепления воспитательного потенциала образовательного процесса, а также закрепления будущих педагогов в профессии.

2. Наставничество как технология и ее характеристика

Теоретический анализ основных положений Концепции развития наставничества в Российской Федерации [1] и направлений целевой модели наставничества [2] показал, что данные документы: 1) отмечают высокий потенциал технологии наставничества в устранении противоречия между темпом обновления содержания и инфраструктуры педагогической подготовки и темпом обновления общего образования; 2) указывают на необходимость соответствия между потребностями потенциальных работодателей в лице образовательных учреждений на внедрение наставничества и уровнями сформированности компетенций будущих педагогов.

В рамках нашего исследования наставничество рассматриваем как «социально-педагогическую технологию организации и сопровождения обучающегося для личностного, профессионального развития, мотивации, роста мастерства, формирования духовно-нравственных и гражданско-патриотических качеств» [9].

Именно такой подход к наставничеству как к технологии позволяет не только определить комплекс педагогических условий по формированию компетенций будущих педагогов к осуществлению наставнической деятельности в профессиональной практике будущих педагогов в период их обучения в вузе, но и обосновать воспитательный потенциал ее использования.

Нами, Л. Н. Смушкевич и Е. В. Костомаровой, уже уточнялось, что субъектами рассматриваемой модели являются наставляемый и наставник, где наставник – участник программы наставничества, имеющий успешный опыт в достижении жизненного, личностного и профессионального результата, компетентный и готовый поделиться опытом и навыками, необходимыми для стимуляции и

поддержки процессов самореализации и самосовершенствования, наставляемого (в модели «студент – ученик» будущие учителя «примеряют» на себя функции наставника под руководством опытных учителей, но выполняют при этом двойную роль – наставника и наставляемого). Наставляемый же – участник программы наставничества, который через взаимодействие с наставником, при его помощи и поддержке решает конкретные жизненные, личные и профессиональные задачи, приобретает новый опыт и развивает новые навыки и компетенции. В конкретных формах наставляемый может быть определен термином «обучающийся».

3. Модель «студент – ученик» и ее воспитательный потенциал

В основу построения модели «студент – ученик» (см. рисунок 1) заложены принципы взаимосвязи и сотрудничества.

Рисунок 1 - Модель наставничества «студент–ученик»

Центральным компонентом здесь выступает каскадное наставничество: студент проходит практику под руководством учителя-наставника из числа высоко мотивированных к занятию профессиональной деятельностью педагогов, но сам является наставником для обучающихся образовательной организации, куда привлекается с целью устранения того или иного образовательного дефицита по различным направлениям. Так, в МАОУ «Академический лицей» (г. Магнитогорск) в период прохождения практики на первоначальном этапе организуется знакомство студентов вуза с системой реализации различных моделей наставничества: они принимают участие в проведении тренингов для практикантов, посещают открытые занятия, практикумы с лицеистами, которые проводят педагоги-наставники, знакомятся с накопленным опытом наставничества через электронные ресурсы (сайт лицея). Такая практико-ориентированная форма работы с практикантами позволяет студентам в сжатые сроки не только ознакомиться с техниками и приемами работы наставника в лицее, изучить его обязанности и функции, но и увидеть положительные результаты от применения этой технологии в образовательном процессе, оценить степень и возможность своего участия в ней.

Студентам при этом предлагается курировать исследовательские проекты обучающихся совместно с педагогами лицея по разным предметным областям и направлениям. Они выступают в роли наставников при подготовке индивидуальных проектов в рамках регионального исследования качества образования (РИКО) обучающихся 7-х классов и проектов, выполняемых обучающимися выпускных классов при реализации программ профессионального обучения [9].

Деятельностный подход, являясь методологической основой реализации модели «студент – ученик», позволяет рассматривать будущего учителя как субъекта выполняемой деятельности и дает возможность студенту оценивать свои действия, результаты работы с детьми и свое профессиональное развитие. При этом обучающиеся под руководством наставника-студента осознают, что именно в деятельности человек преобразует природу, строит, создает то, что без него не существовало бы в природе, создает элементы материальной и духовной культуры, развивает свои способности [10]. Воспитательный потенциал модели наставничества заключается в том, что она позволяет будущему педагогу оценить необходимость постоянной работы по профессиональному становлению путем развития конкретных качеств и компетенций, необходимых в наставнической деятельности учителя.

В предлагаемой модели наглядно отражены прогнозируемые формы взаимодействия («студент – ученик» (экскурсии, конкурсы, проекты, походы и спортивные соревнования и др), разнообразные области применения наставничества в рамках образовательных программ с учетом направлений развития всех ее субъектов и ожидаемых результатов, направленных на обучающихся).

Смещение акцентов результата в данной модели на обучающихся дополнительно подчеркивает ее воспитательный эффект как инструмента рефлексивного развития будущего учителя в профессионально-педагогической деятельности.

Под «образовательным дефицитом» сопровождаемого следует понимать его неготовность преодолевать самостоятельно какие-либо возникающие перед ним препятствия. В качестве последних могут рассматриваться: отсутствие организационных механизмов реализации плана саморазвития, дефицит ресурсов для реализации собственных инициатив, неблагоприятные условия или явления и т. д. Общим признаком всех образовательных дефицитов является недостаток самостоятельности сопровождаемого. Исходя из образовательных дефицитов, наставник в своей деятельности может реализовывать несколько функций, имеющих определенный смысловой ракурс, что отражено в таблице 1.

Таблица 1 – Функции и смысловой ракурс наставника

Функции наставника	Смысловой ракурс наставнической деятельности
Функция педагогической поддержки	1) диагностика личностных дефицитов и мотивов наставляемого, 2) создание организационно-педагогических условий для освоения образовательных программ, 3) оказание индивидуальной помощи в конкретной ситуативной и т.д.
Функция обучения	1) создание ситуаций успеха; 2) помощь в организации учебной деятельности; 3) помощь, оценка результатов, контроль, коррекция действий опекаемого в организации учебной деятельности; 4) помощь в самоорганизации сопровождаемого
Функция медиации	1) диагностика межличностных отношений в коллективе, 2) выявление и разрешение проблемных и конфликтных ситуаций с участием сопровождаемого, 3) посредничество во взаимодействии наставляемого и коллектива
Функция самообразования	1)самодиагностика и самооценка собственных личностных и образовательных дефицитов; 2) проектирование программы и плана самообразования; 3) овладение знаниями, умениями, компетенциями, приемами самоорганизации деятельности и др.

В соответствии с точкой зрения О. С Газмана, возможность выполнения указанных функций наставниками в условиях лицея может быть обеспечена имеющимся опытом участия педагогического коллектива в реализации научно-прикладных проектов, высоким уровнем корпоративной культуры в вопросах профессионального самообразования и самосовершенствования; сформированностью гибкой и насыщенной образовательной среды, эффективной практикой социального партнерства и сетевого взаимодействия [12]. Вместе с тем, успешное выполнение обозначенных функций несомненно положительно сказывается как на развитии воспитательной системы образовательной организации, так и на профессиональном становлении будущих педагогов.

Исследование, проведенное в рамках деятельности региональной инновационной площадки по теме «Наставничество как ведущий механизм реализации предпрофессиональной и профессиональной подготовки обучающихся многопрофильного лицея» (приказ Министерства образования и науки Челябинской области 01/2769 от 30.12.2020) на базе МАОУ «Академический лицей» города Магни-

тогорска, показало положительное влияние практики наставничества на развитие компетенций будущего педагога.

Одним из инструментов оценки полученных результатов стало проведение опроса различных категорий педагогического сообщества: учителей-наставников, молодых педагогов и студентов. В опросе приняли участие 72 респондента: студенты вуза по направлению «Педагогическое образование» – 75 %, молодые педагоги школ города – 12 %, учителя-наставники лицея – 13 %.

На вопрос «Считаете ли вы целесообразным изучение методологии наставничества студентами вуза в процессе профессионально-педагогического образования?» 71 % студентов согласились с утверждением «да, так как изучение методологии наставничества расширяет сферу профессиональных знаний и компетенций»; 25 % респондентов отметили «да, так как данная технология достаточно активно внедряется в педагогическую практику», и только 4 % опрошиваемых затруднились сказать что-либо по данному вопросу. Кроме того, результаты проведенного нами опроса студентов, проходивших практику в образовательных учреждениях города, подтвердили, что «формы работы наставника помогают будущим педагогам в выборе индивидуальной траектории при взаимодействии с учениками при проведении исследовательских работ, подготовке к олимпиадам, сопровождении обучающихся, испытывающих трудности как в обучении, так и в профессиональном самоопределении» [10, с.114].

Отметим, что деятельность наставника похожа на оказание педагогической поддержки. Сущность последней, по мнению О. С. Газмана, а также ученых С. С. Гиля, Н. Б. Крылова и Н. Н. Михайлова, состоит в оказании помощи обучающемуся в преодолении каких-либо барьеров в развитии, которые он преодолеть не способен самостоятельно [11].

В модели наставника «студент – ученик» возможное решение мы видим в построении взаимоотношений наставника с подопечным, которые способствуют восполнению какого-то образовательного дефицита. Деятельностный подход в сочетании с принципами интеграции теории и практики, адресности (ориентации на конкретного ученика) определяют формы, методы и средства взаимодействия студента с обучающимися.

Обозначенные формы взаимодействия педагогов в модели «студент – ученик» позволяют персонализировать процесс научно-методического сопровождения будущих учителей не только в период прохождения практики, но и при дальнейшем взаимодействии в паре «наставник – наставляемый» по модели «учитель – студент» и достигать продуктивных результатов на личностном, функциональном и личностно-деятельностном уровнях. Воспитательный потенциал модели проявляется в снижении тревожности, беспокойства как среди студентов, так и среди обучающихся, в развитии личностных качеств студентов-наставников (коммуникативности, ответственности, гибкости, готовности помочь), формировании предметных и управленческих компетенций [12].

В результате апробации модели наставничества «студент – ученик» были выявлены ключевые характеристики наставнической деятельности (см. таблицу 3), благодаря которым она оказывает положительное влияние как на формирование компетенций будущего педагога, так и на эффективность воспитательной системы образовательной организации.

Таблица 3 – Воспитательный потенциал наставнической деятельности

Ключевые характеристики наставнической деятельности	Методы и формы реализации	Формируемые компетенции
<ul style="list-style-type: none"> – Инструмент личностного развития и формирования личностных качеств обучающихся, – инструмент профессионального самоопределения и профессиональной и обучающихся; – инструмент социальной адаптации обучающихся и развития у них гибких навыков; – инструмент воспитания обучающимися из «группы риска», – инструмент педагогической помощи и поддержки обучающихся с проявлениями девиантного и асоциального поведения по адаптации и социализации их в коллективе – инструмент построения индивидуальной траектории саморазвития 	<ul style="list-style-type: none"> – Сотрудничество; – передача опыта; – личный пример; – дискуссия, убеждение; – педагогическая поддержка; – педагогическая помощь; – тренинг; – беседа; – консультация; – ситуация успеха; – поощрение 	<p><i>Профессиональные компетенции:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – предметная; – психолого-педагогическая; – коммуникативная; – валеологическая; – управленческая <p><i>Специальные компетенции, необходимые для осуществления наставнической деятельности</i></p>

Заключение

В ходе реализации описанной модели «студент – ученик» были получены следующие промежуточные результаты исследования:

– отмечен рост уровня теоретических знаний и практических умений, навыков студентов вуза педагогического направления профессиональной подготовки и обучающихся лица по учебным дисциплинам, выражающийся в положительной динамике успеваемости и результативности участия подопечных в социальных практиках: научно-практических конференциях, олимпиадах и конкурсах, подготовке научных проектов, докладов и публичных выступлений;

– наблюдается положительная динамика по развитию мотивации к личностному и профессиональному становлению обучающихся, по развитию навыков командной работы у всех участников взаимодействия;

– зафиксированы рост уровня профессионально-педагогической адаптации и становления обучающихся (они поступают в вузы на педагогические специальности, студенты становятся активными участниками профессиональных конкурсов, трудоустраиваются по месту прохождения практики) и повышение интереса к выбору педагогической специальности среди выпускников. Так, на протяжении двух лет среди выпускников МАОУ «Академический лицей» 17 человек выбрали профессии, связанные с педагогическими специальностями (социальный педагог, психолог, дефектолог, учитель иностранного языка и т. д.); 5 студентов из числа проходивших практику в образовательной организации пришли в лицей работать.

Каскадное наставничество, по мнению Л. И. Савва и Н. В. Дериной, выступает как инструмент непрерывного профессионального образования, развития лидерских качеств педагога, что само по себе обеспечивает воспитательный потенциал описываемой модели [13]. За период апробации модели часть педагогического коллектива МАОУ «Академический лицей» успешно повысила свою квалификационную категорию и стала участником программ наставничества.

Введение технологии наставничества направлено на повышение эффективности прохождения практики и включенность будущих учителей в процесс взаимодействия в моделях «учитель – студент» и «студент-ученик».

Вместе с тем, практический опыт, накопленный на базе региональной инновационной площадки, показал, что развитие компетенций наставничества у будущих педагогов на основе модели «студент – ученик» требует дальнейшего изучения, в том числе обоснования и уточнения новых педагогических условий, выявления эффективных форм и методов реализации данного процесса, обеспечивающих выполнения функций наставника. С этой целью была разработана программа факультативного курса «ПРО наставничество». Его структура и содержание направлены на развитие компетенций наставничества будущих педагогов с использованием информационных технологий на образовательном портале вуза. В рамках курса будущие педагоги смогут изучить такие блоки, как «Навигатор наставничества», «Лучшие практики наставничества», «Виды моделей наставничества» и другие; стать студентами-наставниками, осуществить самооценку уровня подготовки к наставничеству.

Итак, рассмотренная нами технология имеет высокий воспитательный потенциал в профессиональном становлении личности студентов, так как ее реализация обеспечивает педагогическое сопровождение процесса формирования компетенций наставников у студентов вуза на двух уровнях (репродуктивном и творческом) [14] и положительно сказывается на формировании у будущих учителей целостного профессионального мышления.

Список источников

1. Концепция развития наставничества в Российской Федерации (одобрена Президиумом РАО 29.06.2023) // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=831223#HWpzhWUoHNPPrGiS> (дата обращения: 12.09.2024).

2. Письмо Министерства просвещения Российской Федерации от 23 января 2020 г. N МР42/02 «О направлении целевой модели наставничества и методических рекомендаций» // АО «Кодекс», 2024. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564445229?ysclid=m4s9xatgie136392323> (дата обращения: 13.09.2024).

3. Савва Л. И., Костомарова Е. В. Наставничество – модный тренд или развивающая образовательная технология // Проблемы гуманитарных наук и образования в современном мире: сб. науч. статей по материалам VIII Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием) / отв. ред. Х. Б. Нургулина. Сибай : Уфимский ун-т науки и технологий, 2022. С. 62–65.

4. Щербакова Е. В., Щербакова Т. Н. Наставничество как форма поддержки профессионального становления студентов в ходе учебной педагогической практики // Психолого-педагогическая подготовка будущих

учителей: история, методология и технологии: материалы межвузовской конференции (с международным участием) / отв. ред. Л. В. Попова. М. : Изд-во Московского пед. гос. ун-та, 2019, С. 212–215.

5. Семенова Н. В. Профессионально-педагогическое сопровождение становления социальной зрелости обучающихся ссуза // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. 2016. Вып. 1. № 2. С. 186–191.

6. Tang K. N., Mohd Y. H., Hashim N. H. Soft skills integration in teaching professional training: Novice teachers' perspectives, *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 186. P. 835–840.

7. Семушина Л. Г. Влияние профессионально-квалификационной структуры труда на структуру профессионального образования // Специалист. 2004. № 10. С. 26–29.

8. Эсаулова И. А. Новые модели наставничества в практике обучения и развития персонала зарубежных компаний // Стратегии бизнеса. 2017. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-modeli-nastavnichestva-v-praktike-obucheniya-i-razvitiya-personala-zarubezhnyh-kompaniy> (дата обращения: 13.09.2024).

9. Смушкевич Л. Н., Костомарова Е. В., Савва Л. И. Организация предпрофессиональной подготовки и профессионального обучения старшеклассников в условиях многопрофильного лицея посредством применения целевых моделей наставничества // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/56PSMN523.pdf> (дата обращения: 13.09.2024).

10. Смушкевич Л. Н., Костомарова Е. В. Эффективные практики сопровождения подготовки будущих педагогов при обучении в вузе // Научная мысль: традиции и инновации: сб. науч. трудов III Всероссийской научно-практической конференции / под ред. И. В. Кашубы, С.С. Великановой. Москва: Директ-Медиа, 2022. С. 113–115.

11. Газман О. С. Педагогика свободы: путь в гуманистическую цивилизацию XXI века // Классный руководитель. 2000. № 3. С. 6–33.

12. Дудина Е. А. Наставничество как особый вид педагогической деятельности: сущностные характеристики и структура // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7. № 5. С. 25–36.

13. Савва Л. И., Дёрина Н. В. Вектор профессионального образования на развитие лидерских качеств в глобализационном мире // Вестник ОГУ. 2019. № 2 (220). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vektor-professionalnogo-obrazovaniya-na-razvitie-liderskih-kachestv-v-globalizatsionnom-mire> (дата обращения: 13.09.2024).

14. Гончарова, А. Л., Орехова Т. Ф., Кружилина Т. В. Теоретическое обоснование комплекса педагогических условий формирования проектной культуры будущих архитекторов художественно-архитектурными средствами в процессе непрерывного образования // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12. № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/44PDMN124.pdf> (дата обращения: 13.09.2024).

References

1. Kontseptsiya razvitiya nastavnichestva v Rossiiskoi Federatsii (odobrena Prezidiumom RAO 29.06.2023), KonsultantPlyus, URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=831223#HWpzhWUoHNPHrGiS> (accessed 12 September 2024)

2. Pis'mo Ministerstva prosveshcheniya Rossiiskoi Federatsii ot 23 yanvarya 2020 g. N MR42/02 «O napravlenii tselevoi modeli nastavnichestva i metodicheskikh rekomendatsii», AO «Kodeks», 2024, URL: <https://docs.cntd.ru/document/564445229?ysclid=m4s9xatgie136392323> (accessed 13 September 2024)

3. Savva L. I., Kostomarov E. V. Nastavnichestvo – modnyi trend ili razvivayushchaya obrazovatel'naya tekhnologiya, Problemy gumanitarnykh nauk i obrazovaniya v sovremennom mire: sb. nauch. statei po materia-lam VIII Vseros. nauch.-prakt. konf. (s mezhdunarodnym uchastiem), отв. ред. Kh. B. Nurgalina, Sibai, Ufimskii un-t nauki i tekhnologii, 2022, pp. 62–65.

4. Shcherbakova E. V., Shcherbakova T. N. Nastavnichestvo kak forma podderzhki professional'nogo stanovleniya studentov v khode uchebnoi pedagogicheskoi praktiki, Psikhologo-pedagogicheskaya podgotovka budushchikh uchitelei: istoriya, metodologiya i tekhnologii: materialy mezhvuzovskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) / отв. ред. L. V. Popova, Moscow, Izd-vo Moskovskogo ped. gos. un-ta, 2019, pp. 212–215.

5. Semenova N. V. Professional'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie stanovleniya sotsial'noi zrelosti obuchayushchikhsya ssuza, *Vestnik psikhologii i pedagogiki Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Psychology and Pedagogy of Altai State University*, 2016, vol. 1, no.2, pp. 186–191. (In Russ.).

6. Tang K. N., Mohd Y. H., Hashim N. H. Soft skills integration in teaching professional training: Novice teachers' perspectives, *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 186, pp. 835–840. (In Russ.).

7. Semushina L. G. Vliyanie professional'no-kvalifikatsionnoi struktury truda na strukturu profes-sional'nogo obrazovaniya, *Spetsialist*, 2004, no. 10, pp. 26–29. (In Russ.).

8. Esaulova I. A. Novye modeli nastavnichestva v praktike obucheniya i razvitiya personala zarubezhnykh kompanii, *Strategii biznesa = Business Strategies*, 2017, no. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-modeli-nastavnichestva-v-praktike-obucheniya-i-razvitiya-personala-zarubezhnyh-kompaniy> (accessed 13 September 2024). (In Russ.).

9. Smushkevich L. N., Kostomarova E. V., Savva L. I. Organizatsiya predprofessional'noi podgotovki i professional'nogo obucheniya starsheklassnikov v usloviyakh mnogoprofil'nogo litseya posredstvom primeneniya tselevykh modelei nastavnichestva, *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and psychology*, 2023, vol. 11, no. 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/56PSMN523.pdf> (accessed 13 September 2024). (In Russ.).

10. Smushkevich L. N., Kostomarova E. V. Effektivnye praktiki soprovozhdeniya podgotovki budushchikh pedagogov pri obuchenii v vuze, *Nauchnaya mysl': traditsii i innovatsii: sb. nauch. trudov III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, pod red. I. V. Kashuby, S. S. Velikanovoi, Moscow, Direkt-Media, 2022, pp. 113–115.

11. Gazman O. S. Pedagogika svobody: put' v gumanisticheskuyu tsivilizatsiyu XXI veka, *Klassnyi rukovoditel'*, 2000, no. 3, pp. 6–33. (In Russ.).

12. Dudina E. A. Nastavnichestvo kak osobyi vid pedagogicheskoi deyatel'nosti: sushchnostnye kharakteristiki i struktura, *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Science for Education Today*, 2017, vol. 7, no. 5, pp. 25–36. (In Russ.).

13. Savva L. I., Derina N. V. Vektor professional'nogo obrazovaniya na razvitie liderskikh kachestv v globalizatsionnoy mire, *Vestnik OGU = Vestnik of the Orenburg State University*, 2019, no. 2 (220), URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vektor-professionalnogo-obrazovaniya-na-razvitie-liderskih-kachestv-v-globalizatsionnoy-mire> (accessed 13 September 2024). (In Russ.).

14. Goncharova A. L., Orekhova T. F., Kruzhilina T. V. Teoreticheskoe obosnovanie kompleksa pedagogicheskikh uslovii formirovaniya proektnoi kul'tury budushchikh arkhitektorov khudozhestvenno-arkhitekturnymi sredstvami v protsesse nepreryvnogo obrazovaniya, *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and psychology*, 2024, vol. 12, no. 1, URL: <https://mir-nauki.com/PDF/44PDMN124.pdf> (accessed 13 September 2024). (In Russ.).

Информация об авторах

Костомарова Е. В. – заместитель директора Муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Академический лицей» г. Магнитогорска.

Савва Л. И. – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогического образования и документоведения Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова».

Смущкевич Л. Н. – кандидат педагогических наук, директор МАОУ «Академический лицей» г. Магнитогорска.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kostomarova E. V. – deputy director Municipal Autonomous General Education Institution ‘Academic Lyceum’.

Savva L. I. – doctor of Pedagogical Sciences, Professor at the Department of Pedagogical education and Document Science, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU).

Smushkevich L.N. – candidate of Pedagogical Sciences Municipal Autonomous General Education Institution ‘Academic Lyceum’.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.11.2024; одобрена после рецензирования 30.11.2024; принята к публикации 05.12.2024.

The article was submitted 15.11.2024; approved after reviewing 30.11.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Гуманитарно-педагогические исследования. 2024. Т. 8. № 4. С. 15–20.
Humanitarian and pedagogical Research, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 15–20.

Original article

UDC 378.1

doi: 10.18503/2658-3186-2024-8-4-15-20

Self-organization culture formation of technical university students: axiological approach

Natalja V. Dyorina¹

Alla D. Nikolaeva²

¹Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia, nataljapidckaluck@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0613-0864>

²Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "M. K. Ammosov North-Eastern Federal University", Yakutsk, Russia, allanikol@list.ru

Corresponding author: Natalja V. Dyorina, nataljapidckaluck@yandex.ru

Abstract. In the modern world, where technologies are rapidly developing, the issue of forming students' self-organisation culture becomes especially relevant in technical universities. The digital educational environment provides unique opportunities for students, allowing them not only to acquire knowledge, but also to develop self-organisation skills necessary for successful professional activity. The fundamental element of the research is the axiological approach, which focuses on the values and meanings underlying the educational process. The formation of students' self-organisation culture in the digital educational environment of a technical university is a multifaceted process that requires the integration of modern technologies, optimisation of pedagogical activities and emphasis on the values of self-education. As a result of this approach, students not only become more independent and responsible, but also ready for the challenges that await them in their professional life. The purpose of this study was to identify ways that contribute to the formation of students' value attitude to the culture of self-organisation in the digital educational environment of a technical university. Students' creative potential is not just the ability to artistic self-expression, but also the ability to find non-standard solutions in various situations. According to the authors, it is important to accompany the process of formation of students' self-organisation culture with different types of values, which is more effectively implemented on the basis of the axiological approach. The article describes the main provisions and principles of the axiological approach, which are used in the process of formation of students' self-organisation culture in the conditions of the digital educational environment of a technical university.

Keywords: axiological approach, axiological principles, optimisation of pedagogical activity, creative potential, culture of self-organisation, interaction with digital educational environment of the higher education institution, technical university

For citation: Dyorina N. V., Nikolaeva A. D. Self-organization culture formation of technical university students: axiological approach, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya = Humanitarian and pedagogical Research*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 15–20. doi: 10.18503/2658-3186-2024-8-4-15-20.

Научная статья

Формирование культуры самоорганизации студентов технического вуза: аксиологический подход

Наталья Владимировна Дёрина

Алла Дмитриевна Николаева

¹Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия, nataljapidckaluck@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0613-0864>

²Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова», Якутск, Россия, allanikol@list.ru

Автор, ответственный за переписку: Natalja V. Dyorina, nataljapidckaluck@yandex.ru

Аннотация. В современном мире, где технологии стремительно развиваются, вопрос о формировании культуры самоорганизации студентов становится особенно актуальным в технических вузах. Цифровая образовательная среда предоставляет уникальные возможности для студентов, позволяя им не только получать знания, но и развивать навыки самоорганизации, необходимые для успешной профессиональной деятельности. Основопологающим элементом исследования является аксиологический подход, который акцентирует внима-

© Dyorina N. V., Nikolaeva A. D., 2024

ние на ценностях и смыслах, лежащих в основе образовательного процесса. Формирование культуры самоорганизации студентов в цифровой образовательной среде технического вуза является многогранным процессом, который требует интеграции современных технологий, оптимизации педагогической деятельности и акцентирования внимания на ценностях самообразования. В результате такого подхода студенты не только становятся более самостоятельными и ответственными, но и готовыми к вызовам, которые ждут их в профессиональной жизни. Цель данного исследования заключалась в выявлении способов, которые способствуют формированию ценностного отношения студентов к культуре самоорганизации в цифровой образовательной среде технического вуза. Творческий потенциал студентов – это не просто способность к художественному самовыражению, но и умение находить нестандартные решения в различных ситуациях. По мнению авторов, важно сопровождать процесс формирования культуры самоорганизации студентов различными видами ценностей, что эффективнее реализовать на основе аксиологического подхода. В статье описываются основные положения и принципы аксиологического подхода, которые используются в процессе формирования культуры самоорганизации студентов в условиях цифровой образовательной среды технического университета.

Ключевые слова: аксиологический подход, оптимизация педагогической деятельности, творческий потенциал, культура самоорганизации, взаимодействие с цифровой образовательной средой вуза, аксиологические принципы

Для цитирования: Дёрина Н. В., Николаева А. Д. Формирование культуры самоорганизации студентов технического вуза: аксиологический подход // Гуманитарно-педагогические исследования. 2024. Т. 8. № 4. С. 15–20. doi: 10.18503/2658-3186-2024-8-4-15-20.

Introduction

In the rapidly evolving landscape of digital education, particularly within technical universities, the need for a robust methodological framework for research has never been more pressing. This article explores the general vector of research methodologies, focusing on how they can be effectively applied to enhance students' autonomous activity and self-organization in this digital context. A critical aspect of our research involves studying the procedural features and applied pedagogical technologies that facilitate autonomous learning. This includes investigating various teaching methods, digital tools, and learning environments that promote self-directed learning among students. By analyzing these elements, we can understand how to create a conducive environment for students to thrive independently.

The authors of this research utilize a range of theoretical and methodological approaches as the foundation for their study. These approaches serve as the backbone of the educational concept aimed at fostering a culture of autonomous activity among students. By integrating various methodologies, researchers can ensure a comprehensive analysis that addresses both the theoretical and practical dimensions of the subject. The methods proposed by the authors aim to uncover the general regularities and principles that govern the formation of a culture of self-organization among students. By exploring these principles, researchers can identify best practices and innovative strategies that can be adopted by educators to promote self-directed learning. This exploration also provides a foundation for outlining promising trajectories for future research, ensuring that the field continues to evolve in response to emerging educational needs.

E. V. Gnatyshina [1] emphasizes the importance of integrated methodological approaches in ensuring the thoroughness and completeness of research. By combining various methodologies, researchers can gain a more nuanced understanding of the complexities involved in fostering autonomous activity in students. This integrated approach not only enriches the research findings but also enhances their applicability in real-world educational settings.

In conclusion, the exploration of methodological approaches in the context of digital education at technical universities is crucial for developing a culture of autonomous activity among students. By defining the research phenomenon, analyzing pedagogical technologies, and establishing a clear terminological framework, researchers can contribute significantly to the field. The insights gained from this research not only advance academic discourse but also provide practical guidance for educators aiming to empower students in their learning journeys. As we continue to navigate the challenges and opportunities presented by digital education, a strong methodological foundation will be essential for fostering effective and meaningful learning experiences. In this case, we can use all the basic principles or strategies that are used in solving the problems of studying a particular topic: I. V. Blauberg and E. G. Yudin [2] suggest treating the concept under consideration as a general methodological position within the research, as the position of the researcher in relation to the object of study or the principle of research strategy. The methodological approach is considered as a research strategy and tactics in the works of E. V. Gnatyshina and E. M. Kharlanova [1, 3].

The development of intellectual, worldview, ethical and moral values of the student is carried out on the basis of the axiological concept (E.V. Bondarevskaya [4], Y. A. Raisvikh [5]). Thus, the cultural ap-

proach provisions act as a basis for building a general picture of the research. It determines the direction of the researcher's activity in the process of forming the student's self-organisation culture on the basis of the digital educational environment of a technical university and indicates the most effective methods of teaching students. As V. Bepalko notes, a strategy in education is 'a general formulation of further improvement of the educational process', which includes a set of goals and objectives that take into account the possibilities of the existing pedagogical process. In the context of the digital educational environment, this means the need to adapt teaching methods to new conditions, which opens the door for innovative approaches and technologies [6, p. 212].

Materials and methods

The process of forming the student's self-organization culture with intellectual, attitudinal, aesthetic, moral values is based on the axiological approach (I. F. Isaev [7], N. S. Rozov [8], G. P. Shchedrovitsky [9], etc.). If the cultural approach is the general scientific foundation of the research, which sets the general direction of research and determines the general vector of development of students of technical university on the basis of digital educational technologies of technopark, it is possible to determine the most effective ways of pedagogical support of the student in the conditions of digital educational environment of technical university.

In accordance with the axiology theory, a person is considered as a subject of communication and the creative process. In fact, values are the main formation factor of individual or collective decisions and determine the development perspective of an individual or society as a whole. Scholars L. I. Savva, et al. believes that education is an important factor in the formation of students' cultural identity [10].

In addition, it is learning that is the main way to form the student's self-organisation culture and the culture element. To understand the fundamental tasks of professional education, some authors as N. V. Dyorina, E. I. Rabina, et al. [11; 12] outline the following priority tasks: to reveal the values that contribute to the realisation of the essential forces of personality; to develop personality in terms of its various potentials – intellectual and creative.

According to the work authors, this system of axiological principles reveals the axiological approach nature:

- the conformity of philosophical views that underlie the unified system of humanistic values is not affected by the diversity of cultural and ethnological characteristics;
- with equal creative and cultural potential, it is necessary to study the experience of the past, the possibilities of spiritual discovery in time or space. This can become a useful dialogue between scientists-innovators and supporters of traditional theories.

Being based on the axiological approach principles, education is aimed at developing students' valuable moral qualities and expanding their creative resources. According to these principles, education is primarily focused on the development of regular learning and self-organisation skills. The main component is the learner of higher education. According to the opinion of several authors Yu. V. Yuzhakova, L. S. Polyakova, et al., all the axiological principles mentioned above imply the humanistic education essence [13]. It is intended for the formation of personality and creative potential of students, formation of their life values in accordance with human values; development of creativity, formation of student's self-organisation culture.

However, these principles unite different sciences, which can be used to build interdisciplinary collaboration and allow them to come to optimal solutions. Today's task - the unification of sciences on a humanistic basis – is one of the most important in the modern world. This is the humanistic vector essence, which is the basis for the humanity future. The development of a person's humanistic essence is of special importance for the formation of the humanistic culture component (R. A. Goryashina [14], L. I. Savva, et al. [10], G. A. Chistov [15]).

According to our research trajectory, the whole system is based on the axiological approach principles: subjectivity, integrativity, adaptability, contextuality.

In order to understand the functioning of the adaptability principle, it is necessary to take into account all the components of the learning process: from the students' characteristics, their capabilities and educational needs to the socio-cultural context of education and the environment as a whole. This principle defines the requirements for the content and structure of learning material, as well as organisational forms and methods of teaching, taking into account the limited abilities of students (sensory, cognitive, speech, motor).

With the help of the contextuality principle it is possible to create the subject and socio-cultural content of a specialist's future work, using didactic forms or methods for training. Abstract sign tools will fit into the frame of this work. The basic term in the theory of contextual learning is the concept of 'context'. It

is the life variety formation and professional conditions during the learning process that provides personal involvement of the learner in the process of learning, mastering professional activity. In the process of learning there is a personal participation of the learner in the study and mastering the profession.

Now there are various approaches to define the subject problem in personality, which allow scientists to consider subjectivity as a universal way to change or develop a person. Subject includes such qualities as activity, autonomy and creative personality responsible for their actions. They are the main components that help people to become full-fledged people in the high-speed world of information and digital space, which is the main feature of modern development.

In the modern world, where information is available at every step, self-education becomes an integral part of personal and professional growth. The understanding of self-educational subjectivity as a set of abilities for identification, comprehension, goal-setting and reflection opens new horizons for every person striving for self-development. Self-educational subjectivity is not just a set of skills, but a whole system that allows a person to consciously approach his/her learning. By developing the abilities of identification, reflection, goal-setting and reflection, everyone can become the architect of their own educational path, achieving their goals and opening new horizons for personal and professional growth. It is important to remember that self-education is a process that requires time, patience and constant pursuit of knowledge.

Results

The concept of students' self-organisation culture is determined by individual value orientations. It is manifested in the choice of behaviour ways aimed at overcoming crisis periods and recognition of essential or non-essential. In difficult situations it is necessary to choose the right behavioural strategy. In addition, the connection between education and spiritual values, which are specific to the national culture, is of great importance in the axiological approach framework.

The study by E. I. Tupikin and N. N. Dvulichanskaya [17, p. 147] traces the tendency importance to emphasise the p material resentation in a certain sequence with the increasing value of natural science knowledge in the process of forming the moral scale of values (awareness of the culture value).

In the modern educational process, the axiological approach takes an important place, especially in the context of formation of students' self-organisation culture. This approach focuses on the values that play a key role in the development of personality and its ability to self-organisation. Let us consider the main functions of the axiological approach that contribute to the effective formation of self-organisation culture. The gnostic function of the axiological approach is aimed at students' acquisition of knowledge about values necessary for the formation of the culture of self-organisation. It is important that students not only know about the existence of different values, but also understand their significance and influence on personal development. This can be achieved through courses, seminars and workshops where students can explore and discuss key values such as responsibility, autonomy and cooperation. The indicative (motivating) function implies students' orientation to a certain set of values and their conscious choice, which is an important aspect of forming the culture of self-organisation. Students should learn not only to recognise values, but also to apply them in their daily lives. This may include creating projects that demonstrate how the chosen values can be realised in practice, or participating in volunteering initiatives where students can see the value of cooperation and mutual help. The informative function of the axiological approach allows students to assess the significance of various values in the process of forming a culture of self-organisation. This includes analysis and reflection, which helps students to realise which values are most important to them and how they can influence their personal and professional goals. The use of self-assessment and feedback techniques can be an effective tool for developing this function.

Formation of students' self-organisation culture through axiological approach is a multifaceted process that requires attention to various aspects of values. Gnostic, indicative and informative functions play a key role in this process, contributing not only to the development of knowledge about values, but also to their practical application. Ultimately, the axiological approach helps students to become more self-confident, responsible and active participants in society.

Conclusion

Consideration of the axiological approach specifics allowed to formulating a set of provisions in relation to the research problem.

1. With the development of technology and the introduction of digital educational systems in technical

universities, there is a new paradigm of learning that promotes the formation of self-organisation culture in students. This phenomenon becomes especially relevant in the conditions of the modern world, where the abilities to self-organisation and self-regulation become key for successful professional activity.

2. In the conditions of digital educational environment it is impossible to talk about self-organisation without taking into account self-awareness. Students need to recognise their strengths and weaknesses, and understand how their personal values and goals relate to the educational process. This self-awareness allows them to more effectively set goals and develop strategies to achieve them. Digital tools such as progress tracking apps, feedback and self-assessment platforms can greatly assist in this process. They allow students not only to analyse their achievements, but also to adjust their actions based on their results.

3. In the axiological approach framework main values that contribute to the implementation of the essential features of personality and their self-improvement are defined.

4. Based on the principles that are used in the axiological approach, the student can develop their intellectual and creative potentials. According to L. I. Savva, N. V. Dyorina, et al., this manifests itself in the ability to freely orientate to complex professional or social events to understand new ideas of the digital educational environment [10; 12].

Thus, the axiological approach not only enriches the educational process, but also becomes an important tool to prepare students for life in the digital age. It helps them to develop the necessary skills and values that will contribute to their successful self-realisation in both professional and social spheres. It is important that educational institutions actively implement this approach, thus creating conditions for the formation of a new generation of specialists ready for the challenges of the modern world.

Список источников

1. Гнатышина Е. В. Ценностно-смысловые ориентиры формирования цифровой культуры будущего педагога. Челябинск : Российская академия образования, 2019. 234 с.
2. Блауберг И. В., Юдин Е. Г. Становление и сущность системного подхода. М. : Наука, 1973. 271 с.
3. Харланова Е. М. Концепция развития социальной активности студентов вуза в процессе интеграции формального и неформального образования. Челябинск : Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2014. 380 с.
4. Бондаревская Е. В. Ценностные основания личностно-ориентированного воспитания // Педагогика. 1995. № 4. С. 29–36.
5. Райсвих Ю. А. Формирование аксиологической направленности : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Челябинск, 2009. 24 с.
6. Беспалько В. П. Слагаемые педагогической технологии. М. : Педагогика, 1989. 192 с.
7. Исаев И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя: учеб. пособие для вузов; Междунар. акад. наук пед. образования. 2-е изд., стер. М. : Academia, 2004. 206 с.
8. Розов Н. С. Философия гуманитарного образования: Ценностные основания базового гуманитарного образования в высшей школе / Н. С. Розов. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1993. 194 с.
9. Щедровицкий Г. П. Система педагогических исследований (методологический анализ). М. : КАСТАЛЬ, 1993. 287 с.
10. Савва Л. И., Дерина Н. В., Пономарева Л. Д. и др. Гуманитаризация профессиональной подготовки студентов технического вуза. Магнитогорск : Магнитогорский государственный технический университет им. Носова, 2019. 211 с.
11. Dyorina N. V. A combination of methodological approaches to the students' self-organisation culture // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 83-2. P. 115–118.
12. Rabina E. I., Dyorina N. V. Structural-functional development model for time self-organization abilities of university students // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2020. 67-2. P. 157–160.
13. Южакова Ю. В., Полякова Л. С., Залавина Т. Ю. [и др.]. Анализ ценностных ориентаций обучающихся технического вуза в современных социально-экономических условиях // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 5(56). С. 6.
14. Горяшина Р. А. Гуманизм как идейное течение в культуре человечества // Молодой ученый. 2019. № 25(263). С. 396–399.
15. Чистов Г. А. Гуманизм как основополагающий принцип бытия человека. Исторические формы. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2009. 35 с.
16. Князькова О. Н. О понятии «культура самоорганизации личности студента» // Молодой ученый. 2012. № 11. С. 428–432.
17. Тупикин Е. И., Дзуличанская Н. Н. Механизм реализации аксиологического подхода при изучении химии в профессиональных образовательных учреждениях // Вестник Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана. Серия Естественные науки. 2006. № 4(23). С. 101–105.

References

1. Gnatyshina E. V. Value-semantic guidelines for the formation of the digital culture of the future teacher. Diss... for the candidate. Academic degree of Doctor of Pedagogical Sciences, Chechen State University, Grozny, 2019, 355 p.
2. Blauberger I. V., Yudin E. G. Stanovleniye i sushchnost' sistemnogo podkhoda, Moscow, Nauka, 1973, 271 p.
3. Harlanova E. M. Kontsepsiya razvitiya sotsial'noy aktivnosti studentov v protsesse integratsii formal'nogo i neformal'nogo obrazovaniya, Chelyabinsk, Publishing house of Chelyabinsk state ped. university, 2014, 380 p.
4. Bondarevskaya E. V. Tsennostnyye osnovaniya lichnostno-oriyentirovannogo vospitaniya, *Pedagogika = Pedagogy*, 2007, no. 8, pp. 44–53. (In Russ.).
5. Raisvikh Yu. A. Formirovaniye aksiologicheskoy napravlenosti: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk, Chelyabinsk, 2009, 24 p.
6. Bespalco V. P. Slagayemyye pedagogicheskoy tekhnologii, Moscow, Pedagogy, 1989, 192 p.
7. Isaev I. F. Professional'no-pedagogicheskaya kul'tura prepodavatelya: Uchebnoye posobiye dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy, Moscow, Publishing center "Academy", 2004, 208 p.
8. Rozov N. S. Tsennosti i obrazovaniye (Vekhi istorii sovremennoy mysli), *Vestnik vysshey shkoly = Bulletin of the Higher School*, 1991, no. 12, pp. 37–46. (In Russ.).
9. Shchedrovitsky G. P. Sistema pedagogicheskikh issledovaniy (metodologicheskii analiz), Moscow, KASTAL, 1993, 287 p.
10. Savva L. I., Derina N. V., Ponomareva L. D. et al. Gumanitarizatsiya professional'noy podgotovki studentov tekhnicheskogo vuza, Magnitogorsk, Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2019, 211 p.
11. Dyorina N. V. A combination of methodological approaches to the students' self-organisation culture, *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*, 2024, no. 83-2, pp. 115–118.
12. Rabina E. I., Dyorina N. V. Structural-functional development model for time self-organization abilities of university students. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2020, no. 67-2, pp. 157–160. (In Russ.).
13. Yuzhakova Yu. V., Polyakova L. S., Zalavina T. Yu., Derina N. V. Analiz tsennostnykh oriyentatsiy obuchayushchikhsya tekhnicheskogo vuza v sovremennykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh, *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 2018, no. 5 (56), pp. 6, DOI 10.26105 / SSPU.2019.56.5.006. (In Russ.).
14. Goryashina R. A. Gumanizm kak ideynoye techeniye v kul'ture chelovechestva, *Molodoy uchenyy*, 2019, no. 25 (263), pp. 396–399. URL: <https://moluch.ru/archive/263/60930/>. (In Russ.).
15. Chistov G. A. Gumanizm kak osnovopolagayushchiy printsip bytiya cheloveka. Istoricheskiye formy, Chelyabinsk, Publishing center of SUSU, 2009, 35 p.
16. Knyazkova O. N. On the concept of "culture of self-organization of the student's personality", *Molodoy uchenyy*, 2012, no. 11 (46), pp. 428–432. (In Russ.).
17. Tupikin E. I., Dvulichanskaya N.N. Mekhanizm realizatsii aksiologicheskogo podkhoda pri izuchenii khimii v professional'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh, *Vestnik MGTU im.N.E. Baumana. Ser. «Yestestvennyye nauki» = Bulletin of Bauman Moscow State Technical University. Series "Natural Sciences"*, 2006, no. 4 (23), pp. 101–105. (In Russ.).

Информация об авторах

Дёрин Н. В. – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова».

Николаева А. Д. – профессор, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Dyorina N. V. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Foreign Languages in Engineering Department, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University.

Nikolaeva A. D. – Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Pedagogy, North-Eastern Federal University in Yakutsk (NEFU).

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.11.2024; одобрена после рецензирования 15.11.2024; принята к публикации 28.11.2024.

The article was submitted 06.11.2024; approved after reviewing 15.11.2024; accepted for publication 28.11.2024.

И. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Обзорная статья
УДК 94(470)“1934/1939”
doi:10.18503/2658-3186-2024-8-4-21-34

«Ближний круг И. В. Сталина»: принципы кадрового отбора в 1934–1939 гг. Часть 1. К постановке проблемы

Надежда Николаевна Макарова

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск. Россия, makarovanadia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1662-0338>

Аннотация. Изучение политических элит традиционно остается популярной темой. Особый интерес вызывают политические элиты и лидеры эпохи сталинизма. В научной литературе утвердился термин «ближний круг» И. В. Сталина, который представлял собой верхушку советской политической элиты, привилегированной группы, занимавшей руководящие позиции во властных структурах, непосредственно участвовавших в принятии решений, связанных с использованием власти. Все представители советской политической элиты 1934–1939 гг. являлись сталинскими выдвиженцами, которые попали в высшие и средние эшелоны партийно-государственного аппарата. По своему конкретному составу сталинское окружение – переменная величина, подвижное сообщество сталинских соратников, в разной степени преданных вождю, что, в конечном счете, и определяло их иерархическое положение. Именно об «ближнем круге» пойдет речь в данной статье. Чтобы приблизиться к пониманию проблемы необходимо проанализировать состав политической элиты по биографическим параметрам, рассмотреть партийно-государственную деятельность и сферу компетенции каждого представителя «ближнего круга», изучить семейное положение и качество быта советской высшей номенклатуры, исследовать взаимоотношения между представителями политбюро, показать причастность к репрессиям и выявить стратегии выживания представителей сталинского окружения. В целом, иерархическое положение высшей номенклатуры определялось преданностью И. В. Сталину и теми критериями, которые он предъявлял к своим соратникам: давние дружеские взаимоотношения, профессиональная компетентность, волевые качества, физическая выносливость и трудоспособность, причастность к репрессиям, наличие в биографии «темных пятен», исполнительность. Не все в окружении вождя смогли пройти подобный отбор.

Ключевые слова: история сталинизма, политбюро, политическая элита, кадровая политика, «ближний круг» И. В. Сталина

Для цитирования: Макарова Н. Н. «Ближний круг И. В. Сталина»: принципы кадрового отбора в 1934–1939 гг. Часть 1. К постановке проблемы (продолжение следует) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2024. Т. 8. № 4. С. 21–34. doi:10.18503/2658-3186-2024-8-4-21-34.

II. HISTORY

Review article

“J. V. Stalin inner circle”: principles of personnel selection in 1934–1939. Part 1. To statement of the problem

Nadezda N. Makarova

Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia; makarovanadia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1662-0338>

Abstract. The study of political elites has traditionally remained a popular topic. Of particular interest are the political elites and leaders of the Stalinist era. In the scientific literature, the term “inner circle” of J. V. Stalin was established, which represented the top of the Soviet political elite, a privileged group that occupied leadership positions in power structures directly involved in decision-making related to the use of power. All representatives of the Soviet political elite 1934–1939. were Stalin’s nominees who found their way into the highest and middle echelons of the party

© Макарова Н. Н., 2024.

and state apparatus. In terms of its specific composition, Stalin's entourage is a variable quantity, that is, a mobile community of Stalin's comrades-in-arms, loyal to the leader to varying degrees, which ultimately determined their hierarchical position. It is the "inner circle" that will be discussed in this article. To get closer to understanding the problem, it is necessary to analyze the composition of the political elite according to biographical parameters, consider the party and state activities and the sphere of competence of each representative of the "inner circle", study the marital status and quality of life of the Soviet higher nomenklatura, examine the relationship between representatives of the Politburo, show the involvement in repressions and identify survival strategies of representatives of Stalin's circle. In general, the hierarchical position of the highest nomenklatura was determined by devotion to J.V. Stalin and the criteria that he presented to his comrades: long-standing friendly relationships, professional competence, strong-willed qualities, physical endurance and ability to work, involvement in repressions, existence of "dark spots" in the biography, diligence. Not everyone around the leader was able to pass such a selection.

Keywords: history of Stalinism, Politburo, political elite, personnel policy, "inner circle" of J. V. Stalin

For citation: Makarova N. N. «Inner circle J. V. Stalin»: principles of personnel selection in 1934–1939. Part 1. Towards the formulation of the problem (to be continued), *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya = Humanitarian and pedagogical Research*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 21–34. (In Russ.) doi:10.18503/2658-3186-2024-8-4-21-34.

Введение

Благодаря художественному фильму Андрона Кончаловского «Ближний круг» (1991 г.) в научной литературе получил прописку одноименный термин. Сталинский «ближний круг» – это привилегированная группа близких соратников, занимающая руководящие позиции во властных структурах, непосредственно участвующая в принятии важнейших решений. В данной работе предпринята попытка рассмотреть процесс формирования «ближнего круга», выделить ряд важных качеств этой группы, выявить особенности межличностных отношений, а также дать некую общую характеристику И. В. Сталину и его «ближнему кругу» как политикам, управленцам, людям. Пройти «через сито» личного сталинского отбора удавалось немногим, и сам факт принадлежности к советской элите 1934–1939 гг. говорил о многом. Однозначной оценки эти деятели сталинской школы не имеют, так как определение их значимости выходит за рамки предвоенного времени. Восторжествовавшие в 1930-е гг. интеллектуальный ценз и политическая культура кремлевского руководства сохранились до конца сталинского правления, оставив заметный след в истории СССР.

Предпринятая нами попытка рассмотрения политической элиты должна устранить имеющиеся пробелы и упростить дальнейшие попытки систематизации материала по данной проблеме. Рассмотрение советской политической элиты чрезвычайно важно для воссоздания цельной картины 1934–1939 гг.

Хронологические рамки работы охватывают пятилетний период с 10 февраля 1934 г. (XVII съезд) до 22 марта 1939 г. (XVIII съезд). В эти годы сложилось устойчивое «ядро» сталинских соратников, внутри которого происходило перераспределение властных полномочий. Одновременно, после гибели С. М. Кирова, наблюдалось усиление карательного-репрессивного курса с последующим обновлением состава ЦК ВКП(б). К марту 1939 г. в политбюро свои позиции сохранили или укрепили десять человек – половина представителей сталинского «ближнего круга».

Под «ближним кругом» мы понимаем «узкое руководство» СССР. Его формировали члены и кандидаты в члены политбюро: сам И. В. Сталин и А. А. Андреев, Л. П. Берия, К. Е. Ворошилов, Н. И. Ежов, А. А. Жданов, Л. М. Каганович, М. И. Калинин, С. М. Киров, С. В. Косиор, В. В. Куйбышев, А. И. Микоян, В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе, Г. И. Петровский, П. П. Постышев, Я. Э. Рудзутак, Н. С. Хрущев, В. Я. Чубарь, Н. М. Шверник, Р. И. Эйхе.

Историография проблемы

Историография данной проблемы весьма обширна, но в силу ряда причин многие ее аспекты остались без должного рассмотрения. При кажущемся многообразии работ многие исторические фигуры, о которых идет речь в исследовании, до настоящего момента изучены поверхностно. Продолжительное время И. В. Сталин и часть его окружения представали в свете идеализированной трактовки истории советского общества, которая возобладали в сталинскую эпоху и была обновлена при Н. С. Хрущеве. В отечественной историографии нами было выделено три периода.

Первый период – 1924–1953 гг. – время формирования и торжества культа личности не только самого И. В. Сталина, но и его основных соратников. Публикации этого периода носят ярко выраженный апологетический характер, с односторонним и некритическим освещением биографических вех и эпизодов. Об И. В. Сталине писали при жизни восторженно. Создавались работы о великой

личности, сыгравшей огромную роль в деле революции и становлении советского государства. Первый биографический очерк о нем вышел из-под пера Г. П. Шидловского в 1923 г. и был опубликован в изданиях под редакцией В. И. Невского «Материалах для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение от 1880 до 1905 г.». Автор использовал сведения, исходившие не только от героя очерка, но и другие источники. Едва эти материалы появились в печати, как по решению комитета РКП(б) вышла брошюра со сведениями о членах ЦК РКП(б). Она имела символическое название «12 биографий». В предисловии к ней говорилось о том, что этот сборник биографий составлен по поручению МК РКП(б) Борисом Волиным на основании материалов Истпарта – автобиографических заметок и анкетных листов. Так впервые широкая советская партийная аудитория познакомилась с биографией своего будущего вождя. В 1925 г. грузинский Истпарт опубликовал брошюру С. Талаквадзе «К истории Коммунистической партии Грузии», в которой сообщались ранее не известные факты из биографии И. В. Сталина, в том числе и обвинения меньшевиков в адрес Кобы (якобы он являлся агентом царского правительства). В 1927 г. И. В. Товстуха, заведующий секретариатом И. В. Сталина, подготовил новую биографию вождя, которая сначала появилась на страницах «Энциклопедического словаря русского биографического института братьев Грана», а затем была издана отдельной брошюрой.

В Тифлисе 21 июля 1935 г. состоялось собрание партийного актива, на котором с докладом «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» выступил Л. П. Берия. В его выступлении И. В. Сталин назывался создателем и руководителем большевистской организации Закавказья. Доклад Л. П. Берии был опубликован отдельной книгой, в которую позднее были внесены дополнения. В период с 1935 по 1952 гг. книга переиздавалась девять раз.

В 1935 г. было принято решение о написании нового варианта биографии И. В. Сталина. Ко дню празднования 60-летия вождя Институт К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина (ИМЭЛ) подготовил еще один вариант его биографии, появившийся в печати в 1939 г. под названием «Иосиф Сталин. Краткая биография», а в 1947 г. увидело свет второе, переработанное издание «Краткой биографии», которое редактировал непосредственно Сталин.

Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний в 1950 г. издает тиражом 225 тысяч экземпляров стенограмму публичной лекции кандидата филологических наук Г. С. Черемина «Образ И. В. Сталина в советской художественной литературе». Основная мысль данной публикации такова: «Все великое и прекрасное в нашу эпоху раскрывается через образ Сталина». Появление работ о сталинских соратниках носило эпизодический характер. Исключение составляют работы о К. Е. Ворошилове: публикация О. Л. Леонидова «Климент Ефремович Ворошилов. Жизнь и боевая работа» (1925 г.), призванная в известной степени «подготовить почву» для дальнейшего восхождения К. Е. Ворошилова на военно-политический Олимп; брошюра И. Вардина «Ворошилов, рабочий вождь РККА» (1926 г.), в которой «железный нарком» предстает в роли народного полководца и умудренного политическим опытом партийного деятеля; биографический очерк А. Тарасова-Родионова «Товарищ Ворошилов» (1928 г.), где объясняется закономерность пребывания К. Е. Ворошилова во главе военного ведомства; в 1931 г. к 50-летию К. Е. Ворошилова выходят труды Н. И. Миллера «К. Е. Ворошилов и Луганский пролетариат», С. Н. Орловского «К. Е. Ворошилов», в которых формируется образ Ворошилова как достойного и талантливого преемника М. В. Фрунзе – предыдущего наркомвоенмора и председателя Революционного Военного Совета (РВС). В исследованиях внимание уделяется поверхностным, лишь визуально очевидным аспектам. В условиях жесткой внутрипартийной борьбы за власть авторами особенно подчеркивалась близость К. Е. Ворошилова к И. В. Сталину и жесткие позиции по вопросам политического устройства. Однако после неудач и провалов в советско-финской войне и Великой Отечественной войне о К. Е. Ворошилове перестали писать.

Было издано много работ о С. М. Кирове. В 1935 г. коллектив авторов во главе с М. Беликовым выпускает работу «Киров и дети» [1]; в 1939 г. журнал «Красный архив» публикует материалы к биографии Кирова; в 1940 г. в журнале «Звезда» появляются «Простые рассказы» Е. Федорова и статья С. Дрейзена «Киров и искусство». Все публикации носят апологетический характер, их главная цель – канонизация образа советского руководителя.

Наркома Н. И. Ежов оказался фокусе внимания «летописцев» в 1930-е гг., когда он неожиданно для многих стал фаворитом вождя. Сохранилась рукопись книги известного советского писателя А. Фадеева о Ежове под названием «Николай Иванович Ежов: сын нужды и борьбы», хотя она так и не была опубликована.

Второй период – 1953–1985 гг. – период дозированной критики И. В. Сталина «сверху». Реабилитация жертв политических репрессий вызвала издание отдельных публикаций о высокопоставлен-

ных партийных функционеров, пострадавших в 1930-е гг.

Огромное влияние на освещение судьбы репрессированных руководителей оказал известный доклад Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». Высокая оценка деятельности таких представителей большевистской гвардии, как Р. И. Эйхе, Я. Э. Рудзутак, С. В. Косиор, В. Я. Чубарь, П. П. Постышев, ставших жертвами большого террора, характерна для советской историографии 1960–1980-х гг. Среди биографических работ этого периода можно назвать следующие: В. З. Дробичев «Чубарь» (1963 г.), В. С. Ключник «Г. И. Петровский» (1970 г.), Г. А. Марягин «Постышев» (1965 г.), А. Ф. Меленевский «Григорий Иванович Петровский» (1987 г.), Р. Я. Раджапова «Я. Э. Рудзутак» (1976 г.), П. Н. Рашев «Его именем назван город» (1978 г., о Петровском Г. И.), Э. Ю. Ривош «П. П. Постышев» (1962 г.), Г. А. Трукан «Ян Рудзутак» (1963 г.).

Поток литературы о С. М. Кирове не уменьшается. С. М. Кирова рисовали только розовыми красками как выдающегося политического деятеля, человека высоких моральных устоев, действовавшего в окружении врагов и шпионов. Такими работами являются публикации С. С. Синельникова «Киров» (1964 г.); Г. Д. Нагаева «Ради счастья» (1974 г.); Г. Холопова «Грозный год» (1986 г.).

Каждый автор стремился дать комплексную характеристику личности, о которой писал. Однако данные труды не дают всестороннего и объективного освещения биографий. Основное внимание в работах было уделено революционной борьбе и гражданской войне. Деятельность представителей политбюро в 1930-е гг. практически не освещается. Исключение составляет книга Ф. Г. Сейраняна «Г. К. Орджоникидзе в годы социалистического строительства». Автор на основе большого количества источников и архивного материала показывает деятельность Г. К. Орджоникидзе на постах секретаря Закрайкома, Председателя ЦКК – Наркома РКИ, председателя ВСНХ СССР, наркома тяжелой промышленности.

В этот период не выходили работы об уцелевшем «ядре» сталинских соратников, в связи с исключением их в 1957 г. из числа руководящего состава. Первыми относительно крупными исследованиями можно считать работы В. С. Акшинского «Климент Ефремович Ворошилов» [2] и В. И. Кардашова «Ворошилов», где авторами сделаны попытки комплексно охарактеризовать личность этого представителя военно-политической элиты. Однако данные труды вследствие известных причин используют исключительно позитивные факты его прошлого.

Часть историков критиковала И. В. Сталина с социалистических позиций. Самым известным из них является Р. А. Медведев, написавший ряд исторических биографий. Его труд «К суду истории» был написан еще в 1968 г. и издан на родине только в 1990 г. Осуждая эксцессы культа личности, Р. А. Медведев фактически принял сложившуюся при И. В. Сталине модель государства. Пионером хрущевского «воскрешения» стал также Р. А. Медведев, опубликовавший в 1976 году в Нью-Йорке биографию Н. С. Хрущева. В СССР биография была напечатана в журнальном варианте («Дружба народов») в годы перестройки. Р. А. Медведев назвал Н. С. Хрущева «одной из наиболее ярких и противоречивых фигур 20-го столетия». Пытаясь реформировать сталинскую систему, Н. С. Хрущев остался ее продуктом, из-за чего и потерпел неудачу.

Третий период – 1985–2020 гг. – годы, когда появляется множество работ, по-разному оценивающих деятельность представителей политбюро. В условиях плюрализма трактовок можно выделить труды, написанные о И. В. Сталине и его окружении в негативном, позитивном и объективном контекстах.

Самым известным биографом И. В. Сталина в годы перестройки стал директор Института военной истории Д. А. Волкогонов. Его двухтомная книга «Триумф и трагедия» стала первой относительно полной и объективной биографией вождя [3]. Впервые используя многие архивные документы, Д. А. Волкогонов воссоздал картину формирования и укрепления режима личной власти И. В. Сталина. Отвечая на вопрос: «Как триумф одного человека обернулся трагедией для целого народа?», автор не затрудняется с ответом. Причина всего – отрицательные качества И. В. Сталина. Д. А. Волкогонов в эти годы был еще членом партии и всячески противопоставлял «плохому» И. В. Сталину «хорошего» В. И. Ленина. К тому же неизвестные факты он щедро заменял догадками и «внутренними монологами»: что мог подумать о том-то или о том-то И. В. Сталин. Тот же прием он применял в последующих своих публикациях о Л. Д. Троцком и В. И. Ленине, которые последовательно становились «плохими». Выдержки из документов приведены в книге Д. А. Волкогонова «Семь вождей: галерея лидеров СССР».

В книге Ф. Д. Волкова «Взлет и падение Сталина», вышедшей в свет после путча 1991 г., рассказывается о жизненном пути И. В. Сталина от его детских лет до смерти. Автор привлекает обширный документальный материал – общеизвестные сведения, а также факты, известные сравнительно узкому кругу историков. Ф. Д. Волков попытался разобраться, почему и как «заурядная в интеллек-

туальном и жуткая в моральном плане личность» достигла неограниченной власти. Автор указывает на то, что принадлежность к партийной элите, несла с собой не только огромные властные полномочия, но и небывалые привилегии; что в партии были истинные революционеры (С. Орджоникидзе, С. М. Киров), которые попытались встать на пути И. В. Сталина.

Самым известным адептом троцкизма являлся историк Вадим Роговин – автор книг, посвященных истории СССР в 1920–1930 гг. Оценивая И. В. Сталина и его режим однозначно отрицательно, он считал, что «здоровые силы» в стране и партии вели против него постоянную борьбу. Поэтому вывод о сфабрикованных делах и процессах не кажется ему ложным.

Р. А. Медведев и Ж. А. Медведев выпустили сборник эссе «Неизвестный Сталин» (2001 г.). Эта книга не внесла ничего существенно нового в понимании сталинизма, но зафиксировала сдвиг в позиции самих авторов. Под влиянием распада СССР и ельцинских реформ братья Медведевы отказались от всякой критики Сталина, подчеркивая его ведущую роль в становлении советского государства: «За внешней оболочкой культа личности жестокого деспота существовал и обычный человек, думающий, размышлявший, имевший огромную волю...» [4, с. 214].

После появления в 1988 г. известного письма Нины Андреевой начинает формироваться ядро просталинских публицистов, которые группировались вокруг журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник». В последние годы в отечественной историографии намечается новый поворот. По мере того как тает популярность либеральных идей, по мере утверждения идеологии сильного и эффективного государства, основанных на критике сталинизма, видоизменяется отношение к И. В. Сталину, его окружению и созданному им режиму. Появляются исследования, в которых «воскрешаются» дифирамбы Сталину и обосновываются репрессии против его оппонентов. Все это говорит не только о сдвигах в общественном сознании, но и о том, что тема сталинизма по-прежнему актуальна.

Советский историк Н. Яковлев в своей работе «Сталин: путь наверх» (1996 г.) изобразил И. В. Сталина выдающимся политиком, завоевавшим власть именно благодаря тому, что в отличие от своих «безродных» противников он олицетворял нужды и стремления русского народа. Патриот Сталин противопоставлялся «космополиту» Троцкому. Книга Н. Яковлева зафиксировала важный поворот – из наследника Ленина и великого борца за коммунизм И. В. Сталин постепенно превращается в русского патриота, защитника национальной идеи и даже православия.

В обстановке распада страны изменяется отношение к И. В. Сталину «русофильствующих» авторов, которые недавно отождествляли его с коммунистическим режимом. Теперь И. В. Сталин представлялся ими как патриот, борец с Западом. В этом духе написана, в частности, книга М. Лобанова «Великий государственный» (1996 г.). М. Лобанов пишет о И. В. Сталине взвешенно, не отрицая его ошибок, которые, по мнению автора, искупаются тем, что И. В. Сталин оставался «непреклонным государственным».

Приверженец державного направления В. Кожинов в двух томах своего «беспристрастного исследования» «Россия. Век XX» (1999 г.) уделил немало внимания фигуре И. В. Сталина. Фактически, соглашаясь с Л. Д. Троцким, он изобразил И. В. Сталина «революционным контрреволюционером», изменившим революции, грозившей полным разрушением русских национальных начал. Кожинов, в отличие от Троцкого, к революции относится отрицательно, поэтому сталинские действия одобряет. При этом он справедливо отметил: «Замкнутость на фигуре И. В. Сталина мешала и мешает увидеть реальное движение истории в 1930-х годах».

В ноябре 2002 г. Ю. Жуков опубликовал в «Комсомольской правде» цикл статей под общим названием «Жупел Сталина», а в 2003 г. выпустил книгу «Иной Сталин». В ней утверждается: Сталин был либералом, который хотел вообще отстранить партию от власти, поэтому и задумал сначала новую конституцию, а потом, на ее основе, альтернативные выборы. Он же отказался от идеи мировой революции, которая привела бы к конфликту с капиталистическими странами. Не в силах вынести такое разочарование оппоненты Сталина устроили против него заговор, который и был разгромлен в 1937 г.

В 2003 г. вышло двухтомное исследование историка Юрия Емельянова «Сталин». Это основательная биография Сталина, написанная подробно и обстоятельно, на основе большого количества документов. Автор уделяет внимание малоисследованным этапам жизни Сталина. Еще в 1995 г. в нескольких номерах журнала «Слово» появилась серия статей Ю. Емельянова «Мифы о Сталине», в которых автор настаивал, что после 1 декабря 1934 г. власть Сталина не увеличилась. Если Р. Медведев видит главного виновника в гибели Кирова в лице Сталина, то Ю. Емельянов подозревает в этом НКВД: «всевластие Сталина было ограничено тем, что его “всевидение” зависело от НКВД». В новой работе Ю. Емельянов («Миф XX съезда») делает следующий вывод:

«...порожденный чисто конъюнктурными соображениями политической борьбы, доклад Хрущева о Сталине породил цепь событий, которые нанесли немалый ущерб стране». По логике автора, если у Сталина были какие-то ошибки, то Хрущеву в интересах поддержания идейного статус-кво следовало их скрыть.

Таким образом, историки-государственники снимают с И. В. Сталина или, по крайней мере, дозируют обвинения его критиков в захвате власти, массовых репрессиях, установлении тотальной диктатуры. Для них сталинские действия и решения – оправданные шаги в условиях «вражеского окружения» и сопротивления врагов внутри страны.

Объективистский подход прослеживается в принципиально важных для нашего исследования трудах О. В. Хлевнюка «Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы», «Сталин и Орджоникидзе: конфликт в политбюро», «1937: Сталин, НКВД и советское общество» [5–7], в которых автор на основе архивных материалов рассматривает деятельность высшего органа партийно-государственной власти в СССР, исследует порядок принятия решений в 1930–1940-е гг., взаимоотношения с его ближайшими соратниками по политбюро, анализирует причины убийства С. М. Кирова, конфликт между И. В. Сталиным и Г. К. Орджоникидзе, столкновения между отдельными представителями политбюро. Вопросы стиля, методов работы большевистских руководителей руководящих кадров рассматриваются в работах исследователей В. П. Пашина и Ю. П. Свириденко. В первой части книги «Коммунистическая номенклатура: истоки, сущность, содержание» (1995 г.) авторы впервые на сугубо документальной основе исследовали реальный процесс становления, подбора и расстановки кадров через номенклатурные механизмы. Во второй части книги («Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания») на основе широкого круга источников, многие из которых впервые вводились в научный оборот, исследуются методы, способы, приемы формирования стиля работы руководящих кадров, процесс их воспитания. Однако данные работы преимущественно характеризуют период 1920-х гг.

Александр Колесник – автор ряда документальных публикаций о ближайшем окружении Сталина в 1990 г. выпустил книгу «Мифы и правда о семье Сталина», в которой собраны известный фактический материал и наиболее распространенные мифы о семье И. В. Сталина, зафиксированные в читательских письмах и проанализированные автором с помощью документальных источников. Аналогичной проблеме посвящена книга А. Пиманова «Сталин Трагедия семьи». В руках автора книги были секретные материалы из Президентского архива и архива Главного управления охраны. Книжки С. Грибанова «Заложники времени», О. С. Смылова «Василий Сталин. Заложник имени» и Б. В. Соколова «Василий Сталин. Сын “отца народов”» рассказывают о младшем сыне Сталина – Василии. В книге попутно повествуется о соратниках Сталина. Художественно-публицистические работы Л. Васильевой («Кремлевские жены», «Дети Кремля») раскрывают перед читателем интимную и семейную сторону жизни И. В. Сталина и его ближайших соратников.

В последнее время авторы сосредотачивают внимание на психологии И. В. Сталина. Например, известный психолог академик Д. В. Колесов издал книгу «И. В. Сталин: загадки личности» (2000 г.), где автор составил психологический портрет вождя, пытаясь выявить влияние личности И. В. Сталина на его соратников.

Реконструировать психологию И. В. Сталина по его рисункам и пометкам в книгах попытался директор центра документации «Народный архив» Б. Илизаров («Тайная жизнь Сталина»). Автор развенчивает миф о необразованности И. В. Сталина, раскрывая его кропотливую вдумчивую работу над книжными текстами.

И в наши дни появляются работы о соратниках И. В. Сталина. Наиболее популярной является работа Р. А. Медведева «Они окружали Сталина», в которой даны шесть политических портретов людей, в разное время входивших в ближайшее окружение вождя. По словам автора, в данной работе он хотел «просмотреть политическую и личную судьбу тех, кто вступил в партию и начал свою политическую карьеру еще при жизни Ленина, успешно продолжил ее при Сталине и был активным политическим деятелем во время Хрущева». В журнале «Преподавание истории в школе» (2006 г.) Р. А. Медведев еще раз вкратце остановился на «свите Сталина». Медведев считает, что И. В. Сталин действовал не один: «кто его окружал, кто на него работал, кого он вел за собой, почему эти люди работали на него» [8, с. 5]. Здесь же автор еще раз подтвердил свое «новое» видение ситуации в сталинскую эпоху: «Сталин жесточайший тиран XX века, но он создал Советский Союз в том виде, в котором мы его помним со своими достижениями и жестокостями...» [8, с. 5]. Данная тематика продолжена Р. А. Медведевым в книге «Окружение Сталина», вышедшей в 2006 г. в серии «Жизнь замечательных людей». Автор не расширил написанные ранее тексты, а ограничился исправлением некоторых неточностей. Кроме того, в книгу добавлена биография М. И. Калинина, который, по

мнению автора, был «одной из важнейших фигур в свете Сталина <...> прикрывал своей популярностью в народе и авторитетом произвол тоталитарного режима» [8]. Важную роль в данном исследовании играет работа публициста Л. Млечина «Смерть Сталина. Вождь и соратники» (2003 г.), в которой автор раскрывает имевшиеся в политбюро неформальные контакты и особенности взаимоотношений между членами политбюро, акцентируя внимание на малоизвестных деталях сложных связей внутри партийной верхушки.

Данный период характеризуется появлением значительного числа работ о соратниках Сталина. В этом свете важно комплексное исследование А. Кириллиной «Неизвестный Киров» (2001 г.), которое можно назвать этапным, так как своеобразным предисловием к этой книге было опубликование ранее ряда статей этого автора. В исследовании О. А. Ищенко «Роль Кирова в развитии промышленности и укреплении обороноспособности СССР 1926–1934» детально рассматривается деятельность Кирова во главе Ленинграда. Уделено значительное внимание не только вехам биографии советского лидера, но и методам и результатам его работы. Основательными и последовательными можно назвать статьи Н. А. Ефимова «Сергей Миронович Киров» (Вопросы истории, 1995, № 11–12) и Ю. Н. Жукова «Следствие и судебные процессы по делу об убийстве Кирова» (Вопросы истории, 2000, № 2). Исследователь Ефимов считает, что «звезда Кирова на партийном коммунистическом небосклоне стала подниматься <...>, когда И. В. Сталин вплотную приступил к формированию собственной команды, которая помогла бы ему установить неограниченную диктатуру...» [9, с. 49]. Киров, по мнению Ефимова, – человек способный, умеющий лавировать, своего рода приспособленец, который действовал в русле линии Сталина, при этом не играя значительной роли. Жуков доказывает в своей статье, что не убийство Кирова, а разногласия в руководстве страны по вопросам внешней политики и пересмотру конституции привели к репрессиям. При этом автор детально рассматривает само убийство партийного лидера его расследование. Авторы статьи «1 декабря 1934-го: трагедия Кирова и трагедия советской России» Е. Г. Плимак и В. С. Антонов провели обзор основных версий убийства Кирова, в том числе комиссий, которые пытались выявить истинные причины и восстановить ход событий 1 декабря 1934 г. Однако наиболее важным, с нашей точки зрения, является иной аспект – взаимоотношения Кирова со Сталиным. Авторы приходят к выводу о том, что несмотря на внешне довольно дружеские отношения, между Кировым и Сталиным существовала неприязнь.

Первыми документальными исследованиями о Н. И. Ежове стали очерки В. Некрасова и В. Ковалева, вышедшие в 1995 г. По мнению В. Некрасова, Ежов обязан своим быстрым продвижением по службе тому, что в любых перипетиях внутривластной борьбы он был на стороне Сталина. Это и стало причиной стремительной карьеры Ежова. Доктор юридических наук В. Ковалев, в большей степени интересующийся нравственной составляющей истории преступлений Н. Ежова и Т. Ягоды, приходит к выводу о том, что Ежов, будучи сыном своего времени, не мог стать другим человеком. В работе Б. В. Соколова «Наркомы страха», вышедшей в 2001 г., биография Ежова представлена, на наш взгляд, более объективно и правдоподобно. Автор считает, что исполнители большого террора были слишком опасными свидетелями, чтобы партийные вожди оставляли их в живых. Серьезной научной работой о Н. Ежове можно считать книгу председателя московского научно-исследовательского центра «Мемориал» Н. В. Петрова и преподавателя Амстердамского университета М. Янсена. Авторы дают подробный анализ биографии Ежова, его карьерного роста и превращения прежнего любимца вождя в изгоя режима. Авторы признают вину Ежова в репрессиях 1937–1938 гг., но уточняют, что все сталинские соратники повинны в этом «выявлении врагов и шпионов». Следует отметить ряд статей о Н. И. Ежове, в которых начали открываться ранее неизвестные факты о наркомке НКВД. В 1992 г. в статье Д. Лиханова В. Никонова «Я почистил ОГПУ» (Совершенно секретно, № 4(35), 1992) впервые приводятся некоторые фрагменты уголовного дела № 510 по обвинению Ежова, в том числе и последнее слово обвиняемого. Следственное дело бывшего главы НКВД представляет также Г. Цитриняк в статье «Расстрельное дело Ежова. Штрихи к портрету палача» (Литературная газета. 1992. № 7). Исследование показано в виде беседы автора с В. Никоновым, помощником председателя КГБ СССР в 1992 г. Писатель Б. Камов в статье «Смерть Николая Ежова» (Юность. 1993. № 8) говорит о наркомке пренебрежительно, неправдоподобной выглядит и описанная в статье сцена исполнения приговора.

Среди монографических исследований о Л. П. Берии назовем работы Б. В. Соколова «Берия» [10] и А. Топтыгина «Неизвестный Берия» (2002 г.). В данных работах представлено два варианта биографии Л. П. Берии. Используя одни и те же биографические факты, авторы по-разному их интерпретируют и дают различные выводы. По мнению Б. В. Соколова, Л. П. Берия не был лишен качеств организатора, но именно он проводил массовые репрессии в СССР. А. Топтыгин считает, что

Л. П. Берия был «человеком на своем месте», когда руководил Кавказом, а назначение его на должность заместителя наркома внутренних дел выглядело даже понижением в должности.

На данном этапе практически нет монографической литературы о соратниках Сталина, которые были уничтожены. Исключение составляет книга В. Н. Исаева «Соратник Сталина» – документальный роман о П. Постышеве, написанный на основе недавно рассекреченных документов архива ФСБ. В целом, работа представляет читателю полную биографию Постышева, включая рассказ о его семье и быте. Однако, специфика художественного произведения значительно осложняет восприятие информации. Кроме того, автор подбирал факты, которые позитивно характеризуют Постышева. Так, его деятельность во главе Куйбышевской парторганизации практически не освещается: есть лишь указания на то, что Постышева заставляли подписывать документы на аресты.

В работе В. Н. Шевелева «Н. С. Хрущев» рассматривается жизненный путь советского государственного деятеля и его взаимоотношения со Сталиным, другими советскими лидерами, входившими в «ближний круг». Автор считает, что Хрущев вошел в историю в черно-белом образе. Не отрицая его «дурных качеств», например, участие в репрессиях, вспыльчивость, автор указывает на достижение Украины в период пребывания Хрущева на посту первого секретаря ЦК КП(б)У, ставя это в заслугу ему. Несомненно, положительными качествами Хрущева автор считает личное мужество и смелость, проявленные в годы войны. В целом, Шевелев приходит к выводу, что Хрущев был типичным представителем своей эпохи. В книге историка Ю. Емельянова рассказывается о различных этапах жизни Н. С. Хрущева, начиная с предреволюционных лет и вплоть до смерти Сталина. По мнению автора, *«слабости и пороки Хрущева, так же как его добродетели и сильные стороны, надо оценивать как явление общественное. Его жизнь и деятельность связаны с теми общественными процессами, которые происходили в нашей стране»* [11, с. 21].

В статьях Н. А. Беляевой «Н. М. Шверник» [12] и Э. Гусейнова «Весьма неоднозначный Шверник» [13] предпринята попытка реабилитировать и заново оценить деятеля сталинской эпохи. Авторы стремились показать палача и соучастника репрессий, а также искреннего борца за социализм, строителя «светлого будущего».

В 2005 г. вышла книга Б. В. Соколова «Молотов. Тень вождя». Автор на основе значительного числа источников и литературы попытался проанализировать деятельность сталинского наркома. Значительное внимание в работе уделено взаимоотношениям Молотова с другими сталинскими соратниками. Автор детально рассматривает деятельность Молотова во главе наркомата иностранных дел. Кроме того, встречаются факты, которые не получили широкой анализа в литературе ранее. Несомненно, важной мы считаем статью Ю. Аксютин о В. М. Молотове «Первый сталинский апостол» (Россия XXI. 2003. № 6). Автор отметил, что Молотов почти треть века верой и правдой служил он *«великому вождю и учителю»*, считался самым близким к нему человеком, а многим виделся и наиболее вероятным его наследником. Ю. Аксютин проследил судьбу Молотова от рождения до ухода с политического Олимпа и смерти. В 2005 г. было опубликовано исследование В. Никонова «Молотов: молодость». Автор на основе значительного числа источников и личных воспоминаний подробно анализирует путь становления В. М. Молотова.

Анализируя опыт своих предшественников, историк И. В. Павлова в статье о Р. И. Эйхе [14] попыталась раскрыть значение некоторых профессиональных и личностных особенностей, дополняющих портрет представителя политбюро в новом качестве. Важность данной статьи в условиях практически полного отсутствия информации об Р. И. Эйхе полностью обоснована. В статье собран огромный фактический материал о жизни, деятельности, семье Эйхе.

Подробный анализ жизни и деятельности А. И. Микояна представлен в статье «Анастас Микоян. К 110-летию со дня рождения» (Военно-исторический архив. 2005, № 11). В данной публикации рассматривается не только деятельность Микояна на посту наркома внешней и внутренней торговли СССР, его деятельность как заместителя Председателя СНК СССР, участие в репрессиях, но и период детства, юности, участия в Гражданской войне. Примечательно, что авторы уделяют внимание нюансам, в частности, здоровью и образу жизни Микояна, его семье.

Исследователи И. А. Верба и Л. О. Гусарова в статье «М. И. Калинин. Эпизоды биографии» не ставили перед собой цели дать подробный анализ жизни и деятельности М. И. Калинина. Они считают Калинина одним из важнейших представителей сталинского окружения, который, однако, не смог раскрыть *«черты, присущие политическим деятелям ленинского типа: принципиальность, скромность, связь с массами и близость к ним, участие в коллективных методах управления страной, идейная убежденность»* [15, с. 110].

Наибольшее значение для нашего исследования представляют работы А. Ю. Ватлина [16], П. Кнышевского [17] и Н. В. Романовского [18]. В статье «Люди Сталина: этюд к коллективному

портрету» Н. В. Романовский попытался представить портрет сталинского окружения, выявив его наиболее характерные черты и определив роль в истории СССР. Автор пришел к выводу, что окружение Сталина – это особая группа, которая оказывала огромное влияние на историю СССР в 1930-е годы, а заложенные в этот период основы мировоззрения сохранялись до конца сталинской эпохи [18].

Особую категорию научных источников представляет зарубежная литература. Первые статьи о Сталине за границей появились еще в 1920-е гг., а в 1931 г. было издано несколько книг о нем. Их авторами стали С. Граам, С. В. Дмитриевский, И. Иремашвили, И. дон Левин, Л. Нусбаум (псевдоним – Эссад-бей). За их публикациями последовали книги Х. Виндеке, Г. Беседовского, Э. Людвига, О. Лионса, В. Сержа. Все зарубежные публикации можно разделить на две группы: про- и антисталинские. Последние преобладали. Просталинские публикации во многом следовали за официальной советской историографией и имели апологетический характер. Антисталинские издания были проникнуты стремлением дискредитировать советского вождя, а потому основное внимание в них уделялось негативным фактам из его биографии. В зарубежной историографии можно выявить четыре этапа.

Авторы первых зарубежных книг о И. В. Сталине не имели доступа к архивам и потому ограничились поверхностным описанием его жизненного пути, компенсируя нехватку информации слухами и домыслами. Особенно в этом отношении выделилась книга Эссад-бея. С самого начала складывания зарубежной сталиниады появляются сведения о наличии в революционной биографии вождя «темных пятен». Об Иосифе Сталине, как «самой выдающейся посредственности», писал хорошо знавший его главный политический оппонент Л. Д. Троцкий в биографическом произведении «Сталин». Любопытно, что известная идеализация «первого красного офицера» проникла даже за границу.

В годы второй мировой войны интерес к личности вождя усиливается. Главным образом это касается стран антигитлеровской коалиции, где просталинская литература стала оттеснять антисталинскую на второй план, но с началом «холодной войны» на западе волна антисталинских публикаций возросла. Наиболее известные работы принадлежат А. Уламу, Р. Конквисту и Р. Такеру. В частности, Р. Такер в книге «Сталин. Путь к власти» [19] основное внимание уделяет шовинистическому элементу идеологии сталинизма, который представляет собой большевизм радикально правого толка, взявший все самое отрицательное в ленинском наследии. А. Авторханов – бывший ответственный партийный работник, эмигрант – написал ряд антисталинских работ: «Технология власти» (1959), «Происхождение партократии» (1973 г.), «Империя Кремля» (1988 г.), «Загадка смерти Сталина» (1992 г.). Во всех работах автор анализирует советский социалистический режим, его политическую систему, рассказывает о репрессиях, специфике кадровой политики Сталина. Книга доктора исторических и философских наук М. С. Восленского «Номенклатура», впервые опубликованная в Австрии и ФРГ в 1980 г., была затем напечатана в Италии, Испании, Португалии, Греции, Англии, Бразилии, Японии, США. Исходный тезис М. С. Восленского таков: революция создала в рамках партии монополистический привилегированный слой советского общества. Со временем этот слой укрепил и узаконил свое положение. Была создана особая иерархия даже внутри этого слоя. Так появилась номенклатура. М. С. Восленский развертывает доказательство этих тезисов, используя исторические, статистические факты и личный опыт [20].

В постперестроечный период внимание к И. В. Сталину и его окружению сохранилось, но акценты зарубежных исследователей сместились. В 2004 г. вышла книга английского историка С. С. Монтефиоре «Двор красного монарха» [21]. Английский историк представляет на суд читателя биографию И. В. Сталина через призму его взаимоотношений с соратниками и членами их семей. Книга интересна прежде всего обилием привлеченного архивного материала (в том числе неопубликованного и находящегося в личных архивах потомков соратников И. В. Сталина и лиц, близко его знавших или встречавшихся с ним). Невозможно не отметить серию книг издательства РОССПЭН «История сталинизма», в которой были изданы труды А. Литвина, Дж. Кипа «Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография» (2009 г.) и Истер Дж. М. «Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России» (2010 г.).

В целом, как в отечественной, так и в зарубежной историографии прослеживается неравномерное внимание к советским лидерам: в то время как об одних написано значительное число статей и монографий, жизнь и деятельность других остается малоисследованной.

Источники и методы

Цель и задачи исследования обусловили выбор круга источников, положенных в его основу. Делопроизводственная документация позволяет проследить партийно-политическую деятельность И. В. Сталина и его ближайшего окружения, рассмотреть многие аспекты исторических событий. Среди них можно выделить публикации стенографических отчетов XVII и XVIII съездов ЦК ВКП(б), стенограммы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., журналы записей лиц, принятых И. В. Сталиным, материалы комиссии политбюро ЦК КПСС, занимавшейся реабилитациями и документы из архива Сталина. Обращение к протоколам заседаний политбюро позволяет решить ряд задач: выяснить, какие изменения и персонально кем были внесены в текст того или иного постановления; проследить сферу деятельности членов политбюро, механизмы принятия решений (в подлинниках протоколов сохранилась часть приложений (записки, доклады, проекты, постановления, резолюции), на основании которых принимались решения). Известно, что довольно тесное взаимодействие существовало между политбюро и Совнаркомом, с одной стороны, политбюро и Коминтерном, с другой. Все сколько-нибудь значительные постановления СНК утверждались политбюро; работали их совместные комиссии. В целом имеющаяся документальная база позволяет изучить огромный круг проблем: механизм партийно-государственного руководства в центре и на местах; течения и группировки, постоянно возникавшие в партии; стиль и методы руководства отдельных партийных лидеров; уровень их грамотности; скрытые пружины различных событий.

Изучение комплекса информационных материалов НКВД позволяет сделать вывод, что они имели далеко не ведомственный характер и являлись центром информации о работе местной сети для партийных органов, отраслевых наркоматов, профсоюзов. Организация информационной работы была нацелена на получение полных сведений по широкому и четко определенному кругу вопросов. Однако, корпус документов НКВД свидетельствует о том, что руководство этого ведомства чутко улавливало смену настроений в ЦК партии и в ряде случаев дозировало информацию. Важную роль в данном исследовании играет стенограмма февральско-мартовского пленума 1937 г., опубликованная в журнале «Вопросы истории». Именно этот пленум дал импульс новому витку широкомасштабных репрессий. Вопросы, которые рассматривались на пленуме (дело тт. Бухарина и Рыкова, уроки вредительства и шпионажа, политическое воспитание партийных кадров и многие другие) позволяют изучить истоки «большого террора», а также позиции по данному вопросу членов политбюро. Значительная информационная база представлена в сборнике «Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов» (1991 г.), в котором на основе архивных документов, представленных КПК при ЦК ВКП(б), НКВД СССР, показано как фабриковались дела так называемого «московского центра», «антисоветского правотроцкистского блока» и многие другие политические процессы.

Письма – уникальный источник. Именно переписка может пролить свет на некоторые «неформальные» обстоятельства деятельности и взаимоотношения внутри политбюро. В письмах идет речь об условиях, в которых принималось то или иное решение, о позиции по разным вопросам отдельных членов политбюро, о семьях, детях, здоровье и т. д. Вместе с тем переписка фрагментарна и случайна, поэтому лишь достаточно большая совокупность писем дает базу для анализа и делает аргументацию доказательной. Можно назвать ряд сборников, значение которых для конкретной работы достаточно велико: «Советское руководство. Переписка. 1928–1941» (1999 г.), «Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1940» (1995 г.); «Переписка Л. М. Кагановича и И. В. Сталина» (1995 г.). В сборник «Иосиф Сталин в объятиях семьи» (1993 г.) включен значительный по объему комплект писем И. В. Сталина к своим детям, по содержанию которого можно судить о взаимоотношениях в семье вождя.

Все мемуары можно разделить на три основных категории: мемуары советских лидеров; мемуары их родственников; мемуары подчиненных и др. Существует всего несколькими публикаций, которые в полной мере могут претендовать на «звание» мемуаров членов советского руководства 1930-х гг. Не поступился сталинскими принципами его соратник Л. М. Каганович, который долгие годы был одним из первых лиц в бюро ЦК КПСС и Правительстве СССР. Свои «Памятные записки» (1996 г.) он писал, по его выражению, не для праздного обывателя, а для историка, то есть для архива. Интересны воспоминания долгожителя партийного Олимпа А. И. Микояна «Так было» (1990 г.) и «Дорогой борьбы» (1971 г.), в которых автор подробно рассказывает о начале своей революционной деятельности. Воспоминания П. П. Постышева («Воспоминания, выступления, письма» (1987 г.) и А. А. Андреева («Воспоминания, письма» (1985 г.) повествуют об их детстве и революционной деятельности, периоде Гражданской войны. Факты биографии и жизненные случаи в воспоминаниях подобраны только в позитивном ключе с целью создать образ борцов за советскую власть. То же

самое относится и к воспоминаниям В. В. Куйбышева «Эпизоды из моей жизни» 1934 г.).

История мемуаров Н. С. Хрущева, тайно надиктовавшего на магнитофон свои воспоминания, можно назвать поразительной и даже детективной. Обойдя почти весь мир, на родине автора они были опубликованы сначала в журнальном варианте частями («Вопросы истории» № 2 1990 до 1995 г.), в 1996 г. избранные фрагменты вышли книгой «Воспоминания». Воспоминания Н. С. Хрущева в полном виде были изданы в трехтомном формате с документальными приложениями. Все они представляют определенный интерес как свидетельство психологии и образа мысли бывших советских лидеров. Мемуары Хрущева содержат огромный фактический материал. Его воспоминания раскрывают «политическую кухню» принятия важнейших решений, определявших политику СССР долгие годы. Нельзя не заметить очевидной противоречивости позиции автора, которая, с одной стороны, несет на себе печать противостояния отвергнувшего его режима, с другой, свою тесную связанность с этим режимом, которому Хрущев служил долгие годы. Мемуары Хрущева представляют особую ценность для анализа роли номенклатуры, партийного и государственного аппарата как ядра советской системы. Автор уделил внимание и взаимоотношениям Сталина и его соратников, привилегиям номенклатуры и другим внешним атрибутам советской системы.

Обширный материал представлен доктором исторических наук, профессором Г. А. Куманевым и журналистом Ф. Чуевым в интервью и беседах с государственными деятелями. Соратник Сталина, занимавший важные партийные и государственные посты, в том числе и пост Председателя СНК, В. М. Молотов прожил долгую жизнь – 96 лет. В беседах с поэтом Феликсом Чуевым он оценивает не только свою деятельность в партии, на международной арене и в правительстве, но и дает яркие оценки соратникам и И. Сталину, который говорил *«тяжелую правду, ему и верили»*.

Ценными для нашего анализа являются мемуары второй группы – воспоминания родственников, потому что эти свидетельства позволяют узнать о взаимоотношениях между представителями политбюро. На фоне ярких исторических событий показана деятельность Сталина в воспоминаниях его дочери Светланы Аллилуевой «Двадцать писем к другу» (1990 г.), адресованных к каждому читателю и раскрывающих жизнь вождя, его отношения с близкими и родными. О Сталине, судьбах трех поколений его родных и близких рассказывает В. Ф. Аллилуев в «Хронике одной семьи: Аллилуевы-Сталин» (2002 г.). Автор критически рассматривает многочисленные версии, появившиеся в последние годы, и дает свою интерпретацию фактов. Галина Джугашвили в форме повести вспоминает о своем детстве в окружении вождей – Сталина и его соратников, родственников. Вождь и его соратники предстают перед читателем обычными людьми, *«совсем не страшными»*. В воспоминаниях сына Н. С. Хрущева Сергея, дочери Рады, зятя А. Аджубея сделана попытка объяснить деятельность Н. С. Хрущева, состояние его души, отношение к родным и близким, простоту личности и незаурядность партийно-государственного деятеля. Все эти книги содержат немало интересного материала, иллюстрирующего деятельность Хрущева, в тоже время отражая стремление авторов доказать ошибочность его отстранения от власти. Поэтому в них положительный результат дел Хрущева заметно преувеличен, а провалы и ошибки сведены к минимуму. О жизни партийного руководства «С любовью и печалью» (1998 г.) рассказывает Нами Микоян – невестка сталинского соратника. Воспоминания А. Ф. Сергеева являются ценными свидетельствами о детстве, прошедшем наряду с собственной в семье Сталина, взявшего опеку над маленьким Артемом после гибели его отца – легендарного революционера Ф. А. Сергеева. Автор дружил со многими кремлевскими детьми, и, в частности, с Василием Сталиным, смерть которого в казанской ссылке не считает случайной. Воспоминания представлены в форме беседы журналистки Е. Глушик с А. Сергеевым. Эти материалы оказались наполнены *«запахами дома, звуками, ощущениями присутствия людей, о которых идет речь»*. Однако А. Сергеев не смог уйти от всецело положительной оценки событий, участником которых он был.

Особой категорией мемуаров являются воспоминания детей. Волна «детских» воспоминаний прокатилась в конце 1980–1990-х гг. Здесь заслуживают внимание два аспекта: во-первых, их можно привлекать как дополнение к мемуарам «отцов», например, в них приводятся новые сведения о том, как писались и издавались мемуары отцов (воспоминания сыновей Микояна и Хрущева); во-вторых, в них звучит своеобразное оправдание деятельности своих отцов (Берия С. «Мой отец – Лаврентий Берия», 1994 г.). В воспоминаниях Юрия Жданова прошлое предстает перед нами сквозь призму личных взглядов автора. Воспоминания не претендуют на всестороннее освещение событий и человеческих действий. Назначения их в другом: они повествуют о запечатленных в памяти событиях, в которых он участвовал и которые автору кажутся наиболее значимыми. Воспоминания Жданова будут интересны тем, кто стремится к деталям, историческим подробностям. По словам Степана Микояна, он в своих воспоминаниях хотел рассказать не только о полетах, самолетах и летчиках, но и о своей семье – людях, оставивших след в сердце и памяти.

Третья категория – воспоминания людей в разное время работавших с представителями политбюро, встречавшихся с ними. К таким мемуарам относятся сборники воспоминаний о Ворошилове, Калинин, Кирове, Орджоникидзе, о жизненных ситуациях, в которых они оказывались: «На службе пролетарской революции: Сборник воспоминаний о К. Е. Ворошилове» (1931 г.); «Воспоминания о Михаиле Ивановиче Калинин» (1957 г.); «Памяти С. М. Кирова: Материалы и воспоминания», (1934 г.); «Наш Миرونч: Воспоминания о жизни и деятельности С. М. Кирова в Ленинграде», (1969 г.); «Валериан Владимирович Куйбышев: Сборник воспоминаний и документов 1905–1917 гг.: материалы к биографии периода подполья» (1936 г.); «В. В. Куйбышев – выдающийся пролетарский революционер и мыслитель: Воспоминания, документы, статьи», (1963 г.); «О Серго Орджоникидзе: Воспоминания, очерки, статьи современников», (1981 г.); «Воспоминания о Г. И. Петровском» (1978 г.) и многие другие. Стоит отметить, что в данных сборниках подобраны материалы с сугубо положительной характеристикой этих политических деятелей. Бывший охранник И. В. Сталина А. Рыбин в 1992 г. он выпустил книгу под названием «Рядом со Сталиным». Основная идея мемуаров такова: великий И. В. Сталин все делал правильно, а если что-то было не так, то в этом виноваты пробравшиеся в руководство враги и вредители. Ф. Бурлацкий – автор книги «Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них», 1990 г. рассматривает, в частности, деятельность Н. С. Хрущева. Как писал сам автор: «...основной замысел этой книги – попытаться воссоздать политический, а в еще большей мере психологический портрет Хрущева». В мемуарах бывшего секретаря И. В. Сталина Б. В. Бажанова показан механизм коммунистической диктатуры, освещен исторический фон событий эпохи, поведение носителей власти.

Дневниковые записи А. М. Коллонтай («Дипломатические дневники 1922–1940», 2001 г.) несколько десятилетий пролежали в спецхране. Автор завещала опубликовать их к столетию со дня рождения, однако дневник стал доступным только сейчас. В дневниках, предлагаемых вниманию читателей, запечатлен опыт Коллонтай как дипломатического работника. В них нашли отражение события на мировой арене и внутри нашей страны, встречи со Сталиным, Кировым, Молотовым, Микояном и многими другими руководителями СССР. Разумеется, на «Дневниках» лежит отпечаток времени, в которое они создавались. Разоблачению сталинских методов борьбы за власть посвящены интервью, записки, письма, воспоминания советских разведчиков: И. Райса, Д. Быстролетова, А. Бардина, В. Новобранца, В. Г. Кривицкого, А. Орлова, П. А. Судоплатова. Они воссоздают атмосферу предвоенных лет в СССР и Западной Европе, раскрывают формы и методы борьбы Сталина с оппозицией, соратниками, называют представителей старой большевистской гвардии, которые поднимали голос против авторитарного режима.

Весьма интересны воспоминания одного из активных участников борьбы за советскую власть, дипломата Ф. Ф. Раскольников, разоблачающего сталинскую тиранию. О Сталине как полководце, его соратниках рассказывает в мемуарах Г. К. Жуков, дополняя «портреты» партийных лидеров. К данной категории источников следует отнести также мемуары сотрудника наркомата иностранных дел, позже переводчика Сталина В. Бережкова («Как я стал переводчиком Сталина» 1993 г., «Рядом со Сталиным», 1998 г.). Валентин Бережков, рассказывая о своей карьере в сталинскую эпоху, предлагает читателю свое видение событий тех лет, рассказывает о В. М. Молотове, под началом которого работал, о его характере, привычках и т. п. В группе воспоминаний таких свидетелей того времени, как Б. Л. Ванников («Записки наркома», 1988 г.), П. Григоренко («Воспоминания», 1990 г.), Н. А. Луначарской-Розенель («Память сердца», 1965 г.), Р. Сац («Путь к себе: о маме Наталии Сац, любви, исканиях, театре», 1998 г.), А. Л. Богорова («Записки кинохроникера», 1973 г.), А. Г. Иванова («Экран судьбы», 1971 г.), А. Афиногенова («Письма. Дневники», 1977 г.), можно найти описание малоизвестных эпизодов жизни советского руководства, встреч с ними авторов мемуаров и их авторские оценки политических деятелей.

Анализ источниковой базы показывает, что опубликованные документы лишь в совокупности позволяют решить поставленные задачи, приближая исследователя к объективной характеристике «ближнего круга» И. В. Сталина.

Определяя методологию исследования избранной нами проблемы, следует иметь в виду несколько моментов: во-первых, общий, конкретно-исторический характер нашего исследования; во-вторых, междисциплинарность проблемы, которая требует привлечения сведений из смежных научных дисциплин, но и их синтеза полученных данных при главенстве собственно исторических методов анализа.

Для объективного изучения проблемы исследования мы используем комплексный подход, основанный на сочетании общенаучных методов: анализа и синтеза, методов исторического исследования, к которым относятся: историко-сравнительный метод, обладающий широкими познавательными

возможностями и направленный на раскрытие рассматриваемой реальности; историко-системный метод, являющийся очень важным элементом с точки зрения раскрытия внутренних механизмов функционирования и развития общественно-исторической системы, которой, по сути, и является «ближний круг». Данные научные подходы в исследовании целесообразно дополнить методологическими принципами и инструментарием, разработанным в смежных гуманитарных дисциплинах, прежде всего в психологии, социологии, а также в политологии и менеджменте. Из психологических концепций для наших целей имеет значение психология выживания в экстремальных условиях, а также психология конфликта. Кроме того, среди методов социологии можно использовать так называемый социальный метод, который позволяет проследить взаимосвязь официальной идеологии и психологии всего общества и его отдельных представителей. Ситуативный метод политологии привлекается для учета всех условий и обстоятельств, приведших к анализируемой ситуации. Теория управления, поиска решения, организации исполнения и контроля; теория кадровой политики помогает выявить основные тенденции в работе с кадрами (Н. В. Романовский, Г. А. Ильин, В. И. Жуков), позволяет детально рассмотреть кадровый отбор в сталинском окружении.

Основополагающим методологическим принципом исследования, выдвинутым позитивистской историографией, является теория факторов, многообразие которых определяет исторический процесс, который в свою очередь мыслится как результат параллельного и равнозначного воздействия различных факторов: экономических, идеологических, политических, психологических. Важную роль для конкретной работы играют теории политических элит. Согласно теории М. Джиласа после социалистических революций к власти приходит класс, состоящий из революционеров и государственной бюрократии. Основой данного класса является коммунистическая партия, монополия на власть которой обеспечивает монополию на собственность. Этой же теории придерживается М. Волсенский, но называет элиты не «новым классом» подобно М. Джиласу, а «номенклатурой». А. Авторханов разрабатывает теорию партократии, согласно которой партия представляет собой организацию, с одной стороны, закрытую иерархическую, с кадровым аппаратом, с другой стороны, – открытую массовую с многомиллионным членским составом. Поэтому элита партии, актив представляет собой своеобразную «партию в партии». Названные теоретико-методологические основания позволяют рассматривать характеристики «ближнего круга» в единстве трех аспектов: в социально-психологическом – «ближний круг» как представители номенклатуры, семьи, общества; в партийно-государственном – «ближний круг» как государственные деятели и управленцы, участники репрессий; в психологическом – «ближний круг» как совокупность субъектов, стремившихся приспособиться к деловым нормам и моральному климату сталинского окружения.

Список источников

1. Белилов М., Высоковский К., Гейзель М. и др. Киров и дети. Л. : б. и., 1935. 65 с.
2. Акшинский В. С. Клим Ефремович Ворошилов. М. : Политиздат, 1979. 286 с.
3. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет Сталина. В 2-х кн. Кн.2. Ч. 2. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1989. 272 с.
4. Медведев Ж. А., Медведев Р. А. Неизвестный Сталин. М. : Права человека, 2002. 354 с.
5. Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М. : РОССПЭН, 1996. 295 с.
6. Хлевнюк О. В. Сталин и Орджоникидзе: конфликты в Политбюро в 30-е годы. М. : Россия молодая, 1993. 141 с.
7. Хлевнюк О. В. Номенклатурная революция: региональные руководители в СССР в 1936–1939 гг. // Российская история. 2016. № 5. С. 36–52.
8. Медведев Р. А. Н. С. Хрущев: политическая биография // Дружба народов. 1989. № 7–9. С. 45–56.
9. Ефимов Н. А. Сергей Миронович Киров // Вопросы истории. 1995. № 11–12. С. 34–47.
10. Соколов Б. В. Берия. Судьба всесильного наркома. М. : Вече, 2003. 432 с.
11. Емельянов Ю. В. Хрущев. От пастуха до секретаря ЦК. М. : Вече, 2005. 416 с.
12. Беляева И. А. Н. М. Шверник // Среднее специальное образование. 1988. № 4. С. 34–39.
13. Гусейнов Э. Всяма неоднозначный Н. М. Шверник // Советские профсоюзы. 1990. № 13–14. С. 45–52.
14. Павлова И. В. Роберт Эйхе // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 70–88.
15. Вербя И. А. М. И. Калинин. Эпизоды биографии // Вопросы истории КПСС. 1989. № 10. С. 67–77.
16. Ватлин А. Ю. Б.Штудер, Б. Унфрид. Кадры сталинской партии. Практика и дискурс самоидентификации в Советском Союзе // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 173–175.
17. Кнышевский П. Штрихи к портретам кремлевской галереи // Новое время. 1994. № 9. С. 87–96.
18. Романовский Н. В. Люди Сталина: этюд к коллективному портрету // Отечественная история. 2000. № 4. С. 65 – 76.

19. Такер Р. Сталин: путь к власти. М. : Прогресс, 1991. 342 с.
20. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского союза. М. : Советская Россия, 1991. 624 с.
21. Монтефиоре С. С. Сталин: двор красного монарха. М. : Амфора, 2005. 767 с.

References

1. Belilov M., Vysokovskij K., Gejzel' M. i dr. Kirov i deti, Leningrad, b. i., 1935, 65 p.
2. Akshinskij V. S. Klim Efremovich Voroshilov, Moscow, Politizdat, 1979, 286 p.
3. Volkogonov D. A. Triumf i tragediya. Politicheskij portret Stalina, V 2-x kn, Kn.2, Ch. 2, Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 272 p.
4. Medvedev Zh. A., Medvedev R. A. Neizvestnyj Stalin, Moscow, Prava cheloveka, 2002, 354 p.
5. Xlevnyuk O. V. Politbyuro: Mexanizmy politicheskoy vlasti v 1930-e gody, Moscow, ROSSPÈN, 1996, 295 p.
6. Xlevnyuk O. V. Stalin i Ordzhonikidze: konflikty v Politbyuro v 30-e gody, Moscow, Rossiya molodaya, 1993, 141 p.
7. Xlevnyuk O. V. Nomenklatur'naya revolyucziya: regional'nye rukovoditeli v SSSR v 1936–1939 gg., *Rossiyskaya istoriya = Russian history*, 2016, no. 5, pp. 36–52. (In Russ.).
8. Medvedev R. A. N. S. Xrushhev: politicheskaya biografiya, *Druzhba narodov*, 1989, no. 7–9, pp. 45–56. (In Russ.).
9. Efimov N. A. Sergej Mironovich Kirov, *Voprosy istorii*, 1995, no. 11–12, pp. 34–47. (In Russ.).
10. Sokolov B. V. Beriya. Sud'ba vsesil'nogo narcoma, Moscow, Veche, 2003, 432 p.
11. Emel'yanov Yu. V. Xrushhev. Ot pastuxa do sekretarya CzK, Moscow, Veche, 2005, 416 p.
12. Belyaeva I. A. N. M. Shvernik, *Srednee speczial'noe obrazovanie = Journal of Secondary Vocational Education*, 1988, no. 4, pp. 34–39. (In Russ.).
13. Gusejnov È. Ves'ma neodnoznachnyj N. M. Shvernik, *Sovetskie profsoyuzy*, 1990, no. 13–14, pp. 45–52. (In Russ.).
14. Pavlova I. V. Robert Èjxe, *Voprosy istorii*, 2000, no. 1, pp. 70–88. (In Russ.).
15. Verba I. A. M. I. Kalinin. Èpizody biografii, *Voprosy istorii KPSS*, 1989, no. 10, pp. 67–77. (In Russ.).
16. Vatlin A.Yu. B. Shtuder, B. Unfrid. Kadry stalinskoj partii. Praktika i diskurs samoidentifika-czii v Sovetskom Soyuze, *Voprosy istorii*. 2004, no. 6, pp. 173–175. (In Russ.).
17. Knyshevskij P. Shtrixi k portretam kremlevskoj galerei, *Novoe vremya*, 1994, no. 9, pp. 87–96. (In Russ.).
18. Romanovskij N. V. Lyudi Stalina: ètyud k kollektivnomu portretu, *Otechestvennaya istoriya*. 2000, no. 4, pp. 65–76. (In Russ.).
19. Taker R. Stalin: put' k vlasti, Moscow, Progress, 1991, 342 p.
20. Voslenskij M. Nomenklatura. Gospodstvuyushhij klass Sovetskogo soyuza, Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1991, 624 p.
21. Montefiore S. S. Stalin: dvor krasnogo monarxa, Moscow, Amfora, 2005, 767 p.

Информация об авторе

Макарова Н. Н. – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Makarova N. N. – Associate Professor, Candidate of History, Associate Professor at the Global history, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU)

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.05.2024; одобрена после рецензирования 17. 07.2024; принята к публикации 20.08.2024.

The article was submitted 08.05.2024; approved after reviewing 17. 07.2024; accepted for publication 20.08.2024.

Гуманитарно-педагогические исследования. 2024. Т. 8. № 4. С. 35–44.
Humanitarian and pedagogical Research, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 35–44.

Научная статья
УДК 94(470)“1910–1914”
doi:10.18503/2658-3186-2024-8-4-35-44

Численность и социально-экономическое положение рабочей молодежи горнозаводской и фабрично-заводской промышленности Урала в 1910–1914 гг.

Юрий Дмитриевич Коробков

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия,
n.kyakkinen-56@yandex.ru

Аннотация. Изучение истории российского рабочего класса и обоснование его исторической миссии было ведущим трендом исторической науки в советский период. Между тем, отдельные сюжеты как на общероссийском, так и региональном уровнях до сих пор нуждаются в дополнительном изучении. К числу таких проблем в истории рабочего класса дореволюционного Урала относится вопрос о его численности в целом и отдельных его категорий, в частности. Очевидно, что выяснение роли социальных групп в историческом процессе как на локальном, так и на общенациональном уровне невозможно без выяснения данных параметров. С учетом особенностей дореволюционной статистики, которая не давала сведений о численности молодых рабочих железнодорожного транспорта, кустарной промышленности, строителей, автор ограничил свое исследование рамками горнозаводской и фабрично-заводской промышленности, которые являлись ведущими отраслями уральской экономики. Еще одной особенностью дореволюционной промышленной статистики являлось причисление к молодым рабочим лишь малолетних и подростков до 17 лет. Хотя это уводит из исследовательского поля значительную часть молодежи, возрастные рамки которой в данный период определялись в границах от 14 до 25 лет, объектом изучения является возрастная группа от 14 до 17 лет. В ходе исследования мы предприняли попытку определения численности горно- и фабрично-заводской молодежи в указанных возрастных рамках. В силу особенностей развития региональной экономики она оказалась выше общероссийских параметров, что предопределило более высокую степень эксплуатации труда подростков на уральских предприятиях.

Ключевые слова: Урал, горнозаводская зона, фабрично-заводская промышленность, труд, численность рабочей молодежи, социально-экономическое положение

Для цитирования: Коробков Ю. Д. Численность и социально-экономическое положение рабочей молодежи горнозаводской и фабрично-заводской промышленности Урала в 1910–1914 гг. // Гуманитарно-педагогические исследования. 2024. Т. 8. № 4. С. 35–44. doi:10.18503/2658-3186-2024-8-4-35-44.

Original article

The number and socio-economic situation of the working youth of the mining and factory industry of the Urals in 1910-1914.

Yuriy D. Korobkov

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia, n.kyakkinen-56@yandex.ru

Abstract. The study of the history of the Russian working class and the justification of its historical mission was the leading trend of historical science in the Soviet period. Meanwhile, individual plots at both the national and regional levels still need additional study. Among such problems in the history of the working class of the pre-revolutionary Urals is the question of its size in general and its individual categories in particular. It is obvious that clarifying the role of social groups in the historical process both at the local and national levels is impossible without clarifying these parameters. Taking into account the peculiarities of pre-revolutionary statistics, which did not provide information on the number of young workers in the railway transport, handicraft industry, and builders, we limited our research to the mining and manufacturing industries, which were the leading sectors of the Ural economy. Another feature of pre-revolutionary industrial statistics was the classification of only minors and teenagers under 17 as young workers. Although this takes away from the research field a significant part of the youth, whose age range in this period was determined in the range from 14 to 25 years, the object of study is the age group from 14 to 17 years. In the course of the study, we attempted to determine the number of mining and factory youth in the specified age range. Due to the peculiarities of the development of the regional economy, it turned out to be higher than the all-Russian parameters, which

© Коробков Ю. Д., 2024

predetermined a higher degree of exploitation of adolescent labour at Ural enterprises.

Keywords: Ural, Mining zone, factory industry, labor, number of employees, working youth, socio-economic situation

For citation: Korobkov Yu. D. The number and socio-economic situation of the working youth of the mining and factory industry of the Urals in 1910–1914, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya = Humanitarian and pedagogical Research*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 35–44. (In Russ.). doi:10.18503/2658-3186-2024-8-4-35-44.

Введение

Увеличение численности рабочего класса России в годы промышленного подъема 1909–1913 гг. сопровождалось ростом удельного веса молодежи в составе пролетариата. В погоне за прибылью предприниматели стремились увеличить применение труда малолетних, подчас обходя существовавшие фабричные законы. Детский труд, как «дешевое средство понизить расценки, уменьшить заработную плату, сломить непокорность взрослых и сознательных рабочих» [1], широко применялся на предприятиях Российской империи. Это обстоятельство выдвигает проблему изучения социально-экономического положения пролетарской молодежи и ее удельного веса в составе рабочего класса как одну из важных задач, тем более что обобщающих сведений о численности молодых рабочих Урала в годы промышленного подъема 1909–1913 гг. до сих пор нет.

Одной из причин отсутствия однозначных данных о численности молодых рабочих на Урале является специфика историографической ситуации. И в советском, и в современном ураловедении нет общепризнанной цифры численности рабочих Урала: в «Очерках истории большевистских организаций Южного Урала» говорится, что численность рабочих в уральской промышленности к 1917 г. достигла 300 тыс. чел. [2, с. 362], по данным Ф. П. Быстрых она составляла 357 тыс. [3, с. 57;], авторы «Очерков истории коммунистических организаций Урала» указывают численность в 358,6 тыс. [4, с. 210]; Л. С. Гапоненко – 378,2 тыс. [5, с. 163]; В. В. Адамов – примерно 600–650 тыс. рабочих всех отраслей [6, с. 162]. М. А. Фельдман определяет численность в 302,4 тыс. чел. на состояние 1913 г. и только на предприятиях крупной промышленности Урала, к которой по статистике относились предприятия с числом рабочих не менее 16 при наличии механического двигателя и не менее 30 при его отсутствии) [7, с. 38]. Разночтения в определении общей численности ведут к разным оценкам половозрастных категорий уральских рабочих. Так, В. В. Адамов выделяет в составе уральского пролетариата 65,8 % взрослых рабочих. Д. В. Гаврилов, используя данные профессиональной переписи 1929 г., увеличивает эту цифру до 79 % [8, с. 88].

В работе Л. И. Лесковой была проанализирована динамика колебаний численности фабрично-заводских и горнозаводских рабочих в 1910–1914 гг. и сделан вывод о сопоставимых темпах роста рабочих ценовой промышленности России и Урала [9, с. 268]. Однако автор не подвергал анализу численность рабочей молодежи.

На недостаточную изученность возрастной структуры рабочего класса Урала указывали еще в 80-х гг. XX в. Н. К. Лисовский [10, с. 14] и Д. В. Гаврилов [11, с. 44]. И в настоящее время данная проблема нуждается в разработке.

Требуется дополнительное изучение и положение рабочей молодежи. В монографии Д. В. Гаврилова есть специальный раздел «Возраст и пол рабочих», но автор анализирует ситуацию рубежа XIX–XX века. [8, с. 77–98]. Имеющиеся материалы в монографиях М. А. Фельдмана, Д. В. Гаврилова либо фрагментарны, либо касаются других периодов. Данная особенность присуща и статьям Л. И. Лесковой [9], Л. В. Ольховой [12] и И. К. Рафикова [13], в которых положение рабочей молодежи в качестве самостоятельного объекта изучения не выбиралось.

Очевидно, что без глубокого изучения численности и состава рабочего класса Урала, его половозрастных категорий невозможно создание его научной истории и осмысления его роли в социально-экономическом и политическом развитии региона в начале XX века. Данными обстоятельствами обусловлен выбор темы данного исследования.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и научной объективности. В работе применялись общенаучные методы познания (индукция и дедукция, анализ и

синтез, классификация объектов). Они позволили рассмотреть закономерности возникновения и развития процессов, установить их причинно-следственные связи.

Среди собственно исторических методов наибольшими разрешительными возможностями для нашего исследования обладают сравнительно-исторический и историко-системный методы. Первый позволяет выявить сходство и различия удельного веса и положения молодых рабочих отдельных категорий уральского рабочего класса и сравнить их с общероссийскими показателями. Системный метод позволил рассматривать положение и численность рабочей молодежи Урала в контексте социально-экономического и политического развития страны и особенностей «оригинального строя» уральской промышленности. Использование совокупности указанных методов дало возможность провести всесторонний анализ поставленной проблемы и сделать объективные выводы.

Результаты

1. Численность молодых рабочих в горнозаводской и фабрично-заводской промышленности Урала в 1910–1914 гг.

Помимо указанных выше факторов, затрудняющих установление численности рабочей молодежи в крае, можно назвать еще ряд причин рассматриваемой проблемы: отсутствие всероссийских переписей населения после 1897 г.; сознательное занижение числа подростков владельцами предприятий; полное отсутствие сведений о численности молодых рабочих железнодорожного транспорта, мелкой, кустарной промышленности, строителей, водников; многие заводоуправления горных заводов не указывали число своих лесных и коннорабочих. Эти обстоятельства не дают нам возможности определить численность всех категорий уральского пролетариата в полном объеме. Мы приводим данные о возрастном составе только двух, но ведущих отраслей промышленности Урала: горнозаводской и фабрично-заводской.

Следует, на наш взгляд, учитывать и точно оговорить возрастные границы молодежи. Вопрос этот не формален. Чрезмерное сужение понятия «молодежь» выводит за пределы анализа ее важные группы, а произвольное расширение приводит к размыванию или утрате их специфики. Для дореволюционного периода молодежный возраст можно установить в пределах от 14 до 25 лет: нижняя граница (14 лет) – это законодательно установленный возраст привлечения к работе); верхняя – достижение молодежью уровня социальной зрелости. Однако дореволюционная промышленная статистика причисляла к молодым рабочим лишь малолетних и подростков до 17 лет, остальные относились к категории взрослых рабочих. Поэтому, мы имеем возможность определить удельный вес именно этой группы молодежи в составе рабочих горнозаводской и обрабатывающей промышленности Урала. Данные о молодежи, занятой в фабрично-заводской промышленности Урала, в сопоставлении с общей численностью рабочих по годам с 1910 по 1914 гг. приведены в табл. 1.

Таблица 1 – Численность малолетних и подростков в фабрично-заводской промышленности Урала в 1910–1914 гг. [14, с. 68, 69, 78, 79, 88, 89]

Год	Общее число рабочих	Число малолетних и подростков	
		Абс.	%
1910	47896	5814	12,1
1911	46541	5610	12,0
1912	46607	5793	12,4
1913	48290	5999	12,4
1914	49561	6620	13,4

Таблица показывает рост общей численности рабочих данной отрасли. Причем, темпы роста числа подростков опережали прирост всех рабочих. Если количество рабочих в целом с 1910 по 1914 гг. выросло на 3,4 %, то число подростков – на 8,9 %. Указанная тенденция сходна с общероссийской [15, с. 18].

Степень использования труда малолетних и подростков в фабрично-заводской промышленности Урала была несколько выше, чем в целом по стране. Так, в 1911 г. доля малолетних и подростков

в обрабатывающей промышленности России составила, по тем же источникам, 8 % [15, с. 18]. Причина заключается в преобладании на Урале средних и мелких предприятий, владельцы которых значительно чаще использовали детский труд.

При определении численности молодежи в горнозаводской промышленности необходимо учитывать особенности горнозаводской статистики. Обычно историки опираются на Сборники статистических сведений о горнозаводской промышленности России, Своды министерства финансов и материалы по статистике несчастных случаев, которые собирались на Урале в 1911–1913 гг. Методика сбора данных в них отличается. Сборники давали сведения только за 1890–1911 гг. и включали как основных, так и вспомогательных рабочих. В остальных изданиях сведения о конных и лесных рабочих отсутствуют. К тому же, в Сводах нет половозрастной структуры рабочего класса. Поэтому, в основу определения численности молодежи в горнозаводской промышленности положены материалы по статистике несчастных случаев и данные специального учета численности, состава и положения рабочих, проводившегося в 1911–1913 гг. Обследование охватывало всю горную промышленность края, однако ряд предприятий сведений не представил. Кроме того, не учитывались лесные и куренные рабочие.

Таблица 2 – Численность малолетних и подростков в горнозаводской промышленности Урала в 1910–1912 гг. [16, л. 43; 17, л. 222–224] (лесные и куренные рабочие не учтены)

Годы	Общее число рабочих	Число подростков и малолетних	
		Абс.	%
1911	181701	12533	7
1912	191741	15190	8

Более низкий уровень занятости подростков в горнозаводской промышленности по сравнению с фабрично-заводской объясняется как спецификой данного производства, так и наличием избыточной рабочей силы, скрытой и явной безработицей, которая ограничивала доступ подростков на предприятия. Неслучайно одной из особенностей производственной повседневности на горных заводах Урала была традиция «гулевых» смен. В 1897 г., например, они были на 60 из 80 заводов Пермской губернии [18, с. 52]. Это объяснялось замедленными темпами развития уральской горнозаводской промышленности в пореформенный период, в силу чего прирост населения обгонял спрос на рабочую силу. Ситуация усугублялась закрытием массы нерентабельных предприятий. Замкнутость и оторванность Урала от других промышленных центров и прикрепление к заводам затрудняли миграцию рабочих. На тех же предприятиях, которые были созданы позднее, а также в мелком горном производстве труд подростков применялся значительно шире [19, с. 142–143].

Степень участия подростков и малолетних в горнозаводском производстве Урала была несколько выше общероссийской, которая в 1913 г. составила 6,6 % [15, с. 18]. Сказалась низкая техническая оснащенность уральских горных заводов, значительная доля подсобных, вспомогательных работ, на которых в основном применялся труд юных рабочих.

Суммарные данные о числе молодых рабочих в горнозаводской и фабрично-заводской промышленности в 1911–1912 гг. показывает табл. 3.

Таблица 3 – Численность малолетних и подростков в горнозаводской и фабрично-заводской промышленности Урала в 1911–1912 гг.

Год	Общее число рабочих	Число малолетних и подростков	
		абс.	%
1911	228242	18148	8
1912	238348	20983	9

В силу указанных выше обстоятельств эти цифры не претендуют на абсолютную точность. Они показывают лишь приблизительную картину занятости подростков и тенденцию ее развития.

2. Социально-экономическое положение рабочей молодежи горнозаводской и фабрично-заводской промышленности Урала в 1910–1914 гг.

По оценке В. В. Адамова, промышленность Урала, в сравнении с другими регионами страны, отличали более тяжелые условия труда и более низкая заработная плата местных рабочих [16, с. 146]. Это являлось следствием низкой технической оснащенности предприятий, преобладания ручного труда, наличия у рабочих личного хозяйства, патриархального характера трудовых отношений и огромной зависимости рабочих от своих заводов.

По свидетельству доктора Рума, особенно тяжелые условия труда в горнозаводской промышленности существовали на пудлинговых печах. Уже спустя несколько минут после начала работы рабочий «обливался потом, лицо его становилось красным, глаза наливались кровью. При этом учащение пульса доходило до 160 ударов, а температура тела достигала 38, нередко и 39 градусов Цельсия» [20]. По воспоминаниям В. А. Чащина, рабочий мартеновского цеха Надеждинского завода «ничем не был защищен от жара, и часто одежда на нем начинала дымиться и тлеть, а кожа на руках и на лице запекалась, как у яблока» [21, с. 45]. В корреспонденции, присланной из Миньярского завода сообщалось, что рабочие в огневых цехах «от угара и жары падают в обморок» [22]. При этом, как вспоминал М. Н. Коковихин, «защитных приспособлений не было. Молодые рабочие защищали свои лица с помощью намоченных в воде платков, которые уменьшали влияние палящей струи на лицо» [23, с. 30].

Дети и подростки в горнозаводской промышленности использовались в основном на подсобных работах: подручными у станков, при печах, при чистке котлов и дымоходов, на подноске и подвозке различных металлов. Условия их труда подчас были тяжелее, чем у взрослых.

Типичную картину изнурительного труда детей на заводах Богословского горного округа рисует в своих воспоминаниях старый уральский рабочий В. А. Чащин, с 12 лет работавший на очистке от накипи паровых котлов: «Спускали нас пятерых малышей в душную тьму. Мы зажигали сальные свечи и начинали долбить молотками стенки котла, откалывая накипь. Рядом с нами действовал второй, параллельный нашему котел, поэтому жара внутри нашего котла была такая, что приходилось работать без рубашек, обливаясь потом. Притока свежего воздуха не было, и мы начинали задыхаться в этой нестерпимой жаре и духоте. Вечером мы шли домой едва живые, вялые и обессиленные, с тяжелой головной болью» [21, с. 39]. Такую же ситуацию на Нязепетровском заводе описывал рабочий А. В. Бархатов, поступивший в ученики 14-летним подростком с зарплатой 5 копеек в день: «В прокатных цехах нестерпимая жара, угольная пыль, грохот станков и молотов создавали для рабочих поистине адскую обстановку». В огнеупорном цехе не было никакой вентиляции, «в воздухе стояла густая едкая пыль. Она разъедала легкие, уже через короткое время пребывания на такой работе многие заболели» [24, с. 18].

В лудильном цехе Лысьвенского завода, где работало много молодежи, по воспоминаниям рабочего Л. Л. Лазарева, «весь воздух был настолько насыщен известью-пушонкой, что рабочий не видел своего соседа, и у всех рабочих этого цеха были сильно разъедены нос, губы, рот» [25, с. 24].

Жесточайшая эксплуатация детского труда была типичным явлением и для фабрично-заводской промышленности края. На одной из самых тяжелых видов работ в качестве машинистов использовались подростки на механическом заводе Балакшина в Кунгуре. «Труд этот поистине адский и нужно лично пожариться у топки, чтобы дать ему определение адского труда», – такое впечатление от посещения предприятия вынес репортер газеты [26]. Чрезвычайно тяжелыми были условия труда и на Бондюжском химическом заводе, где «в большинстве уже к 30 годам рабочий становится совершенно разбитым и неспособным к труду и выбрасывается за борт» [27].

Домом калечения детей, рассадником болезней, главным образом чахотки, называл журнал «Заря Поволжья» чаеразвесочную фабрику общества «Караван» в Уфе [28, с. 11]. Подобные предприятия отличались особенно тяжелыми условиями труда. Поступая на работу, как правило в 12–13 лет, подростки к 18–19 годам в «награду» за каторжный труд получали чахотку [28, с. 11]. «Первое, что вас поразит, – отмечалось в корреспонденции газеты «Голос Приуралья», рассказывавшей о положении рабочих чаеразвесочной фабрики Губкина-Кузнецова в Челябинске, – это мелкая чайная пыль и спертый воздух. От них высыхают легкие рабочих. Затем, самые условия труда – это быстрые механические, однообразные движения рук по завертыванию чайных четвертушек – требуют от рабочего большого напряжения и адского терпения. Работают здесь большинство мальчиков от

12–16 лет. От непрерывного трения из оконечностей их пальцев струится кровь, подзатыльники и затрецины – обычное явление. Крики и площадная брань по адресу мальчиков – и за обиду не считается» [29]. Следствием этих страшных условий труда была высокая смертность. На фабрике в 1910 г. умерло от чахотки девять молодых рабочих, весной следующего года – еще четверо.

Широко применялся труд подростков в типографиях. Отсутствие фабричной инспекции усиливало произвол хозяев. Условия труда здесь были ниже всех допустимых норм. В типографии «Энергия» в Троицке, например, как отмечал корреспондент, «недостаток света и воздуха, сырость и грязь губительным образом сказываются на здоровье рабочих, вентиляция отсутствует; зловоние от варки клея и от керосинок сильно дает себя чувствовать; все рабочие сгруппированы в трех небольших комнатах; полы моются крайне редко; пыль носится целыми клубами. В типографии сильно развит труд детей <...> Все они работают наравне со взрослыми наборщиками, кроме того, зачастую оставляются и на вечерние сверхурочные работы» [30]. Труд малолетних жестоко эксплуатировался также в типографиях газет «Уральская жизнь», «Уральский край» и других подобных заведениях [31].

Абсолютно бесправными были ученики, подмастерья многочисленных мелких мастерских. Их обучение в основном сводилось к помощи хозяйкам на кухне, службе на посылках и получению «выволочек». В мастерских дамских нарядов Ведерниковой в Челябинске, как отмечала пресса, учениц «вместо обучения заставляют с утра до вечера исполнять черную работу, обращаются как с животными» [32]. В таком же положении находились ученики и подмастерья сапожных мастерских.

Использование труда подростков на тяжелых работах при отсутствии элементарных средств охраны труда приводило к высокой степени молодежного травматизма. По неполным данным, на предприятиях фабрично-заводской промышленности Вятской губернии в 1914 г. произошло 95 несчастных случаев, 32 из них (33,7 %) приходились на долю рабочих в возрасте от 12 до 18 лет [33]. В 1911–1915 гг. на долю рабочей молодежи (до 21 года) Лысьвенского металлургического завода приходилось от 28 % до 35 % всех несчастных случаев [34]. На золотоплатиновых приисках Пермского горного округа в 1916 г. уровень детского травматизма составлял 27 % [35].

При этом принятый Государственной думой в 1912 г. закон о страховании от несчастных случаев и по болезни свое действие на подростков не распространял. Кроме того, преследуя свои корыстные цели, владельцы предприятий стремились обходить страховые законы применительно к вспомогательным рабочим.

Рабочий день юных рабочих был такой же продолжительности, что и у взрослых – 10-11 часов в сутки. На Ижевском заводе, например, до 1910 г. ученики работали по 10,5 часа. На подсобных работах в Надеждинском заводе подростки работали с шести часов утра до шести часов вечера. В праздники и выходные они трудились с шести часов утра до двух часов без перерыва [21, с. 44]. Кроме того, подростки систематически оставлялись на сверхурочные работы, трудились порой больше, чем взрослые. На многих мелких предприятиях рабочий день подростка вообще был неограничен. Более того, фабрикантами предпринимались многочисленные попытки обойти закон, запрещавший работу подростков в выходные и праздники. Так, владелица стекольного завода в Вятской губернии Юрасова просила у губернатора разрешения на использование труда 12-15-летних рабочих в выходные и праздничные дни. Свою просьбу она мотивировала тем, что «в поселке нет церкви и школы, и молодежь не может удовлетворить свои духовные потребности и время проводит праздно» [36, с. 7].

Приравнивая во всех отношениях труд подростков к труду взрослых рабочих, предприниматели делали для них «исключение» в оплате труда. На Нижне-Тагильских заводах средненедельный заработок рабочего составил в 1912 г. 5–6 руб., подростков – 2–3 руб. при одинаковой продолжительности рабочего дня [37]. Среднеподоенная заработная плата на Надеждинском заводе в 1908–1913 гг. была 1,02 руб. – 1,16 руб., у подростков – 0,42–0,5 руб. [38, с. 141]. В августе 1914 г. на Алафузовской суконной фабрике подростки получали 12 копеек за 12-часовой рабочий день [39, с. 22]. По воспоминаниям И. М. Мызгина, молодых чернорабочих Симского завода часто посылали на железнодорожную станцию на погрузку металла и выгрузку руды. Норму на эту «адскую» работу установили одинаковую со взрослыми рабочими, а платили вдвое меньше [40, с. 12–13].

Широко практиковавшимся способом снижения и без того низких расценок для юных рабочих было ученичество. Типичный пример такой формы приобретения специальности на уральских заводах приводит старый большевик И. И. Колыбалов: «1-й год использовали на топке печей и обслужи-

вани рабочих (на побегушках). 2-й год в качестве мотора, то есть заставляли вертеть маховик, приводящий в движение станок, всего за 5 копеек в день. 3-й и 4-й год работал подручным на строгальном станке в литейном цехе за 15 копеек в день» [41, л. 3]. В условиях острой нехватки ремесленных школ на Урале стремление заводчиков законсервировать ученичество как дополнительный источник доходов, продажа подростками своего труда за бесценок были характерны для всей уральской промышленности. Как правило, подростки начинали работать мальчишками на побегушках и первые несколько месяцев трудились бесплатно [42, с. 10].

Низкий уровень жизни, антисанитарные условия труда и быта, отсутствие элементарного отдыха подрывали здоровье молодых и взрослых рабочих. Однако правящие круги не принимали серьезных мер для обеспечения трудящихся соответствующей медицинской помощью. На их медицинское обслуживание отпускались минимальные средства. В Богословском горном округе, например, в 1912 г. на одного врача и трех фельдшеров приходилось до 80 тыс. амбулаторных больных в год [38, с. 148], а на Качканарских золотых приисках на 10 тыс. человек было 2 врача, 3 ротных фельдшера, 2 акушерки [43]. По воспоминаниям А. В. Бархатова, на 30-тысячное население Нязепетровского завода «имелась маленькая больничка на четырнадцать коек и небольшая аптечка при ней» [24, с. 17]. Один врач, два фельдшера и одна акушерка составляли весь штат такого медицинского учреждения. По воспоминаниям П. И. Студитова-Парфенова, в больнице Лысьвенского завода «царили грязь и беспорядок, а обращение с больными было настолько грубое и жестокое, что рабочие предпочитали лечиться у себя на дому, не обращаясь в заводскую больницу» [44, с. 20]. Еще хуже ситуация с медицинским обеспечением рабочих обстоит на рудниках и приисках. По воспоминаниям П. П. Ермакова, на рудниках Шувалова «даже какой-нибудь чистой тряпки для перевязки ран не было, не говоря уже о самых необходимых лекарствах. Обычно при тяжелых ранениях рабочие завязывали раны своими же грязными портянками или рубашками. О врачебной помощи и не думали» [45, с. 40]. Естественно, говорить о квалифицированной медицинской помощи в таких условиях не приходилось, и рабочие предпочитали заниматься самолечением в домашних условиях.

Заключение

Если вопрос о численности рабочей молодежи с учетом указанных в статье особенностей требует дополнительных исследований, то в отношении ее положения в системе производства особых разногласий у специалистов нет.

Раннее вовлечение в трудовую деятельность, тяжелейшие условия труда, социальный гнет, политическое бесправие (молодежь была лишена, в частности, права выборов в Государственную Думу, в местные органы самоуправления, рабочих старост) являлись нормой повседневной жизни молодых рабочих. Часть молодых рабочих, несмотря на влияние указанных факторов, оставалась в прежней системе социально-политических координат и не помышляла о выходе из патриархально-подданических отношений. Другая, меньшая часть, с учетом высокой концентрации производства и степени преэминентности поколений уральского пролетариата на горных заводах Урала становилась активным участником революционного движения.

Список источников

1. Правда. 1912. 3 июня.
2. Очерки истории большевистских организаций Южного Урала. 1883–1917 / под ред. Н. К. Лисовского. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1972. 434 с.
3. Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1967. 556 с.
4. Очерки коммунистических организаций Урала. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1971. Т. 1. 1883–1920. 384 с.
5. Гапоненко Л. С. К вопросу о численности промышленного пролетариата в России накануне Октября // Исторический архив. 1960. № 5. С. 160–165.
6. Адамов В. В. Рабочие Урала накануне Октябрьской революции // Пролетариат России на путях к Октябрю 1917 г. (облик, борьба, гегемония). Одесса : [Б. и.], 1967. С. 160–167.
7. Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург : Изд-во УрГУ. 2001. 432 с.

8. Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. 1861–1900. М.: Наука, 1985. 302 с.
9. Лескова Л. И. Изменения в численности и социальном составе уральских рабочих в 1910–1914 гг. // Исторические записки. 1960. № 67. С. 256–275.
10. Лисовский Н. К. Некоторые вопросы историографии Октябрьской революции на Урале. // Историография Октябрьской социалистической революции на Урале : тез. межвуз. науч. конф. / редкол.: Н. К. Лисовский (отв. ред.) и др. Челябинск, [Б. и.], 1985. С. 10–18.
11. Гаврилов Д.В. Социально-экономическая структура горнозаводской промышленности Урала в период капитализма (1861–1917): Методологические аспекты // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861–1917 гг.) : сб. науч. тр. / АН СССР, Урал. отд-ние; [Отв. ред. Д. В. Гаврилов]. Свердловск : УрО АН СССР, 1991, С. 42–96.
12. Ольховая Л. В. К вопросу о положении рабочих в мелкой промышленности горнозаводского Урала. 1907–1914 гг. // Вопросы истории Урала. Свердловск. 1964. Вып. 5. С. 57–71.
13. Рафиков И. К. Численность и состав горнозаводской и фабрично-заводской промышленности Урала в 1917 г. // Актуальные вопросы развития промышленности и рабочего класса Урала в переходный период: сб. / отв. ред. В. В. Фельдман. Свердловск : УрО АН СССР, 1988. С. 62–71.
14. Материалы к учету рабочего состава и рабочего рынка : Вып. 1-2 / Центр. воен.-пром. ком. Отд. по обеспечению пром. предприятий рабочим составом. Пг. : тип. П. П. Гершунина, 1916–1917. Вып. 1. 1916. IV, 156, II с., 3 л. карт., граф.: табл.
15. Ацаркин А. Н. Жизнь и борьба рабочей молодежи в России. М. : Мысль, 1965. 445 с.
16. РГИА. Ф. 37. Оп. 58. Д. 696.
17. РГИА. Ф. 37. Оп. 75. Д. 291.
18. Материалы к выяснению вопроса об обеспечении горнорабочего населения Пермской губернии в продовольственном отношении / Стат. отд-ние Перм. губ. земской управы. Пермь : тип. Губ. зем. управы, 1900. 370 с. разд. паг. ; 26. Прил. к «Сб. Перм. губ. земства».
19. Адамов В. В. Численность и состав горнозаводских рабочих Урала в 1900–1917 гг. // Вопросы истории Урала. Свердловск. 1969. Вып. 9. С. 138–152.
20. Трудовая правда. 1914. 1 июля.
21. Чащин В. А. В суровые годы. Воспоминания старого подпольщика. Свердловск : Кн. изд-во. 1957. 232 с.
22. Невская звезда. 1912. 27 мая.
23. Коковихин М.Н. Миньярское подполье. Челябинск : Кн. изд-во, 1957. 207 с.
24. Бархатов А.В. Повесть минувших дней. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во. 1966. 138 с.
25. Рычкова Г. П. Лысьва. Пермь : Кн. изд-во, 1963, 228 с.
26. Юг Тобола. 1912. 2 сент.
27. Вятская речь. 1910. 28 июля.
28. Заря Поволжья. 1914. № 20. С. 9–11.
29. Голос Приуралья. 1910. 19 июня.
30. Голос Приуралья. 1910. 13 мая.
31. Луч. 1912. 29 декабря.
32. Северная мысль. 1913. 26 ноября.
33. ГАКО. Ф. 566. Оп. 1. Д. 801, 803, 804, 808, 817, 821, 823, 827, 829, 832, 834, 836.
34. ГАПО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 384–390, 676–680.
35. ГАПО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 138.
36. Ключин В. И. Коммуны будущей творцы. Очерки истории Кировской организации ВЛКСМ. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, 1971. 360 с.
37. Луч. 1912. 28 сент.
38. Буранов Ю. А. Положение рабочих Богословского горного округа в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1969. Вып. 9. С. 141–149.
39. Пройденный путь. К истории борьбы за диктатуру пролетариата в Приуралье. Уфа, 1927. Вып. I. 134 с.
40. Мызгин И. М. Ни бог, ни царь и не герой. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во. 1979. 276 с.
41. ГАПО. Ф. 732. Оп. 1. Д. 10.
42. Под красным знаменем. Сборник воспоминаний. Молотов : Кн. изд-во, 1957. 360 с.
43. Голос Приуралья. 1910. 5 сент.
44. Студитов-Парфенов П. И. От стачек к Октябрю. Воспоминания рабочего Лысьвенского завода. М. : Старый большевик, 1935. 134 с.
45. Ермаков П. П. Воспоминания горнорабочего. Свердловск : ОГИЗ, 1947. 166 с.

References

1. *Pravda*, 1912, 3 iyunya. (In Russ.).
2. Ocherki istorii bol'shevistskix organizacij Yuzhnogo Urala. 1883–1917, pod red. N. K Lisovskogo, Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1972, 434 p.
3. Pobeda Oktyabr'skoj soczialisticheskoy revolyuczii na Urale, Sverdlovsk, Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1967, 556 p.
4. Ocherki kommunisticheskix organizacij Urala, Sverdlovsk, Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1971. T. 1, 1883–1920, 384 p.
5. Gaponenko L. S. K voprosu o chislennosti promyshlennogo proletariata v Rossii nakanune Oktyabrya, *Istoricheskij arxiv*, 1960, no. 5, pp. 160–165. (In Russ.).
6. Adamov V. V. Rabochie Urala nakanune Oktyabr'skoj revolyuczii, Proletariat Rossii na putyax k Oktyabryu 1917 g. (oblik, bor'ba, gegemoniya), Odessa, [S. n.], 1967, pp. 160–167.
7. Fel'dman M. A. Rabochie krupnoj promyshlennosti Urala v 1914–1941 gg., Ekaterinburg, Izd-vo Ur-GU. 2001, 432 p.
8. Gavrilov D. V. Rabochie Urala v period domonopolisticheskogo kapitalizma. 1861–1900, Moscow, Nauka, 1985, 302 p.
9. Leskova L. I. Izmeneniya v chislennosti i soczial'nom sostave ural'skix rabochix v 1910–1914 gg., *Istoricheskie zapiski*, 1960, no. 67, pp. 256–275. (In Russ.).
10. Lisovskij N. K. Nekotorye voprosy istoriografii Oktyabr'skoj revolyuczii na Urale, *Istoriografiya Oktyabr'skoj soczialisticheskoy revolyuczii na Urale : tez. mezhvuz. nauch. konf., redkol. N. K. Lisovskij (otv. red.) i dr.*, Chelyabinsk, [S. n.], 1985, pp. 10–18.
11. Gavrilov D.V. Soczial'no-èkonomicheskaya struktura gornozavodskoj promyshlennosti Urala v peri-od kapitalizma (1861–1917): Metodologicheskie aspekty, *Promyshlennost' i rabochie Urala v period kapitalizma (1861-1917 gg.) : sb. nauch. tr., AN SSSR, Ural. otd-nie; otv. red. D. V. Gavrilov, Sverdlovsk, UrO AN SSSR, 1991, pp. 42–96.*
12. Ol'xovaya L. V. K voprosu o polozhenii rabochix v melkoj promyshlennosti gornozavodskogo Urala. 1907–1914 gg., *Voprosy istorii Urala*, Sverdlovsk, 1964, vol. 5, pp. 57–71. (In Russ.).
13. Rafikov I. K. Chislennost' i sostav gornozavodskoj i fabrichno-zavodskoj promyshlennosti Urala v 1917 g., Aktual'nye voprosy razvitiya promyshlennosti i rabocheho klassa Urala v perexodnyj period: sb. / otv. red. V. V. Fel'dman, Sverdlovsk, UrO AN SSSR, 1988, pp. 62–71.
14. Materialy k uchetu rabocheho sostava i rabocheho rynka : vol. 1-2 / Czentr. voen.-prom. kom. Otd. po obespecheniyu prom. predpriyatij rabochim sostavom, Petrograd, tip. P. P. Gershunina, 1916–1917, vol. 1, 1916, IV, 156, II p., 3 l. kart., graf.: tabl.
15. Aczarkin A. N. Zhizn' i bor'ba rabochej molodezhi v Rossii, Moscow, Mysl', 1965, 445 p.
16. RGIA, coll. 37, aids 58, fol. 696.
17. RGIA, coll. 37, aids. 75, fol. 291.
18. Materialy k vyyasneniyu voprosa ob obespechenii gornorabocheho naseleniya Permskoj gubernii v prodo- vol'stvennom otnoshenii, Stat. otd-nie Perm. gub. zemskoj upravly, Perm, tip. Gub. zem. upravly, 1900, 370 p. razd. pag.; 26. Pril. k "Sb. Perm. gub. zemstvo".
19. Adamov V. V. Chislennost' i sostav gornozavodskix rabochix Urala v 1900–1917 gg., *Voprosy istorii Urala*, Sverdlovsk, 1969, vol. 9, pp. 138–152. (In Russ.).
20. *Trudovaya Pravda*, 1914, 1 iyulya. (In Russ.).
21. Chashhin V. A. V surovye gody. Vospominaniya starogo podpol'shika, Sverdlovsk, Kn. izd-vo, 1957, 232 p.
22. *Nevskaya Zvezda*, 1912, 27 maya. (In Russ.).
23. Kokovixin M.N. Min'yarskoe podpol'e, Chelyabinsk, Kn. izd-vo, 1957, 207 p.
24. Barxatov A.V. Povest' minuvshix dnei, Sverdlovsk, Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1966. 138 p.
25. Rychkova G. P. Lys'va, Perm, Kn. izd-vo, 1963, 228 p.
26. *Yug Tobola*, 1912, 2 sent. (In Russ.).
27. *Vyatskaya rech'*, 1910, 28 iyulya. (In Russ.).
28. *Zarya Povolzh'ya*, 191, no. 20, pp. 9–11. (In Russ.).
29. *Golos Priural'ya*, 1910, 19 iyunya. (In Russ.).
30. *Golos Priural'ya*, 1910, 13 maya. (In Russ.).
31. *Luch*, 1912, 29 dekabrya. (In Russ.).
32. *Severnaya mysl'*, 1913, 26 noyabrya. (In Russ.).
33. GAKO, coll. 566, aids 1, fol. 801, 803, 804, 808, 817, 821, 823, 827, 829, 832, 834, 836.
34. GAPO, coll. 209, aids 1, fol. 384–390, 676–680.
35. GAPO, coll. 174, aids 1, fol. 138.
36. Klyukin V. I. Kommuny budushhej tvorczy. Ocherki istorii Kirovskoj organizaczii VLKSM, Kirov, Volgo-Vyatskoe kn. izd-vo, 1971, 360 p.

37. *Luch*, 1912, 28 sent. (In Russ.).
38. Buranov Yu. A. Polozhenie rabochix Bogoslovskogo gornogo okruga v koncze XIX – nachale XX vv., *Voprosy istorii Urala*, Sverdlovsk, 1969, vol. 9, pp. 141–149.
39. Projdennyj put'. K istorii bor'by za diktaturu proletariata v Priural'e, Ufa, 1927, vol. I, 134 p.
40. Myzgin I. M. Ni bog, ni czar` i ne geroj, Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1979, 276 p.
41. GAPO, coll. 732, aids 1, fol. 10.
42. Pod krasnym znamenem. Sbornik vospominanij, Molotov, Kn. izd-vo, 1957, 360 p.
43. *Golos Priural'ya*, 1910, 5 sent. (In Russ.).
44. Studitov-Parfenov P. I. Ot stachek k Oktyabryu. Vospominaniya rabocheho Lys`venskogo zavoda, Moscow, Staryj bol'shevik, 1935, 134 p.
45. Ermakov P. P. Vospominaniya gornorabocheho, Sverdlovsk, OGIZ, 1947, 166 p.
-

Информация об авторе

Коробков Ю. Д. – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Korobkov Yu. D. – Doctor of Sciences in History, Professor at the Department of World History, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University.

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.08.2024; одобрена после рецензирования 20.09.2024;
принята к публикации 04.10.2024.*

*The article was submitted 24.08.2024; approved after reviewing 20.09.2024;
accepted for publication 04.10.2024.*

III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 81'42:811.112.2

DOI:10.18503/2658-3186-2024-8-4-45-53

«Медицинское заключение» как тип текста (на материале немецкого языка)

Акашева Татьяна Валентиновна¹

Рахимова Нурия Мухаметовна²

Жаркова Александра Дмитриевна³

^{1,2}Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия

¹akasheva.tv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2695-5070>

²nuria_rahimova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2427-0032>

³Самарский государственный медицинский университет, Самара, Россия alexa_04-04@list.ru

Автор, ответственный за переписку: Татьяна Валентиновна Акашева, akasheva.tv@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются лингвистические особенности малоформатного текста «медицинское заключение», выбор которого обусловлен его четкой структурированностью и малым объемом при высокой степени информативности. Динамичное развитие медицины и связанное с этим увеличение объема медицинских сведений определяют актуальность научного изучения медицинской документации во избежание ошибок в интерпретации информации при переводе. Новизна состоит в том, что основной упор делается на выявлении прагматического потенциала данного типа документа и анализе его лексического состава под углом словообразовательных моделей. Цель заключается в анализе аутентичных медицинских заключений и описании их лингвистических и прагматических особенностей, релевантных для интерпретации специалистами и адекватного перевода в случае необходимости. В исследовании применялись метод сплошной выборки, описательный метод и структурный метод. Проведенный анализ показал, что исследуемый тип медицинского текста является как дескриптивным, так и директивным, что влияет на выбор лексики и синтаксических структур при его создании. На лексическом уровне используется исконно немецкая и заимствованная терминология. Заимствования из латинского и греческого языков объясняются традицией обращения к латинским и греческим корням для образования медицинской терминологии. Заимствования из английского языка являются следствием открытий в медицине и внедрения новой диагностической аппаратуры. Использование специальных синтаксических структур обусловлено стремлением к однозначности и недвусмысленности содержания. Данное исследование имеет теоретическую и практическую значимость для специалистов и переводчиков медицинской сферы.

Ключевые слова: медицинское заключение, дескриптивный тип текста, директивный тип текста, лексический состав, синтаксическая структура

Для цитирования: Акашева Т. В., Рахимова Н. М., Жаркова А. Д. «Медицинское заключение» как тип текста (на материале немецкого языка) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2024. Т. 8. № 4. С. 45–53, doi:10.18503/2658-3186-2024-8-4-45-53.

LINGUISTICS

Original article

Features of medical documentation on the example of the descriptive-directive text type "medical report"

Tatiana V. Akasheva¹

Nuria M. Rakhimova²

Alexandra D. Zharkova³

^{1,2}Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia

¹akasheva.tv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2695-5070>

²nuria_rahimova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2427-0032>

³Samara State Medical University (SamSMU), Samara, Russia, alexa_04-04@list.ru

Corresponding author: Tatiana V. Akasheva, akasheva.tv@yandex.ru

© Акашева Т. В., Рахимова Н. М., Жаркова А. Д., 2024.

Abstract. This article examines the features of creating written medical documentation using the example of a small-format text “medical report”, the choice of which as the subject of research is due to several reasons, namely its clear structuring and small volume with a high degree of informativeness. Studying the features of medical texts, as an integral part of the dynamic development of modern medicine, will help to better understand their structure, terminology, style and context in order to avoid errors in the interpretation of information and translation, which determines the relevance of addressing this topic. The novelty lies in the fact that the main emphasis in the analysis of texts was placed on identifying word-formation models of vocabulary and describing the pragmatic potential of the text. The purpose of this article is to analyze authentic medical reports and describe their linguistic and pragmatic features relevant for the adequate translation of documents of this type. The study used the method of continuous sampling of the analyzed units, the descriptive method, the structural method and the method of component analysis. The analysis made it possible to establish that the type of medical text under study is both descriptive and directive, which determines the choice of vocabulary and syntactic structures in its compilation. At the lexical level, the main features are the use of terminological vocabulary, both native German and borrowed. Borrowings from Latin and Greek are explained by the tradition of using Latin and Greek roots to form medical terminology. Borrowings from the English language are the result of new discoveries in terms of diagnostics, pharmacology, and the introduction of a new diagnostic app. The use of special syntactic structures used in medical opinion is due to the desire for unambiguity and unambiguity of the content. In addition, for an adequate interpretation of information and translation, if necessary, the pragmatic features of the text should be taken into account. This research is of practical importance for specialists and translators in the medical field.

Keywords: medical report, descriptive text type, directive text type, lexical composition, syntactic structure.

For citation: Akasheva T. V., Rakhimova N. M., Zharkova A. D. Features of medical documentation on the example of the descriptive-directive text type “medical report”, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya = Humanitarian and pedagogical Research*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 45–53. (In Russ.), doi:10.18503/2658-3186-2024-8-4-45-53.

Введение

Динамичное развитие медицины расширяет коммуникацию в этой области и ведет к увеличению объема медицинской документации.

Организация и проведение медицинских симпозиумов, конгрессов и конференций, развитие программ по обмену опытом среди врачей, а также возможность проведения лечения за границей не может обойтись без ведения документации, которая становится неотъемлемой частью вышеназванных процессов. Во многих случаях возникает необходимость в переводе медицинской документации, что, несомненно, может представлять трудности для переводчика, так как медицинская документация имеет специфику, которая выражается в особенностях ее организации и выборе синтаксических и лексико-семантических структур.

Перевод медицинской документации требует предельной точности, ответственного подхода и внимательности, а медицинская терминология и аббревиатура делают медицинский перевод особенно сложным. Лингвистический анализ аутентичных медицинских заключений и описание прагматических особенностей, на которые должен обратить внимание переводчик, будут способствовать верной интерпретации информации и созданию адекватного перевода.

Цель настоящей статьи заключается в анализе аутентичных медицинских заключений и описании их лингвистических и прагматических особенностей, релевантных для адекватного перевода документов такого типа.

Обсуждение

Медицинский дискурс продолжает оставаться предметом активного изучения специалистами в области языка и речевой коммуникации. Так, Л. С. Шуравина рассматривает на материале русского языка медицинский дискурс как многоаспектное коммуникативное явление и анализирует его цель, типовых участников, социокультурные обстоятельства общения между врачом и пациентом [1]. Ж. Н. Макушева и М. Б. Ковалёва анализируют особенности письменного медицинского дискурса, сопоставляя на разных уровнях научный медицинский дискурс с научно-популярным медицинским дискурсом. Авторы приходят к выводу, что различия в лингвистическом оформлении указанных видов медицинских дискурсов являются следствием того, что они предназначены для разных аудиторий [2].

Особенности организации и коммуникативно-речевая классификация медицинского англоязычного текста представлены в статье И. А. Меньшиной. Для точного определения функциональной специфики медицинского текста автор предлагает собственную коммуникативно-речевую классификацию жанров: анализирующие, информирующие и активизирующие тексты [3].

Кроме исследований медицинской документации в дискурсивном плане, исследователи разрабатывают частные вопросы. Например, в научных трудах С. С. Барбашевой рассматривается вопрос об использовании английских фразовых глаголов в медицинском дискурсе. Внимание к данной про-

блеме объясняется тем, что перевод текста медицинского документа требует повышенного внимания и мастерства, например, использование предлога с глаголом трансформирует его семантику и может привести к ошибке в переводе [4].

Лингвостилистические особенности медицинских текстов на материале английского языка проанализированы такими исследователями как Л. С. Пономаренко, Е. А. Мишутинская и И. С. Злобина [5]. Кроме того, авторы предлагают рекомендации по учету лингвостилистических особенностей в переводческом аспекте.

Проблема перевода медицинских текстов, а также вопросы, связанные с подготовкой профессиональных переводчиков представлены в научных трудах таких авторов, как А. О. Стеблецова [6], Т. В. Акашева [7, 8], Н. М. Рахимова, Р. С. Смольников [8], Д. В. Шуингалиева, И. А. Кузнецов и Т. Г. Табакова [9] и др.

Во многих высших учебных заведениях при подготовке переводчиков особое место отводится специальному переводу текстов медицинского дискурса, поскольку «перевод медицинских текстов является одной из самых сложных и важных отраслей, т. к. он требует от специалиста владения языком на уровне носителя, аналитических способностей и глубоких познаний в этой области» [Цит. по: 9, с. 108].

Однако несмотря на широкое изучение медицинского дискурса, эта проблема всегда будет оставаться актуальной. Динамичное развитие медицины в плане диагностики, фармакологии, внедрения новой диагностической аппаратуры способствует появлению новой лексики, аббревиатур и уточнению терминологии, следовательно, медицинские тексты постоянно требуют пристального внимания и изучения.

Материалы и методы

Анализ проводился с привлечением реальных медицинских заключений, а именно выписок из истории болезни граждан Российской Федерации, которые в разное время проходили лечение в университетских клиниках г. Кельна, г. Дуйсбурга, г. Дюссельдорфа. Все тексты для данного исследования взяты из личного архива авторов. Объем составил 10 медицинских текстов, общий объем проанализированной лексики – 500 единиц.

В исследовании применялись метод сплошной выборки, описательный метод и структурный метод.

Результаты

1. Особенности дескриптивно-директивного типа текста *Arztbrief*

В качестве предмета исследования выбран медицинский текст небольшого формата «медицинское заключение», в немецком варианте – *Arztbrief*.

Медицинское заключение *Arztbrief* представляет собой текст конфиденциального характера, включающий частную информацию о здоровье пациента. Данный документ в краткой форме содержит сведения о состоянии пациента при его госпитализации или выписке, о поставленном диагнозе, о проведенных терапевтических и/или операционных мероприятиях. Кроме того, медицинское заключение включает рекомендации по дальнейшей тактике лечения пациента. Таким образом, такие тексты носят дескриптивный и директивный характер.

Тексты данного типа предназначены для профессиональной коммуникации – узкого круга специалистов-врачей, поэтому они характеризуются точностью, лаконичностью, а также строгим, лишенным какой-либо экспрессивности стилем научного изложения с использованием терминологии и сокращений [5].

Медицинский документ *Arztbrief* строго структурирован как в содержательном плане, так и в композиционном [10].

С содержательной точки зрения *Arztbrief* обязательно включает следующие сведения:

– информацию о лечебном учреждении (юридический адрес, фамилия главного врача, контактная информация), а также о пациенте (фамилия, имя, дата рождения и адрес проживания);

– информацию о сроках пребывания в клинике и видах лечения: стационар или амбулатория: *der Patient befand sich vom...bis ... in der stationären Behandlung*;

– анамнез, в котором описывается история болезни пациента, при этом различаются анамнез актуального заболевания (*aktuelle Anamnese*); вегетативное состояние (*vegetative Anamnese*), семейный анамнез (*Familienanamnese*);

- информацию об актуальном физическом и ментальном состоянии пациента (*allgemeiner Zustand*);
- информацию о возможных медицинских вмешательствах и операциях (*Eingriffe bzw. Operationen*);
- информацию о проведенных лабораторных и иных обследованиях (например, *Laboruntersuchungen, CT, MRT* и т. д.);
- рекомендации по проведению дальнейшей терапии (*weiterer Therapieverlauf*);
- указание, кто будет далее проводить лечение выписанного из стационара пациента (*...zur Weiterleitung an den behandelnden Arzt in Russland*).

В приведенном ниже примере медицинского заключения на немецком языке (рис. 1) отчетливо видна четкая композиция: заголовочная часть документа, введение, основная часть, заключение. Необходимо обратить внимание, что данные содержательные блоки выделены графически.

die sich vom 14.09.2015 bis 23.09.2015 in unserer stationären Behandlung befand.

Diagnose: Trigemineuralgie links

Therapie: Janetta-Operation links am 15.09.2015

Anamnese:

Frau Rodionova berichtet seit ca. 5 Jahren unter Beschwerden im Sinne einschließender Schmerzen im Versorgungsgebiet der VII- und VIII-Äste links zu leiden. Provozierbar seien die Schmerzen durch Kälte, Wind und Zähneputzen. Dies habe u.a. auch ein tränendes Auge links zur Folge. Bisher sei die Einnahme einer Schmerzmedikation, u.a. auch Carbamazepin, ohne deutliche Besserung geblieben. Auch Versuche der Therapie mit traditioneller chinesischer Medizin seien erfolglos geblieben. Seit Mai dieses Jahres habe sich die Schmerzsymptomatik deutlich verschlechtert. Wir nehmen Frau Rodionova zur operativen Therapie auf.

Klinisch-neurologischer Befund:

Wir sahen eine wache, orientierte und kooperative Patientin in gutem Allgemeinzustand. Pupillen isokor, eng und bds. prompt lichtreagibel. Dezentere Hypästhesie sowie Neuralgie im Versorgungsgebiet des N. trigeminus, R, maxillaris und R. mandibularis, links. Sonst

keine Hirnnervenstörungen. Koordination regelrecht. Keine Paresen der oberen oder unteren Extremität. MER seitgleich mittelbleibhaft auslösbar. Keine Kloni. Kein Babinski.

MRT des Schädels am 14.09.2015:
Kein Nachweis eines Gefäßnervenkongflikts bei anamnestisch bekannter Trigemineuralgie.

CT des Schädels am 16.09.2015:
Zwischenzeitliche Schädelreparation rechts subokzipital im Bereich der hinteren Schädelgrube, in Höhe des Sinus transversus beginnend und Deckung des Defektes mittels Knochenzement-Plastik.

Verlauf:
Frau Rodionova wurde auf unsere neurochirurgische Normalstation aufgenommen. In zuvor im Heimatland durchgeführten Bildgebungen zeigte sich ein Gefäß-Nervenkongflikt linksseitig. Zur operativen Planung uns Bestätigung des Befundes, erfolgte eine Bildgebung des Schädels mittels MRT am 14.09.2015. Bei nun deutlich progredienten Beschwerden sehen wir hier eine relative Indikation zur Operation. Das geplante Vorhaben wird mit der Patientin ausführlich besprochen. Es erfolgte die Aufklärung der Patientin über den Ablauf und die Risiken der Operation mit einer Dolmetscherin. Die Patientin willigt in den Eingriff ein.

Operation:
Janetta-Operation links am 15.09.2015.

Postoperativ wurde Frau Rodionova für eine Nacht intensivmedizinisch überwacht. Es erfolgte eine Verlaufkontrolle mittels cCT, in dem sich ein regelrechter postoperativer Befund zeigte. Anschließend konnten wir Frau Rodionova komplikationslos auf unsere neurochirurgische Normalstation verlegen. Unter regelmäßigen Verbandswechseln gestaltete sich die Wunde trocken und reizlos. Die Patientin ist selbstständig mobil. Im verlauf entwickelte Frau Rodionova leichte Ohrenschmerzen, wesswegen wir einen Kollegen der HNO um konsiliarische Mitbeurteilung baten. Dieser legte einen Verband mit Gentamicin-Salbe in den Gehörgang ein. In einer postoperativen Kontrolle am Freitag, den 15.09.2015 soll dieser entfernt und der Befund erneut kontrolliert werden.

Am 23.09.2015 erfolgt die Entlassung der Patientin. Wir sehen eine wache, voll orientierte Patientin in gutem Allgemeinzustand mit deutlich reduzierten Neuralgien. Die Wundverhältnisse sind reizlos.

Medikation bei Entlassung:

Lyrca 300 mg	0-0-1
Carbamazepin 400 mg	0-0-1
Pantozol 40 mg	0-0-1
Diazepam 5 mg	1-1-1
Ibuprofen 400 mg	1-1-1
Novalglin 20 Trpf.	1-1-1
Mg Tbl.	1-0-1
Zopiclon	0-0-0-1/2
Clexane 0,2 ml s.c.	1-0-0 (Bis zum Zeitpunkt der Entlassung)

Weiteres Procedere:
Wir bitten um die Wiedervorstellung in unserer neurochirurgischen Ambulanz am Freitag, den 25.09.2015 um 13.00 Uhr zur Entfernung des Nahtmaterials. Sollten erneut Beschwerden auftreten, ist eine Wiedervorstellung von Frau Rodionova in unserer neurochirurgischen Klinik zu jeder Zeit möglich.

Рис. 1 – Фрагмент выписного медицинского заключения

2. Лингвистические особенности типа текста Arztbrief

В медицинском заключении Arztbrief используется, как правило, исключительно нейтральная, лишенная экспрессивности, лексика. Наиболее употребляемые классы лексики – терминологическая лексика, например, *Ganzkörper-Magnetresonanztomographie-Angiographie, regelrechter karotidaler Intima-Media-Dicke, Gefäßverlauf der Körperschlagadern, beim kardiovaskulären Risikofaktorenprofil*. Как показал анализ, термины имеют в основном этимологию заимствования из английского, латинского и греческого языков, что объясняется в случае с английским – следствием вхождения термина в новый язык вместе с новой технологией, а также традицией использования латинских и греческих корней для образования медицинской терминологии.

Классификация лексического состава рассмотренных медицинских заключений проведена с точки зрения словообразовательных моделей, так как морфемный анализ может способствовать правильной интерпретации текста специалистом и адекватному переводу.

2.1 Аффиксальная модель образования

Модель образования слов с помощью суффиксов немецкого происхождения и заимствованных из других языков представлена в следующих лексемах: *Störung, timorlos, organisch, stationär, Injektion, tumorös*.

Анализ позволил выделить следующие словообразовательные типы лексем:

–номинация нарушений в организме воспалительного характера образуются с помощью суффикса *-itis*: *Gastritis, Bronchitis, Arthritis*;

–названия заболеваний, которые образуются с помощью суффиксов *-es / -ose*: *Diabetes, Osteoporose, Sklerose*;

–названия опухолей, имеющие в морфемной структуре суффикс *-oma*: *Carcinoma, Sarcoma, Myeloma*;

–общие названия медицинских отделений с суффиксом *-logie*: *Kardiologie, Onkologie, Neurologie*;

–названия специалистов, которые образуются в немецком языке с помощью суффиксоида *-therapeut*: *Physiotherapeut, Psychotherapeut, Ergotherapeut*;

–названия исследований с регистрацией изображения, импульсов и т. д., образующиеся с помощью суффикса *-graphie*: *Elektroenzephalographie, Röntgenographie, Tomographie*.

Модель образования новых слов с помощью префикса является очень продуктивной, что объясняется особенностями немецкого языка, в котором префиксы оказывают значительное влияние на семантику, иногда кардинально меняя значение.

Анализ позволил выделить следующие группы:

–префиксы *a-/an-* имеет значение отсутствия: *Anämie, Anorexie*;

–префикс *endo-* означает ‘внутри’: *Endoskopie, Endometritis, Endokrinologie*;

–префикс *exo-* означает ‘вне’, ‘извне’: *Exokrine, Exophthalmus*;

–префикс *peri-* означает ‘вокруг’: *Perikarditis, Periodontitis, Peritonitis*;

–‘избыточность’ выражается с помощью префикса *hyper*: *Hypertension, Hyperglykämie, Hyperaktivität*;

–‘недостаток чего-л.’ выражается с помощью префикса *hypo-*: *Hypotonie, Hypoglykämie, Hypothyreose*.

Таким образом, морфемный анализ и знание семантики суффиксов и префиксов ускорит работу с информацией и перевод текста.

2.2 Образование сложных слов

Наиболее продуктивная в немецком языке модель словообразования «сложные слова» находит место в лексическом составе исследуемых медицинских текстов. При этом можно выделить образование с помощью использования соединительной согласной, например, *Gesundheitszustand, Entzündungserscheinungen*, а также без соединительной согласной, например, *Intensivstation, erdblaß*.

Можно выделить следующие группы:

–имя существительное + имя существительное: *Herzinfarkt, Blutdruck, Knochenbruch, Körpertemperatur, Gehirntumor*;

–имя существительное + отглагольное существительное: *Blutentnahme, Röntgenaufnahme, Arzneimittelverabreichung, Operationsplanung*;

–имя прилагательное + имя существительное: *Hochdruck, Schneltpuls, Rotfieber, Weitwinkelröntgen, Schnelltest*;

–имя существительное + имя прилагательное/причастие: *blutdruckregulierend, schmerzlindernd, fiebersenkend, atembekämpfend*.

2.3 Аббревиатуры

В медицинском заключении *Arztbrief*, который представляет собой малоформатный текст с высокой долей компрессии, широко используются сокращения.

Можно выделить следующие группы сокращений:

–сокращения названия заболеваний: *AIDS = Acquired Immune Deficiency Syndrome = Erworbene Immunschwäche, BMI = Body Mass Index = Körpermassenindex, CFS = Chronic Fatigue Syndrome = Chronisches Müdigkeitssyndrom, COPD = Chronic Obstructive Pulmonary Disease = Chronisch obstruktive Lungenerkrankung, DM = Diabetes mellitus = Zuckerkrankheit, MS = Multiple Sklerose = Autoimmunerkrankung des Nervensystems*;

–сокращения диагностического инструментария: *EEG = Elektroenzephalographie, EKG = Elektrokardiogramm, MRT = Magnetresonanztomographie, Röntgen = Röntgenaufnahme, CT = Computertomographie*;

–сокращения на латинском или греческом языках: *a. c. = ante cibum, ad lib. = ad libitum, h. s. = hora somni, i. m. = intramuscular, i. v. = intravenous, s. c. = subcutaneous*.

Многие сокращения в исследуемом типе текста являются интернациональными, например, *COPD – Chronic Obstructive Pulmonary Disease, MRI – Magnetic Resonance Imaging, PET – Positron Emission Tomography, HR – Heart Rate*.

Наличие сокращений ведет к высокой плотности информации, характерной для данного типа текста.

Анализ рассмотренных документов позволяет утверждать, что около 60 лексических единиц из общего количества слов медицинской тематики образовано с помощью суффикса, что составляет всего 12 % от общего количества лексем. Медицинская лексика, образованная с помощью префиксов, составила около 15 %, в количественном отношении – это более 75 слов. Более продуктивен аффиксальный способ образования слов (с помощью суффикса и префикса). Так создано более 90 слов, то есть около 18%. Проанализированные тексты включали около 150 сложных слов, что соответствует 30 %. Очень распространены в медицинском тексте аббревиатуры, выявлено около 90 слов, что соответствует 18%. Употребление заимствованных из разных языков лексических единиц составило от 100 до 120 или 20 % слов.

3. Синтаксические особенности типа текста *Arztbrief*

С синтаксической точки зрения данный тип текста характеризуется использованием простых предложений, например, *Das HNO-ärztliches Konsilium erbrachte eine Otitis externa links mehr als rechts; Dieser günstige Befund ist auf Ihr global niedriges kardiovaskuläres Risikofaktorenprofil zurück zu führen; Es besteht der Ausschluss einer belastungsinduzierten Myokardischämie (keine Durchblutungsstörung der Herzmuskulatur) bei erreichter submaximaler Ausbelastung (Ergospirometrie)*.

Несмотря на то, что согласно синтаксическим правилам немецкого языка предложение должно быть двусоставным, в медицинском заключении можно встретить такие варианты с использованием пассивной конструкции с упущением части сказуемого, как например, *zur Intensivstation geliefert* или с упущением подлежащего: *Fühlt sich krank ab Dezember 2015*.

В медицинских заключениях *Arztbrief* часто используются пассивные конструкции, чтобы сфокусировать внимание на действии, а не на том, кто его выполняет, например, *Der Patient wurde behandelt*, что помогает избежать двусмысленности и подчеркнуть объективность. С этим же связано отсутствие агенса в пассивных конструкциях, например: *Bei der Verschlechterung wurde zur OP-Station Intensivstation gebracht, wo operiert wurde*.

Сложные предложения используются, чтобы связать между собой различные медицинские факты, симптомы и процедуры. Это позволяет передать более полную и точную картину состояния пациента, например, *Es erfolgte eine Verlaufkontrolle mittels CT, in dem sich ein regelrechter postoperativer Befund zeigte*.

В текстах встречаются эллиптические предложения, например, *Parenchyme und Schilddrüse unauffällig, leere senologische Eigenanamnese, Bauchspeicheldrüse normal konfiguriert*. Эллиптические предложения позволяют сократить текст, сохраняя при этом его информативность, употребление полных предложений сделало бы текст излишне громоздким.

4. Прагматические особенности типа текста *Arztbrief*

Особенностью текста «Медицинское заключение», которая, собственно, и характеризует его дескриптивно-директивный характер, является его прагматический потенциал. Дескриптивно-директивный характер текста означает сочетание описательной и побудительной функций в одном тексте. Как уже было сказано выше, описательная часть медицинского заключения содержит информацию о пациенте, лечебном учреждении и проведенных манипуляциях, а директивная функция заключается в указаниях к дальнейшему лечению и обследованиям. Под прагматическим потенциалом текста нами подразумевается «осуществление прагматического воздействия на реципиента, способность вызывать определенные чувства, за счет производимого коммуникативного эффекта» [11, с. 97]. Следует понимать, что он выражен однозначностью контекста, формальностью, объективностью, отсутствием личностного отношения и четкой, унифицированной структурой текста.

Однозначность контекста является важной характеристикой медицинского заключения. В медицинских текстах используется терминология, которая несет много информации, поэтому ради экономии места и времени некоторые слова могут быть пропущены, что упрощает текст.

Формализованность является особенностью текстов медицинских документов. Медицинское заключение имеет четкую форму, написано лаконично, четко и точно. Недопустимо использование экспрессивной лексики, юмора.

Подчеркнутую объективность тоже следует считать особенностью текстов данного типа: в медицинском заключении не принято выражать личное отношение, поэтому используются пассивные конструкции.

Отсутствие личного отношения. Часто используется особая форма сослагательного наклонения Конъюнктив 1, которая указывает на то, что высказывание не является личным мнением врача, создающего текст, например, *Provozierbar seien die Schmerzen durch Kälte, Wind, Zähneputzen. Dies habe auch u.a. ein tränendes Auge links zu Folge.*

Композиции текста традиционная, можно выделить следующие части: введение, основная часть и заключение. Во введении оформляется обращение к коллегам, к которым направляется пациент. Это может быть общее обращение *Sehr geehrte Kollegen*, однако чаще используются личные обращения, например, *Sehr geehrte Frau Dr. Krause / Sehr geehrter Herr Prof. Mediziner*. Указание в обращении имени и должности врача объясняется особенностями организации немецкой системы здравоохранения: как известно, в ФРГ развита система частных клиник, в которых работает ограниченное число врачей, следовательно, имеют более близкие контакты [12]. В заключении используется фраза *Sollten sich noch Rückfragen ergeben, stehen wir Ihnen jederzeit gerne zur Verfügung*, которая, как правило, не используется в медицинских заключениях на русском языке. Кроме того, в медицинских заключениях используется клишированная фраза *Wir verbleiben mit freundlichen kollegialen Grüßen* в отличие от более формального *S уважением*.

Заключение

Интеграция лингвистики с разными науками открывает новые направления исследований, например, в настоящее время широко изучаются теоретические и прикладные проблемы медицинского дискурса, так как знание его особенностей обеспечивает точное понимание медицинской информации, эффективную коммуникацию и повышение качества медицинских услуг.

В эпоху динамичного развития медицины необходимо обратить внимание на изучение структурно-семантических и прагматических особенностей медицинских текстов во избежание ошибок в интерпретации информации. Особенно это важно для возможного процесса перевода медицинской документации.

Таким образом, малый формат выбранного для исследования типа медицинского документа *Arztbrief* позволил провести его многоаспектный анализ и сделать выводы о его дескриптивно-директивном характере, который обусловлен его лингвистическими особенностями.

Предпринятый словообразовательный подход к анализу лексики из медицинского заключения оправдал себя, так как морфологический анализ – это важная часть определения стратегии интерпретации, глубокого понимания текстов подобного рода и при необходимости выполнения качественного перевода. Анализ прагматического потенциала текста позволяет предположить, что данный тип на другом языке, несмотря на формальные и структурные различия, будет обладать теми же прагматическими особенностями.

Список источников

1. Шурафина Л. С. Медицинский дискурс как тип институционального дискурса // Вестник ЧелГУ. 2013. № 37 (328). С. 65–67.
2. Макушева Ж. Н. Специфика медицинского дискурса на материале аутентичных текстов по специальности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (35). Ч. 1. С. 108–111.
3. Меньшенина И.А. Специфика организации и коммуникативно-речевая классификация медицинского англоязычного текста // Вестник ВГМУ. 2014. Т. 13 (2). С. 151–156.
4. Барбашева С. С. Особенности употребления фразовых глаголов в медицинском дискурсе // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 2. С. 1441–1444.
5. Пономаренко Л. Н., Мишутинская Е. А., Злобина И. С. Лингвостилистические особенности медицинских текстов в переводческом аспекте // Гуманитарная парадигма. 2018. № 1 (4). С. 9–14.

6. Стеблецова А.О. Иностранный язык в медицинском вузе в условиях ФГОС 3++: анализ готовности студентов к самостоятельной работе // Мир науки, культуры, образования. № 1 (74) 2019. С. 45–49.
7. Акашева, Т. В. Развитие профессиональных компетенций при подготовке будущих переводчиков // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования : тезисы 80-й Междунар. науч. техн. конф., Магнитогорск, 18–22 апреля 2022 года. Том 2. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2022. С. 330.
8. Akasheva T.V., Rakhimova N. M., Smolnikov R. S. Development of professional competences of students - future translators in the Skopos Theory framework // Perspectives of Science and Education. 2022. No. 1(55). P. 95–110.
9. Шуйнгуалиева Д. В., Кузнецов И. А., Табакова Т. Г. Особенности перевода медицинских текстов // Успехи в химии и химической технологии. Т. XXXIV. 2020. № 10. С.108–110.
10. Weinreich C. Fachinterne und fachexterne Textsorten in der Medizin // Handbuch Sprache in der Medizin. A. Busch., T. Spranz-Fogasy (Hg.). 1. Aufl. Berlin: de Gruyter, 2015. S. 486.
11. Маник С. А., Косолюкина Е. А. Особенности новостной статьи в современном англоязычном интернет-медиадискурсе (на медиатекстов по теме «Терроризм») // Политическая лингвистика. 2016 №4. <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-novostnoy-stati-v-sovremennom-angloyazychnom-internet-mediadiskurse-na-materiale-mediatekstov-po-teme-terrorizm> (дата обращения: 10.09.2024).
12. Wiese I. Textsorten des Bereichs Medizin und Gesundheit // Text- und Gesprächslinguistik. K. Brinker (Hg.). Berlin, New York: de Gruyter, 2000. S. 1805.

References

1. Shuravina L. S. Mediczinskij diskurs kak tip institucional'nogo diskursa, *Vestnik ChelGU = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2013, no. 37 (328), pp. 65–67. (In Russ.).
2. Makusheva Zh. N. Speczifika mediczinskogo diskursa na materiale autentichnyx tekstov po speczial'-nosti, *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*, 2014, no. 5 (35), Ch. 1, pp. 108–111. (In Russ.).
3. Men'shenina I. A. Speczifika organizaczii i kommunikativno-rechevaya klassifikaczija mediczinskogo angloyazychnogo teksta, *Vestnik VGMU = Vitebsk Medical Journal*, 2014, vol. 13 (2), pp. 151–156. (In Russ.).
4. Barbasheva S. S. Osobennosti upotrebleniya frazovyx glagolov v mediczinskom diskurse, *Izvestiya Samarskogo nauchnogo czentra Rossijskoj akademii nauk = Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2011, vol. 13, no. 2, pp. 1441–1444. (In Russ.).
5. Ponomarenko L. N., Mishutinskaya E. A., Zlobina I. S. Lingvostilisticheskie osobennosti mediczinskix tekstov v perevodcheskom aspekte, *Gumanitarnaya paradigma*, 2018, no. 1 (4), pp. 9–14. (In Russ.).
6. Stebleczova A. O. Inostrannyj yazyk v mediczinskom vuze v usloviyax FGOS 3++: analiz gotovnosti studentov k samostoyatel'noj rabote, *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of science, culture and education*, 2019, no.1 (74), pp. 45–49. (In Russ.).
7. Akasheva, T. V. Razvitie professional'nyx kompetencij pri podgotovke budushhix perevodchikov, Aktual'nye problemy sovremennoj nauki, texniki i obrazovaniya : Tezisy 80-j mezhdunarodnoj nauchno-texnicheskoj konferenczii, Magnitogorsk, 18–22 aprelya 2022 goda. T. 2. Magnitogorsk: Magnitogorskij gosudarstvennyj texnicheskij universitet im. G. I. Nosova, 2022, pp. 330.
8. Akasheva T.V., Rakhimova N. M., Smolnikov R. S. Development of professional competences of students - future translators in the Skopos Theory framework, *Perspectives of Science and Education*, 2022, no. 1(55), pp. 95–110.
9. Shuingaliev D.V., Kuznecov I.A., Tabakova T.G. Osobennosti perevoda mediczinskix tekstov, *Uspexi v khimii i khimicheskoy texnologii. T. XXXIV, 2020, no.10, pp.108–110.*
10. Weinreich C. Fachinterne und fachexterne Textsorten in der Medizin, *Handbuch Sprache in der Medizin*. A. Busch., T. Spranz-Fogasy (Hg.), 1. Aufl, Berlin, de Gruyter, 2015, 486 p.
11. Manik S. A., Kosolyukina E. A. Osobennosti novostnoj stat'i v sovremennom angloyazychnom internet-mediadiskurse (na mediatekstov po teme «Terrorizm»), *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*, 2016, no. 4, <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-novostnoy-stati-v-sovremennom-angloyazychnom-internet-mediadiskurse-na-materiale-mediatekstov-po-teme-terrorizm> (accessed 10 September 2024) (In Russ.).
12. Wiese I. Textsorten des Bereichs Medizin und Gesundheit, *Text- und Gesprächslinguistik*. K. Brinker (Hg.), Berlin, New York, de Gruyter, 2000, pp. 1805.

Информация об авторах

Акашева Т. В. – дцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой лингвистики и перевода Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова».

Рахимова Н. М. – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова».

Жаркова А. Д. – студентка Института клинической медицины Самарского государственного медицинского университета.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Akasheva T. V. – head of the Department of Linguistics and Translation, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences Nosov Magnitogorsk State Technical University.

Rakhimova N. M. – Associate Professor of the Department Linguistics and Translation, Candidate of Philological Sciences Nosov Magnitogorsk State Technical University.

Zharkova A. D. – student at the Institute of Clinical Medicine, Samara State Medical University.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.09.2024; одобрена после рецензирования 05.11.2024;
принята к публикации 10.11.2024.*

*The article was submitted 18.09.2024; approved after reviewing 05.11.2024;
accepted for publication 10.11.2024.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 82:519.83
DOI:10.18503/2658-3186-2024-8-4-54-68

Мифопоэтическая символика инди-игр (на примере «The Binding of Isaac: Rebirth»)**Кирилл Александрович Хабиров**

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия,
xvbirow@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется мифопоэтическая символика, проявившая себя в игре «The Binding of Isaac: Rebirth». Актуальность статьи обусловлена недостаточной изученностью в области филологии проблемы мифопоэтической символики как художественного приема в создании сюжета для инди-игр, где символика жертвоприношения, страха, вины, и искупления раскрывается через религиозные образы. Инди-игры популярны благодаря своей оригинальности, что позволяет сделать сравнение с авторским кино: такие игры отличаются не только выраженным авторским видением, но и метафорическими слоями, требующими особого прочтения. Инди-игры (от англ. independent – ‘независимый’) – это компьютерные игры, которые разрабатываются небольшими командами или отдельными разработчиками без финансовой поддержки крупных издателей. Такие игры создаются независимо от крупных игровых компаний, часто выпускаются в цифровом виде через интернет-платформы. Отличаются разнообразием жанров, стилей, подходов к геймплею. Они могут быть как коммерческими, так и бесплатными, а также распространяться по модели «купи-играй» или по подписке. Исследуемый проект игровой индустрии – это один из тех примеров, когда нам открывается амфиболичность произведения через тексты и инструменты филологического анализа. Комплексный метод анализа включает мифопоэтический, семиотический, и структурно-типологический подходы. Использование этих подходов обосновано сложностью анализа игрового сюжета, где мифопоэтические символы требуют также интертекстуального, и историко-культурного подходов. Новизна статьи состоит в рассмотрении символики, определяющей: единство сюжета на уровнях игровой реальности; философию игры, которую пользователю необходимо понимать, обнаруживать в сюжете мифологические структуры и осмысливать взаимосвязь законов игры с законами нашего мира, чтобы победить. Автором статьи выявлено, что игра не только развлекает, но и выполняет образовательную функцию, демонстрируя, как архетипы и мифологические структуры существуют в сознании человека. Через аллегорию страдания игра помогает понять психологические конфликты (внутриличностные, межличностные, комплексы, виктимность), превращаясь для некоторых пользователей в ненавязчивое учебное пособие по психоанализу.

Ключевые слова: мифопоэтика, мифопоэтическая символика, инди-игры, The Binding of Isaac, The Binding of Isaac: Rebirth, Библия, Коран

Для цитирования: Хабиров К. А. Мифопоэтическая символика инди-игр (на примере «The Binding of Isaac: Rebirth») // Гуманитарно-педагогические исследования. 2024. Т. 8. № 4. С. 54–68, doi:10.18503/2658-3186-2024-8-4-54-68.

LITERARY STUDIES

Original article

Mythopoetic symbolism of indie games (on the example of «The Binding of Isaac: Rebirth»)**Kirill A. Khabirov**

Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU), Magnitogorsk, Russia, xvbirow@gmail.com

Abstract. The article researches the mythopoetic symbolism that manifested itself in the game «The Binding of Isaac: Rebirth». The relevance of the article is caused by the insufficient study in the field of philology of the problem of mythopoetic symbolism as an artistic technique in creating a plot for indie games, where the symbolism of sacrifice, fear, guilt, and redemption is revealed through religious images. Indie games are popular due to their originality, which

© Хабиров К. А., 2024.

allows us to make a comparison with auteur movies, as such games are characterized not only by a distinct author's vision, but by metaphorical layers as well that require a special reading. Indie games (from the English word «independent») are computer games that are developed by small teams or individual developers without financial support from major publishers. These games are created independently from large game companies and are often released digitally via Internet platforms. They are distinguished by a variety of genres, styles, and approaches to gameplay. They can be both commercial and free-to-play, as well as distributed on a buy-to-play or subscription model. The study project of the game industry is one of those examples when we discover the amphiboly of the work through texts and tools of philological analysis. The complex method of analysis includes mythopoetic, semiotic, and structural-typological approaches. The use of these approaches is justified by the complexity of analyzing the game plot, where mythopoetic symbols also require intertextual, and historical-cultural approaches. The novelty of the article is the consideration of symbolism, determining: the unity of the plot at the game reality levels; the game philosophy, where the user has to discover mythological structures in the plot, and to make sense of the intersection of the laws of the game with the laws of our world to win. Thus, it was found out that the game not only entertains, but also serves an educational function by demonstrating how archetypes and mythological structures exist in the child's mind. Through the allegory of suffering, the game helps to understand psychological conflicts (intrapersonal, interpersonal, complexes, victimhood), turning into an unobtrusive psychoanalysis manual.

Keywords: mythopoetics, mythopoetic symbolism, indie games, The Binding of Isaac, The Binding of Isaac: Rebirth, The Bible, the Koran

For citation: Khabirov K. A. Mythopoetic symbolism of indie games (on the example of «The Binding of Isaac: Rebirth»), *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya = Humanitarian and pedagogical Research*, 2024, vol. 8, no. 4, pp.54 –68. (In Russ.), doi:10.18503/2658-3186-2024-8-4-54-68

Введение

Нередко видеоигры отражают современные культурные ценности, и видоизменяют их, влияя на мировоззрение пользователя. Мифопоэтическая символика игры «The Binding of Isaac: Rebirth» даёт новый импульс архетипическим образам, создавая глубинные смыслы, вызывая у игрока интерпретации, отсылающие к мифам. В настоящей статье исследуется образное, сакральное устройство инди-игр как своеобразный «трансформатор» культуры пользователя, работающий под игровой мифопоэтической оболочкой, способствующий преобразованию и переосмыслению культурных ценностей через игровой процесс. Под сакральностью, сакральным устройством игры понимаются духовные ценности, которые позволяет игроку переосмыслить свое мировоззрение через призму игрового процесса. Игра выступает в роли проводника между реальным миром и миром фантазий, где игрок может столкнуться с архетипическими образами и символами, отражающими глубинные аспекты человеческой психики.

Поскольку игровые объекты, повествование и символика могут быть рассмотрены как формы художественной интерпретации реальности, вдохновленные мифами и культурными архетипами, вследствие этого анализ литературной основы и визуального ряда игры можно отнести к филологическому исследованию, в котором метафорически рассматривается символика и «текст» игры, как элементы специфического литературного произведения [1]. Мифопоэтический анализ символов требует филологического подхода, поскольку игровое повествование аналогично литературному нарративу в своей многослойной структуре.

В мире видеоигр существует множество произведений, связанных с мифологией и религией. Одним из популярных направлений в игровой индустрии является создание игр, основанных на мифах и легендах различных культур. В свою очередь, инди-игры, как сегмент независимой игровой индустрии, пользуются популярностью среди игроков, благодаря креативным подходам к разработке. У некоторых создателей, работы которых можно отнести к «инди», до момента создания первого игрового продукта вообще могло не быть опыта в разработке игр, поэтому те немногочисленные случаи поистине громкого успеха достойны своего рассмотрения [2, с. 15]. Одним из наиболее ярких примеров этого направления в игровой индустрии является изучаемая в данной работе игра от студии «Nicalis» [3]. Она отличается уникальным визуальным стилем, глубоким сюжетом и обилием культурных отсылок. В данной научной статье мы рассмотрим мифопоэтическую символика игры, проанализировав ее роль в игровом сюжете, визуальное оформление и образную систему.

Обсуждение

Инди-игра «The Binding of Isaac: Rebirth» представляет собой значительный культурный феномен, продолжающий привлекать внимание. В рамках научных исследований [4], общественных дис-

куссий на специализированных игровых форумах [5] и тематических страницах [6] поднимается ряд вопросов, касающихся символизма игры, культурных аллюзий, воздействия ее содержания на восприятие игроков. Эта игра продолжает активно развиваться, и поддерживается как разработчиками, так и обширной игровой аудиторией. Несмотря на то, что оригинальная версия игры была выпущена 29 сентября 2011 года [7], интерес к проекту не угасает благодаря постоянному обновлению контента и выпуску дополнительных материалов, или DLC (Downloadable Content). Эти дополнения значительно расширяют игровые механики, а также обогащают символическое и нарративное наполнение игры, что позволяет рассматривать ее как динамичное произведение, продолжающее развиваться с течением времени.

С момента выпуска «The Binding of Isaac» получила ряд значительных обновлений, которые включают в себя следующие DLC: «Wrath of the Lamb» (обновл. 28.05.2012) [8] – первое крупное дополнение, добавившее множество новых «предметов», «врагов» и «боссов», углубляя символический мир игры, ее «геймплейные механики». Это дополнение задало тон будущим расширениям, подчеркивая экспансивный характер игрового пространства. «Rebirth» (обновл. 04.11.2014) [9] – это фактически ремейк оригинальной игры, построенный на новом игровом движке (наборе программного обеспечения, который предоставляет разработчикам инструменты и функции для создания и управления игровым контентом). Он не только улучшил визуальное оформление и производительность, но и расширил образный мир игры, добавив еще больше контента, обеспечив возможность для будущих дополнений. «Afterbirth» (обновл. 30.10.2015) [10] – значительное обновление, включающее новых «боссов», персонажей и систему процедурной генерации уровней. Оно также внесло новые аспекты в нарративный и символический анализ игры, поскольку добавило концепты и элементы, которые затрагивают новые уровни глубинного анализа. «Afterbirth+» (обновл. 03.01.2017) [11] – расширение, которое позволило игровому сообществу вносить собственные модификации. С точки зрения филологии и культурных исследований это дополнение заслуживает особого внимания, так как интерактивность усиливает взаимосвязь автора и аудитории, формируя уникальную нарративную структуру. «Repentance» (обновл. 31.03.2021) [12] – последнее на текущий момент крупное обновление, которое значительно расширило и усложнило игровой процесс, добавив новых персонажей, альтернативные уровни и обновленную концовку. Оно представляет собой кульминацию игрового процесса, усложняя символику игры и давая новые возможности для анализа ее интертекстуальности и мифологической символики.

Регулярный выпуск обновлений «The Binding of Isaac», поддержка «моддерского» [13] сообщества демонстрируют, что игра не только сохраняет актуальность, но и активно расширяет свое влияние, адаптируясь к изменяющемуся культурному и социальному контексту. Появление новых DLC привлекает внимание не только преданных игроков, но и исследователей, заинтересованных в анализе видеоигр как сложных мультимодальных текстов. Эти дополнения обогащают игру новыми символическими элементами и культурными отсылками, укрепляя ее статус как объекта научного исследования и культурного анализа.

Научный интерес к «The Binding of Isaac: Rebirth» объясняется ее многоэтапным переосмыслением и расширением контента, которое преобразовало архитектуру игры, заложив основу для появления последующих дополнений. Именно «Rebirth», а не последующие обновления и расширения, стала переломным моментом в истории данной игры, превратив ее в крупный культурный феномен данной сферы. Этот ремейк на новом движке позволил разработчикам реализовать уникальные технические и символические элементы, ранее были невозможны из-за ограничений в оригинальной версии игры.

Мифопоэтика «The Binding of Isaac», затрагивающая мотивы жертвоприношения, страдания, и искупления, остается актуальной для активных обсуждений, хотя, как показывает анализ научной литературы, глубинная интерпретация этих тем еще не завершена и требует дальнейшего исследования. Проблематика далека от своего разрешения – этим обуславливается выбор темы настоящей статьи.

Материалы и методы

Материалом в нашей статье является игра «The Binding of Isaac: Rebirth» [9]. Среди перечисленных используемых научных методов (мифопоэтический, семиотический, структурно-типологический) необходимо выделить мифопоэтический подход, показавший наибольшую продуктивность с точки зрения глубинного понимания и восприятия игры не рядовым таймкиллером (*time-killer* 'убийца времени'), во многом из-за особого использования мифологической символики игры.

Данный подход позволил увидеть в существах из игры не случайных персонажей, а воплощение конкретных мифологических, религиозных образов.

В исследовании привлекались также интертекстуальный анализ, историко-культурный подход и контент-анализ, которые позволили глубже изучить игровые элементы: сюжет, персонажей, визуальный стиль, символику. Контент-анализ обеспечил декомпозицию игры на ее составляющие с целью выявления скрытых смыслов, культурных отсылок, тематических слоев. В свою очередь, семиотический анализ помог понять, как конкретные элементы игры (например, графика, звуковое сопровождение, диалоги, «предметы», персонажи) формируют особое значение и как игроки могут их интерпретировать.

Настоящее исследование опирается на филологические труды, в которых изучалась теоретическая модель символа – это работы А. Н. Веселовского [14], А. А. Потебни [15], А. Ф. Лосева [16], Ю. М. Лотмана [17], С. С. Аверинцева [18]. Мифопоэтический метод анализа художественного текста, важный для нашего исследования, представлен в научных трудах: Е. М. Мелетинского [19], В. Н. Топорова [20], М. Элиаде [21] и Е. Г. Постниковой [22]. Можно встретить различные определения мифопоэтики. Мы используем толкование, предложенное Н. Осиповой: «Мифопоэтика – это творческая, личностная и жизнотворческая *система художника*, основанная на художественно мотивированном обращении к традиционным мифологическим схемам, моделям, сюжетно-образной системе и поэтике мифа и обряда, в том числе и созданию “неомифологических текстов”» [23].

1. Визуальная символика

По утверждению Йохана Хёйзинга: «...понятие игры устраняет различия между верою и творчеством. Это понятие игры без всякой натяжки соотносится с понятием освящения и священного» [24, с. 26]. Сформулируем мысль иначе, в соответствии с законом логического тождества – в вере присутствует элемент игры, а в любой игре есть элемент веры. Сюжет анализируемой игры вдохновлен библейской историей жертвоприношения Авраама и другими древними историями о принесении в жертву детей для умиловления богов. Игровой процесс позволяет игроку пройти через различные уровни, каждый из которых представляет собой новую сцену из жизни Айзека. Главный герой должен выживать в «лабиринтообразном» мире, где ему угрожают различные опасности, главной из которых является его обезумевшая мать. По мере прохождения уровней игрок получает предметы (монеты, бомбы, пилюли, карты Таро, ключи, и т. д.), позволяющие ему эффективнее противостоять опасностям, становиться сильнее, чтобы одолеть свой главный страх – образ злой матери.

Визуальная составляющая игры также содержит элементы мифологии. Персонажи и объекты представлены в стилизованном виде, что позволяет создать атмосферу сказочности и мифологичности. В оформлении регулярно используются приглушенные цвета оттенков «*carut mortuum*», и неординарные композиционные решения, создающие особый визуальный стиль («пиксельный»), напоминающий «ретро».

Более подробный анализ игровых предметов, связанных с мифологией, будет представлен в специальной таблице далее. Это важно акцентировать, так как визуальное оформление и символика подчёркивают мифопоэтическую составляющую игры, делая её не только развлекательным продуктом, но и произведением искусства. Множество комнат, уровней, создают ощущение лабиринта – это добавляет игровому процессу сложность, и делает его более напряжённым. Мифологический пласт в виде «божественного присутствия» и преследующего героя антагониста (матери) усиливает эмоциональное напряжение и придает происходящему дополнительные смыслы.

При этом, не стоит забывать, что влияние мифопоэтических образов на сознание современного человека посредством искусства – это достаточно сложный вопрос, требующий всестороннего рассмотрения [25, с. 194]. Поэтому отсылки к архаичным культурным элементам могут вызывать неоднозначную реакцию у современных молодых игроков, уже не имеющих полной ясности относительно первоначального понимания образов и практик. Отсюда следует, что работа с мифологическими мотивами требует от автора, в нашем случае, разработчика игры чуткого отношения к аудитории и высокой степени культурной осведомленности.

2. Образ сакральной жертвы

Один из образов мифологического сознания – мифы, связанные с сакральной жертвой. Схожие мотивы можно найти в разных мифологиях, но сам акт жертвоприношения рассматривается как уни-

версалия, отраженная не только в мифологических, но и религиозных текстах. В рамках данного исследования приводятся две священные Книги – Библия и Коран, где дан ключевой для нашего исследования сюжет жертвоприношение Исаака (Исхака).

Как в Библии, так и в игре жертвоприношение ветхозаветного героя подтверждает его веру и преданность Богу. В Священной Книге жертва предотвращается Богом в последний момент, тогда как в игре судьба Исаака зависит от действий игрока. Оба источника рассказывают историю сложных отношений между родителем и ребенком, где родитель действует под влиянием потусторонней силы, заставляющей его принести сына в жертву. Сюжет «The Binding of Isaac» раскрывает психологическую травму, связанную с такой ситуацией. В отличие от библейского повествования, игра показывает мир глазами ребенка, страдающего от постоянного страха и чувства опасности.

Связь между библейским мифом и сюжетом игры заключается в центральной теме жертвоприношения, испытания веры через призму семейных отношений. Игра переосмысливает библейскую историю, добавляя элементы психологического ужаса, что делает ее глубоко эмоциональным и символическим произведением.

В Библии, Первой книге Моисея – Бытие (стихи 1–19), повествующей историю Авраама и Исаака, написано следующее (приведем цитату с сокращениями): «...**(2)** Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и поиди в землю Мориа и там принеси его во всеожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе. **(3)** Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего; наколот дров для всеожжения, и встав пошел на место, о котором сказал ему Бог. **(4)** На третий день Авраам возвёл очи свои, и увидел то место издалека. **(5)** И сказал Авраам отрокам своим: останьтесь вы здесь с ослом, а я и сын пойдём туда и поклонимся, и возвратимся к вам. **(6)** И взял Авраам дрова для всеожжения, и возложил на Исаака, сына своего; взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе. **(7)** И начал Исаак говорить Авраам, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всеожжения? **(8)** Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всеожжения, сын мой. И шли далее оба вместе. **(9)** И пришли на место, о котором сказал ему Бог; и устроил там Авраам жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров. **(10)** И простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего. **(11)** Но Ангел Господень воззвал к нему с неба и сказал: Авраам! Авраам! Он сказал: вот я. **(12)** Ангел сказал: не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня. **(13)** И возвёл Авраам очи свои и увидел: и вот, позади овен, запутавшийся в чаще рогами своими. Авраам пошёл, взял овна и принёс его во всеожжение вместо [Исаака], сына своего. **(14)** И нарёк Авраам имя месту тому: Иегова-ире. Посему и ныне говорится: на горе Иеговы усмотрится. **(15)** И вторично воззвал к Аврааму Ангел Господень с неба **(16)** и сказал: Мною клянусь, говорит Господь, что, так как ты сделал сие дело, и не пожалел сына твоего, единственного твоего, [для Меня,] **(17)** то Я благословляя благословлю тебя и умножу семя твоё, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твоё городами врагов своих...» [26, с. 312–313].

Эпизод жертвоприношения Исаака, описанный в книге Бытия, символизирует испытание веры и преданности Авраама Богу. Этот этап включает в себя сложные темы: готовность пожертвовать самым дорогим ради высшей цели; испытание человека высшими силами; а также мотивы страха и смирения. Авраам, готовый принести в жертву своего единственного сына, становится олицетворением абсолютной покорности, но в последний момент Исаака меняют на агнца, тем самым спасая юношу. Таким образом, Аврааму дают понять, что человеческая жизнь является ценностью, а истинное послушание требует не жестокости, а доверия.

В контексте игры данное библейское повествование интерпретируется через символику личной боли и страха перед высшей силой. Главный герой сталкивается с угрозой жертвоприношения со стороны своей матери, считающей это исполнением божьей воли. Повествование превращает библейскую историю в более суровый и трагичный сценарий, где Айзек вынужден бежать от опасности, погружаясь в темные и опасные подземелья.

Приведённый отрывок из Библии влияет на восприятие игры, добавляя в ее структуру элемент глубокой экзистенциальной борьбы. Игроку транслируется, что искреннее стремление к духовной жизни может быть ошибочным, если человек не умеет любить. Мать Айзека олицетворяет фанатизм, лишённый истинного понимания божественного замысла. Но, в отличие от Авраама, мать Исаака не получает «вразумляющего» вмешательства (а в одной из концовок и вовсе умирает от упавшей на её голову Библии), что делает игру трагическим переосмыслением сюжета библейского текста.

В Аль Кор'ане же сюжет приведен в стихах с 99 по 122 Суры 37: «(99) И он сказал: „Я к Богу моему иду, – Он, истинно, мне правый путь укажет. (100) Господь мой! Дай мне праведного (сына)!”. (101) И мы послали весть ему благую о добронравном, кротком сыне. (102) И вот, когда он возраста труда достиг, отец сказал: „Мой сын! Я видел сон, что жертвенным убоем тебя я (Богу) приношу. Ты посмотри, что мыслится тебе об этом”. И сын сказал: „О мой отец! Ты делай то, что велено тебе, и ты найдешь, что я – коли угодно Богу – найду в себе смирение и твёрдость”. (103) Когда же оба предались Господней Воле и сына на чело отец уже поверг, (104) воззвали Мы: „О Ибрахим! (105) Ты оправдал уже видение своё!”. (106) Сие, поистине, (Господне) испытанье, (107) и искупили (сына) Мы его великой жертвой. (108) И мы оставили над ним в народах, что пришли потом, (Благословение Господне): (109) „Да будет Ибрахиму мир!”. (110) Так мы вознаграждаем добротворцев, (111) ведь был он Нашим праведным слугой. (112) И Мы благую Весть ему послали об Исхаке, одном из праведных пророков. (113) И Мы послали и ему благословенье, и Исхаку, но в их потомстве иные – добродетельны, другие же – к самим себе несправедливы явно. (114) Потом же милостью Своею Мы Мусу и Харуна одарили, (115) и от великого несчастья спасли Мы и их народ, (116) и Мы им помогли всё превозмочь и победить. (117) Мы даровали Книгу им, что (Истину) им изъясняет ясно, (118) и вывели их на стезю прямую. (119) И Мы оставили над ними в народах, что пришло потом, (благословение Господне): (120) „мир Мусе и Харуну!”. (121) Так Мы вознаграждаем добротворцев, – (122) ведь оба праведными слугами Нам были» [27, с. 574–575]. Напомним, что Ибрахим соответствует библейскому Аврааму, Исхак – Исааку, Муса – Моисею, а Харун – это брат пророка Моисея, отождествляемый с библейским первосвященником Аароном [27].

Библейская и Кораническая версии истории о жертвоприношении Авраама (Ибрахима) и его сына Исаака (Исхака) имеют много общего, но также различаются по ключевым моментам. Вот основные отличия:

1. В Библии сын, которого Авраам должен принести в жертву, однозначно имеет имя Исаак. В Коране имя сына не упоминается прямо в контексте жертвоприношения, но далее (113 стих) встречается имя Исхак.

2. В Библии Бог прямо повелевает Аврааму принести в жертву своего сына Исаака для испытания веры. Авраам выполняет это повеление без обсуждений. В Коране Ибрахим видит во сне, что должен принести сына в жертву. После этого он обсуждает это с сыном, и тот соглашается выполнить Божью волю. Таким образом, здесь подчеркивается добровольное согласие сына на жертвоприношение.

3. В библейском тексте основной акцент сделан на испытании веры Авраама. После того как ангел Господень останавливает Авраама, Бог обещает благословить его потомков за проявленную веру. В Коране испытание воспринимается как исполнение видения, и оно завершено после того, как Ибрахим проявляет готовность следовать воле Бога. Акцент делается также на великой жертве, которая была принесена вместо сына, и благословениях, полученных Ибрахимом и его потомками.

Обе версии подчеркивают важность веры, послушания перед Богом, но различия касаются деталей, связанных с идентичностью сына, участия сына в принятии решения и фокуса на конкретных аспектах испытания. В библейской версии акцент делается на испытании Авраама, в то время как кораническая версия подчеркивает совместное следование воле Бога как отцом, так и сыном.

Сюжет игры «The Binding of Isaac» отличается от библейской и коранической версий истории жертвоприношения Авраама (Ибрахима) и его сына по нескольким важным аспектам, которые можно рассмотреть в контексте темы жертвы, отношений с божественным, а также психологической и философской глубины, добавленной в игру.

Во-первых, сюжет игры переворачивает концепцию жертвы. Мать Айзека, одержимая религиозными видениями, решает принести его в жертву, не как испытание ее веры, а как средство спасения своей души. Игра фокусируется не на акте веры, а на побеге малыша, вынужденного спастись от матери, проникнутой религиозным фанатизмом. Здесь жертва – это акт насилия, а не проверка веры.

Во-вторых, божественное представляется более зловещим и угрожающим. Религиозный фанатизм матери Айзека, основанный на ее понимании воли Бога, ведет ее к жестокости. Игра критикует и высмеивает такой фанатизм, представляя религию не как источник утешения, а как нечто, что может стать причиной страданий.

В-третьих, в игре Айзек – активный персонаж, борющийся за свою жизнь. Он не принимает пассивно судьбу, уготованную ему матерью, а пытается спастись. Его борьба с монстрами символизирует внутреннюю борьбу с его страхами и травмами, вызванными отношениями с матерью и спрогнозированными ее религиозными убеждениями.

В-четвёртых, в игре делается акцент на психологическом аспекте травмы и ужаса. Абстрактная *комната*, в которой находится Айзек, наполнена его страхами, демонами и фантазиями, что делает игру скорее исследованием психики ребенка, оказавшегося в жестоких условиях, чем духовной притчей. В одной из концовок игры мы узнаем, что демонстрируемые нам сцены представлены через рисунки, сделанные маленьким ребенком, запертым в шкафу (помимо этого, из рисунков мы также узнаем, что Айзек умер в сундуке). Такой подход к повествованию способствует созданию атмосферы неопределенности, двусмысленности, характерной для многих произведений искусства.

Игроки могут интерпретировать события игры по-разному, что делает ее более интересной, многосмысловой и запоминающейся. Подобный ход может вызвать у игроков ощущение сюжетной нестыковки, которая запутывает, мешает сформировать единое понимание сюжета, но это не так. Разработчики не стремятся ввести в заблуждение, а скорее наталкивают на размышления о мифопоэтической природе страха – демонстрируя, как ребенок может создавать свой собственный мир, чтобы справиться с жестокой реальностью.

В-пятых, визуальное оформление имеет мрачный, гротескный тон. В игре присутствуют темные стороны религиозных верований и обозначается их возможное негативное влияние на психику. Игра использует религиозные образы и символику, но делает это в ироничном и критическом ключе.

Концепция «The Binding of Isaac» берет основные элементы библейской истории о жертвоприношении (тема жертвы и отношения с божественным), но интерпретирует их через призму ужаса и психологической травмы. В отличие от священных текстов, где история служит для демонстрации веры и милосердия, игра фокусируется на разрушительных последствиях религиозного фанатизма.

3. Предметная символика

Для понимания сюжетной линии, из священных книг нам необходимо выделить следующие моменты: Божественный призыв (в Библии 2 стих, и 101 в Коране); нож в руках Авраама (10 стих Библии); ангельское вмешательство в процесс жертвоприношения (12 стих в Библии, и с 104 по 116 в Коране); дарование Писания (117 стих в Коране).

История игры разворачивается следующим образом: в начальной заставке мы видим мать и ее сына Айзека. Мать сидит на диване, смотрит христианские телепередачи и внезапно слышит голос Бога, сообщающий ей, что ее сын пропитан грехом, и нужно избавиться его от зла. Мать следует этому указанию и убирает всё «неправильное» из его жизни. Однако этого оказывается недостаточно, и снова до нее доходит голос сверху, указывающий на греховность Айзека. Мать изолирует сына в комнате, а затем слышит новый указ Бога – убить своего сына в знак веры. Под влиянием этого сообщения мать берет нож, и направляется к комнате сына, который, испугавшись, находит подвал под ковром и спешит туда, надеясь на спасение. Однако подвал полон «монстров» – врагов, потерянных братьев и сестер, домашних животных и, наконец, его собственной матери.

В «The Binding of Isaac» монстры выполняют ключевую символическую роль, представляя личные страхи, травмы и внутренние конфликты главного героя Исаака. Внешний вид монстров часто ассоциируется с неупорядоченностью, уродством и телесной деградацией, что символизирует изнанку человеческой психики и обостренное восприятие страха и боли. Эти «враги» могут быть интерпретированы как порождения психологических травм и внутренних конфликтов, где их причудливые и пугающие образы подчеркивают нарушение границ между внутренним и внешним, детским и взрослым, невинностью и тяготами взросления. Например, «враги», напоминающие детские игрушки, искажившиеся в жуткие фигуры, отсылают к процессу демонизации невинного, как если бы детские страхи материализовались.

Поведение монстров, их агрессивность или хаотичность также несет символическую нагрузку. Многие из них атакуют Айзека, как будто отказываются признать его невинность, подчеркивая концепт мира, враждебного к его существованию. В игре создает метафора: монстры олицетворяют испытания, с которыми сталкивается человек, проходя через боль и кризисы.

Мать Айзека является центральным антагонистом и символизирует деструктивный фанатизм, замаскированный под религиозное рвение. Ее образ выполняет несколько важных функций, отражая сложные психологические и культурные аспекты. Во-первых, она олицетворяет родительскую фигуру, чьи убеждения и действия нарушают личные границы ребенка, подчиняя его жизнь религиозной догме, ожиданию. Во-вторых, ее образ символизирует неспособность отделить истинную веру от крайнего фанатизма, что приводит к искаженному восприятию божественной воли.

По сюжету игры, мать Айзека воспринимает голос Божий как призыв к убийству собственного

сына, что может быть интерпретировано, как демонстрация слепого следования догмам. Её действия показывают, что, несмотря на искренность её намерений, она видит в религии источник порабощения, что разрушает саму суть духовности. В этом смысле мать Исаака не просто враг в физическом плане, а олицетворение давления, которое человек может испытывать со стороны социума и родительских ожиданий. В одной из концовок игры, как уже упоминалось, мать погибает от того, что на ее голову падает Библия. По всей видимости, намерения этого персонажа были настолько радикальны, что без божественного вмешательства было уже не обойтись.

В игре «The Binding of Isaac: Rebirth» можно выделить несколько ключевых особенностей, позволяющих отнести проект к категории игр с ярко выраженной мифопоэтической составляющей. К ним относятся пространственная организация мира – как и во многих других видеоиграх, уровни разделены на различные зоны. Однако зоны, или своеобразные «сталкеровские комнаты», не просто пронумерованы или обозначены разными цветами, они связаны с определенными мифами и архетипами, а сами уровни называются главами, что тоже уподобляет игру с литературному повествованию. Например, глава может называться «Подвал», «Погреб», «Катакомбы», «Некрополис», «Матка», «Преисподняя», «Собор» или «Пещера». Так, глава «Пещера» отсылает нас к древним мифологическим представлениям о подземном мире как месте, где обитают чудовища и мертвые души. Мир «The Binding of Isaac» имеет многослойную структуру символов, лишь при первом приближении напоминающую нам Библию.

Помимо вышеперечисленных особенностей, необходимо отметить и систему персонажей. В игре присутствуют разнообразные герои, каждый со своей уникальной внешностью, способностями, и «начальными предметами». Некоторые из этих персонажей имеют явных прототипов в мифологии. Например, Мать – главный антагонист игры, может быть интерпретирована как воплощение тёмных сил природы или хтонических божеств. Сам Исаак может рассматриваться как фигура героя или спасителя, который должен пройти через испытания и опасности, чтобы достичь просветления или спасения. Другие персонажи игры также могут быть связаны с мифологическими образами. Например, Красный дьявол, встречающийся на одном из уровней, напоминает демонов или злых духов. Красный цвет, ассоциирующийся с огнем, опасностью и агрессией, только усиливает страх. Этот же цвет характерен для одного из всадников апокалипсиса, всего их в игре четыре.

Также в игре присутствуют артефакты, связанные с христианской символикой, такие как кресты, распятия и священные Книги. Они могут давать игроку защиту от определенных врагов или усиливать его атаку; также там присутствуют предметы из иудейских и языческих мифов, например, каменные скрижали или магические амулеты. Эти предметы могут улучшать характеристики персонажа, предоставлять ему уникальные способности. Одним из наиболее интересных и сильных предметов является Библия, дарующая игроку возможность летать в пределах одной комнаты (перелетать через все препятствия) и убить босса (= гиперболизированный образ матери Айзека). Это отражает мифологическую концепцию о том, что некоторые люди обладают способностями, позволяющими им видеть скрытое и что Избранный (Айзек) способен изменить мир (сначала внутренний) благодаря истинному знанию.

Демонстрируя глубокое погружение в мифологию, используя символы и предметы для создания богатой и многослойной структуры образов, разработчики позволяют игрокам не только наслаждаться игровым процессом, но и погружаться в размышления о значении и происхождении этих символов. Анализ «предметов» игры раскрывает сложные взаимоотношения между игровым миром и мифологией, что делает «The Binding of Isaac» уникальным явлением в современной культуре видеоигр. Все аллюзии в одной научной статье разобрать не представляется возможным. Поэтому разберем предметную символику на фоне общей характеристики мифопоэтической символики данной игры (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Интерпретация предметной мифопоэтической символики игры «The Binding of Isaac: Rebirth» [6]

Предметы	Интерпретация
Священная символика	
<i>Крестообразные символы:</i> стигмата; свеча; Библия; реликвия; Книга Откровений; священное сердце; митра; мёртвая голубка; святая мантия; Божественное вмешательство; догма (артефакт); искупление; кровавая клятва; святая вода, скапулярий; держава.	Крест является одним из центральных символов христианства, представляя собой распятие Иисуса Христа. Что тоже напрямую связано с темой жертвоприношения.

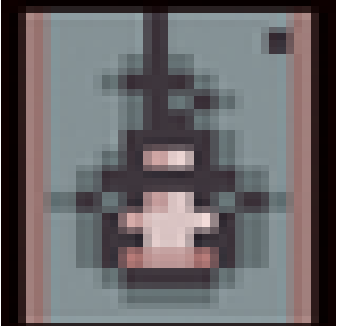

Предметы	Интерпретация
<i>Предметы, связанные с мифопоэтической структурой Библии:</i> мамин нож; белый пони; одеяние (монашеское облачение); жертвенный кинжал; разверзшиеся небеса; Святой Грааль; сок Иисуса; Прикосновение Смерти; Овен; 1 часть ножа; 2 часть ножа; книга добродетелей; божественный свет; кровь мученика; судьба; Абель; чётки; нимб.	В игре Библия может быть использована для немедленного поражения финального «босса» - мамы Айзека. Это подчеркивает силу веры и божественного вмешательства в борьбе со злом. Кроме того, использование Библии в игровом процессе может служить символом духовного освобождения и победы над тьмой. А, например, предмет «Святой Грааль» может давать игроку способность летать и восстанавливать здоровье, что символизирует духовное возвышение и чистоту. Грааль в христианской мифологии связан с идеями божественного присутствия и вечной жизни.
<i>Иконы и Ангелы:</i> Серафим; непорочное зачатие; ангел-хранитель; ангельские крылья; присягнувший защитник; молитвенная карточка.	Эти предметы часто дают игрокам способность летать или предлагают другие благословения. Ангелы в христианстве рассматриваются как посланники Бога и защитники верующих, что отражено в игровой механике.
Демоническая символика	
<i>Сатанизм:</i> дух ночи; жажда крови; странный гриб (тонкий); странный гриб (большой); малыш демон; мёртвая птичка; сера; трансцендентность; пони; пентаграмма; метка; кусок угля; повелитель ямы; мёртвый кот; Книга Белиала; Вавилонская блудница; Абаддон. Маленький Абаддон; Суккуб; Голова Крампуса; Маленькая Сера; Тёмный бездельник.	Эта символика играет важную роль в создании мрачной и тревожной атмосферы игры. Козлиная голова часто ассоциируется с Бафометом, символом сатанизма и демонических сил. В игре этот предмет позволяет игроку всегда получать доступ к сделке с дьяволом, что символизирует сделку с темными силами в обмен на власть и силу.
Контракты и договоры: договор; деньги=сила; потерянная страница 2; договор с преисподней; красная свеча; чёрная свеча; право первородства; свидетельство о смерти.	Предметы, представляющие собой прямую отсылку к фаустовской легенде о продаже души дьяволу. В игре, заключая контракт, игрок получает двойные награды, но с увеличенным риском, что отражает классический мотив получения выгоды ценой вечного проклятия. А предметы по типу свечей, например, красные – часто используются в ритуалах черной магии и оккультизме. В игре этот предмет выпускает пламя, наносящее урон врагам, символизируя огонь ада и разрушительную силу дьявола.
Вуду и жертвоприношение: стежок; Гелло; пятерня; чучело; Кесарево; жертвенный алтарь; предатель; пустой сосуд; церемониальная роба; лезвие бритвы; Камикадзе.	То, что относится к Вуду – куклы, использованные в магических ритуалах, ассоциируются с черной магией и демоническими силами. В игре этот предмет может проклинать врагов, усиливая их уязвимость. Гвозди, символизирующие мучения и страдания, отсылают к распятию. В игре предмет «Гвоздь» временно увеличивает силу игрока, но также трансформирует его внешний вид, напоминаящий о пытках и боли.

Библейские мотивы в данной игре реализуются через элементы, навеянные ветхозаветными сюжетами и событиями. Так, например, красным сердцем обозначаются жизненные силы персонажа. Визуальная схожесть красного сердца с известным образом из христианской традиции придает особый смысл этому предмету. Более того, сам процесс сбора сердец ассоциируется со сбором манны небесной, благодаря которой персонажи смогли выжить во время скитаний по пустыне – это сближает игровые элементы с библейской образной системой.

Образы демонов также широко представлены в игре и раскрываются через использование символов. Демоническая символика имеет большое значение в христианстве и отражает признаки противостояния добра и зла. Присутствуют даже карты Таро, «пропитанные» мифопоэтической символикой, добавляющие глубину игровому процессу. М. Вэлс о картах Таро писал: «Таро – это символизм. Никакие другие языки, кроме языка символов, картам неведомы» [28, с. 6]. И поскольку в них скрыты устойчивые мотивы, что присутствуют в мифах, сказках, легендах, священных текстах и даже

сновидениях, подобное нельзя обойти стороной. Каждая карта в игровом процессе обладает уникальным эффектом, и может существенно влиять на ход игры. Их значение, основанное на традиционном толковании карт Таро, вносит дополнительные слои интерпретации. Рассмотрим некоторые из них в таблице 2.

Таблица 2 – Примеры изображения карт Таро в игре «The Binding of Isaac: Rebirth»

	<p>Карта «Отшельник» (рис.1) олицетворяет одиночество, поиск истины и внутреннее созерцание. А. Э. Уэйт пишет: «...Это карта свершения, и в расширенной концепции вся фигура подобна маяку в неизведанном пространстве» [29, с. 148]. В игре эта карта телепортирует игрока в магазин, что можно интерпретировать как поиск ресурсов и внутреннего света</p>
	<p>Карта «XII The Hanged Man» (рис. 2) символизирует жертву, подвешенное состояние и новые перспективы. На картинке Айзек напоминает «Тау-крест», как на оригинальных картах. В книге К. Лаво и Н. Фроловой об этом сказано следующее: «Это часть анха, символа жизни. Он символизировал жизнь и плодородие. Его рисовали ветхозаветные евреи на дверях в первую ночь Пасхи, ища божественной защиты, когда готовились к исходу из Египта. То есть – символ защиты, но и распятия (некоторые считают, что крест, на котором был распят Христос, тоже был тау)» [29, с. 159–160]. В игре эта карта позволяет игроку временно летать, что можно трактовать, как возможность возвыситься над миром</p>
	<p>Карта «Смерть» (рис. 3) олицетворяет конец, трансформацию и новые начала. В игре эта карта наносит урон всем врагам в комнате, оставляя героя целым, символизируя очищение через разрушение</p>
	<p>Карта – «Дьявол» (рис. 4), она олицетворяет искушение, материальность и привязанности.</p>

По глубинной символике карт делается акцент на следующем: «Перевернутая пентаграмма во лбу означает зло как противоположность добру. Это символ черной магии. В игре эта карта увеличивает силу атаки на короткое время, символизируя мощь темных сил.

Таким образом, библейские мотивы и мифопоэтическая символика в игре выступают как клю-

чевые элементы, обогащающие ее интерпретационные возможности. Красное сердце, олицетворяющее жизненную силу, перекликается с христианскими образами и создает ассоциацию с библейским символом спасения. Присутствие карт Таро, таких как «Отшельник», «Повешенный», «Смерть» и «Дьявол», добавляет дополнительные слои смыслов, где каждый эффект карты в игровом процессе отражает ее традиционное толкование и подчеркивает архетипические мотивы. В результате, символика карт и их действия в игре формируют философское пространство для самовыражения, стимулируют личные интерпретации игроков и превращают игровой процесс в многоуровневое художественное переживание.

Результаты

Исследование символизма в игре «The Binding of Isaac: Rebirth» позволяет глубже понять ее сакральный смысл – игру можно рассматривать как многоуровневое исследование религиозных и психологических тем, в котором переплетаются мотивы самопожертвования, борьбы со злом и поиска личного искупления. Название и сюжет игры отсылают к библейской истории о жертвоприношении Айзека, что сразу задает тон повествования, обращаясь к теме веры и испытания.

Испытание и жертва. Подобно библейскому Исааку, главный герой, маленький мальчик Айзек, переживает испытания, которые заставляют его сталкиваться со страхом, грехом и символическими проявлениями зла. Игровые уровни становятся метафорой его борьбы с внутренними демонами, а процесс самопожертвования в поисках свободы и спасения акцентирует идею личного искупления.

Грех и покаяние. Сюжет погружает в атмосферу, насыщенную религиозными аллюзиями на христианскую и иудейскую традиции, включая символику Таро и демонических образов. Этот гротескный мир подчеркивает идею, что грех и вина – не только внешние концепты, но и внутренние тени, с которыми персонаж сталкивается. Побеждая монстров и обретая символические предметы, игрок словно проходит очищающий ритуал, представляющий путь к пониманию и освобождению.

Игра позволяет каждому участнику самому выбирать, как относиться к символам и сюжету, что формирует личную мифопоэтическую трактовку. Эта свобода делает игру открытой для множества смысловых интерпретаций, включая поиск божественного, понимание греха и самого себя.

В то же время, игра «The Binding of Isaac» касается темы детских травм и внутренних страхов, с которыми сталкивается персонаж. Это может быть интерпретировано как исследование психики человека, погружающегося в свои самые темные и подавленные части.

Таким образом, игра не только рассказывает историю, но и вовлекает участников в личный путь самопознания. А мифопоэтический подход позволяет увидеть влияние мифологии на сюжет и атмосферу игры, а также оценить мастерство создателей. Они не просто используют символику как художественный прием, но и встраивают ее в философию игры, давая игроку возможность наблюдать за взаимодействием божественного и демонического начал в игровой реальности. Такой уровень глубины символики заставляет задуматься о смысле страданий, которые переживает главный герой, о присутствии высших сил и их роли в его судьбе, возможно, даже о взаимосвязи законов игр и законов реального мира.

Сюжет игры основывается на библейской истории о жертвоприношении Исаака, что придает игре глубокий религиозный и мифологический подтекст. Протагонист Айзек, сталкивающийся с различными испытаниями и монстрами, представляет своего рода героя, проходящего через этапы очищения и искупления. Предметы, встречающиеся в игре, такие как кресты, Библия, стигматы, символизируют религиозные концепции и усиливают взаимодействие с игровым миром. Мифопоэтическое начало играет ключевую роль в создании глубины и многослойности «The Binding of Isaac». Наличие таких персонажей, как Магдалина, Каин, Иуда, Ева, Самсон, Азазель и Лазарь, имеет весомое значение для понимания ее символики.

Наши наблюдения над мифопоэтической символикой анализируемой инди-игр позволяют сделать определенные обобщения.

1. Структура нашего мыслительного процесса тесно связана с мифологическим мышлением, поэтому существует необходимость исследовать мифы и рассматривать мифопоэтический компонент даже в самом оригинальном его проявлении.

2. Мифопоэтическая символика данной игры связана с библейскими архетипами. Персонажи в игре не просто имеют библейские имена; они воплощают определенные архетипические роли и идеи, что углубляет смысловую нагрузку игры. Например, Каин символизирует предательство и грех, Иуда – предательство и искупление, Лазарь – воскрешение и надежду на вторую жизнь. Эти архетипы резонируют с мифологическими и религиозными традициями, создавая глубоко эмоциональные и философские подтексты.

3. Символическое представление человеческих качеств и судеб. Каждый из этих персонажей символизирует определенные аспекты человеческого существования, такие как грех, искупление, сила, страдания и надежда. Это позволяет игрокам не только погружаться в игровой процесс, но и размышлять о сложных философских и этических вопросах.

4. Создание многослойной нарративной структуры. Использование библейских имен и связанных с ними историй придает игре многослойность. Эти персонажи и их истории вплетены в общий нарратив, что усиливает интригу и создает возможности для многочисленных интерпретаций.

5. Игровой процесс и выборы игрока. Каждый из этих персонажей предлагает уникальные способности и игровые стили, что дает игрокам возможность пережить различные сценарии и исследовать разнообразные аспекты игры. Это многообразие позволяет глубже понять как мифопоэтическую структуру игры, так и ее религиозную символику.

Заключение

Игра «The Binding of Isaac: Rebirth» является не только развлекательным продуктом, но и мощным инструментом для изучения психологических, религиозных концепций. Используя элементы библейского и коранического мифа о жертвоприношении Исаака (Исхака), игра переосмысляет архетипические структуры через призму психологической травмы и религиозного фанатизма. Она трансформирует классический миф в исследование внутреннего мира, помогая игрокам столкнуться с вопросами веры, контроля и влияния родительских установок. Безусловно, история игры полна загадок, многое еще предстоит узнать, например, является ли видимое нами «юнгианским» осмыслением бытия ребенком. Герой игры обижен на мать, однако персонажем руководит любовь и надежда, иначе не было бы внутреннего конфликта. И если страдания заперли внутреннего ребенка (метафорически) в материнском сундуке (буквально), то благодаря остаткам теплых чувств и отваге, опустившись в самые «бездны Ада», Айзеку удастся победить не только комплексы, вызванные губительной любовью матери, но и выученную виктимность. Так вневременная история Исаака нашла новое художественное воплощение в современности.

Неоспоримо то, что художественный мир игры – аллегорическое отражение нашего мироустройства, со своими особенностями и законами.

Первое знакомство игрока с «The Binding of Isaac: Rebirth» создает у него впечатление, что игровой процесс идет от лица персонажа с именем Айзек, которого хочет убить собственная мать; игроку необходимо убивать монстров, получать награды, становиться сильнее, чтобы сразиться с главным «боссом» – матерью и победить ее. Победа в любой игре ожидаемо предполагает катарсис, но с психологической точки зрения смертельная борьба с собственной матерью – это крайне сложная ситуация, поэтому «детская» игра начинает приобретать иные краски, заставляет игрока задуматься.

В этом смысле нарратив игры следует структуре древнегреческой трагедии, которая была спроектирована так, чтобы люди могли очиститься от повседневных забот, выражая свои эмоции наружу. В игре во время прохождения лиминальной стадии главный герой символически оказывается внутри лабиринта из комнат, что представляет собой нуминозное пространство или царство мертвых. Его страдания и мучения выступают необходимым этапом трансформации. Пытка, как таковая, является выражением ритуальной смерти, связанной с инициацией. Для истинного духовного перерождения герой должен оказаться в «тайной пещере», то есть утробе матери, и преодолеть свою внутреннюю тень. Подвал, шкаф, сундук, утроба матери, Рай или Ад – это комнаты лабиринта, которые постоянно меняются, их выбор зачастую делает именно игрок, поэтому они и представляют собой нуминозное пространство, в котором происходит инициация героя.

Проведя исследование мифопоэтической символики и детально рассмотрев смыслы игры посредством филологического анализа, мы пришли к заключению, что данный продукт для сферы компьютерных игр можно считать своеобразным интерактивным «пособием», ненавязчиво в игровыми формами оказывающим психологическое воздействие на сознание игрока за счет задействованных мифологических и религиозных сюжетов, образов, архетипов.

Список источников

1. Бедрикова М. Л. Категория жанра в свете новых исследований в литературоведении: жанровая гибридность (к. Саймак «Город») // Libri Magistri. 2024. № 2(28). С. 20–34. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_67918549_75460336.pdf (дата обращения: 13.09.2024).
2. Маргулец В. Основы создания успешных инди-игр от идеи до публикации. Советы начинающим разработчикам. Москва: Бомбора, 2023. 224 с.
3. Разработчик в Steam. Nicalis. [Электронный ресурс]. URL: <https://store.steampowered.com/developer/Nicalis> (дата обращения: 13.09.2024).
4. Гаврилов В. В. Аллюзивный характер компьютерных игр (на примере игры «The Binding of Isaac») // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. статей V Междунар. науч. конф. молодых ученых (12 февраля 2016 г.). Екатеринбург : Уральский федеральный университет, 2016. с. 112-115.
5. The Binding of Isaac: Rebirth. Обсуждения [Электронный ресурс]. URL: <https://steamcommunity.com/app/250900/discussions/?l=russian> (дата обращения: 13.09.2024).
6. The Binding of Isaac Вики. The Binding of Isaac: Rebirth [Электронный ресурс]. Fandom. URL: https://bindingofisaac.fandom.com/ru/wiki/The_Binding_of_Isaac:_Rebirth (дата обращения: 13.09.2024).
7. The Binding of Isaac [Электронный ресурс]. URL: https://store.steampowered.com/app/113200/The_Binding_of_Isaac (дата обращения: 13.09.2024).
8. The Binding of Isaac: Wrath of the Lamb [Электронный ресурс]. URL: https://store.steampowered.com/app/113204/Binding_of_Isaac_Wrath_of_the_Lamb (дата обращения: 13.09.2024).
9. The Binding of Isaac: Rebirth [Электронный ресурс]. URL: https://store.steampowered.com/app/250900/The_Binding_of_Isaac_Rebirth (дата обращения: 13.09.2024).
10. The Binding of Isaac: Afterbirth [Электронный ресурс]. URL: https://store.steampowered.com/app/401920/The_Binding_of_Isaac_Afterbirth (дата обращения: 13.09.2024).
11. The Binding of Isaac: Afterbirth+ [Электронный ресурс]. URL: https://store.steampowered.com/app/570660/The_Binding_of_Isaac_Afterbirth (дата обращения: 13.09.2024).
12. The Binding of Isaac: Repentance [Электронный ресурс]. URL: https://store.steampowered.com/app/1426300/The_Binding_of_Isaac_Repentance (дата обращения: 13.09.2024).
13. The Binding of Isaac: Rebirth. Мастерская [Электронный ресурс]. URL: <https://steamcommunity.com/app/250900/workshop> (дата обращения: 13.09.2024).
14. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 404 с. URL: https://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Veselovskij_A._N._Istoricheskaya_poetika._1989.pdf (дата обращения: 13.09.2024).
15. Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 622 с.
16. Лосев А. Ф. Философия, мифология, культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.
17. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. с. 129–132.
18. Аверинцев С. С. К истолкованию мифа символики мифа об Эдипе // Античность и современность. М.: Наука, 1972. с. 90–103.
19. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1994. 136 с.
20. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс, 1995. 624 с.
21. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2000. 222 с.
22. Постникова Е. Г. Архетипическое начало женских образов в видеопозэзии // Libri Magistri. 2024. № 1(27). С. 78–91. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_63301425_38201577.pdf (дата обращения: 13.09.2024).
23. Осипова Н. О. Мифопоэтический анализ поэзии Серебряного века // Наука о литературе в XX веке: (История, методология, литературный процесс). 2001. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoeticheskij-analiz-poezii-serebryanogo-veka> (дата обращения: 13.09.2024).
24. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестров; коммент., указ. Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
25. Агаронян К. Р. Традиции осмысления истории о жертвоприношении Исаака: от живописи XVII столетия до музыки XX века // Музыка – Философия – Культура: сб. статей участников цикла конференций (2013–2017), Москва, 15 апреля 2013 года – 05 2017 года / ред.-сост.: К. В. Зенкин, О. В. Марченко, Е. В. Ровенко. М.: Научно-изд. центр «Московская консерватория», 2020. с. 194–209.
26. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета с иллюстрациями Гюстава Доре. Москва: Издательство АСТ, 2022. 1200 с.
27. Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. 11-е изд., доп. М.: РИПОЛ классик, 2007. 1072 с.
28. Вэлс М. Таро Уэйта. Глубинная символика карт. Самое подробное описание. М.: Издательство АСТ, 2022. 192 с.

29. Лаво К., Фролова Н. Таро: полное руководство по чтению карт и предсказательной практике. Москва: Эксмо, 2022. 608 с.

References

1. Bedrikova M. L. Kategoriya zhanra v svete novyx issledovaniy v literaturovedenii: zhanrovaya gibridnost' (k. Sajmak «Gorod»), Libri Magistri, 2024, no. 2(28), URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_67918549_75460336.pdf (accessed 13 September 2024). (In Russ.).
2. Margulecz V. Osnovy sozdaniya uspešnyx indi-igr ot idei do publikaczii. Sovety nachinayushhim razrabotchikam, Moscow, Bombora, 2023, 224 p.
3. Razrabotchik v Steam. Nicalis. [Èlektronnyj resurs], URL: <https://store.steampowered.com/developer/Nicalis> (accessed 13 September 2024).
4. Gavrilov V. V. Allyuzivnyj karakter komp'yuternyx igr (na primere igry «The Binding of Isaac»), Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka : sb. statej V Mezhdunar. nauch. konf. molodyx uchenyx (12 fevralya 2016 g.), Ekaterinburg, Ural'skij federal'nyj universitet, 2016, pp. 112–115.
5. The Binding of Isaac: Rebirth. Obsuzhdeniya [Èlektronnyj resurs], URL: <https://steamcommunity.com/app/250900/discussions/?l=russian> (accessed 13 September 2024).
6. The Binding of Isaac Viki. The Binding of Isaac: Rebirth [Èlektronnyj resurs], Fandom, URL: https://bindingofisaac.fandom.com/ru/wiki/The_Binding_of_Isaac:_Rebirth (accessed 13 September 2024).
7. The Binding of Isaac [Èlektronnyj resurs], URL: https://store.steampowered.com/app/113200/The_Binding_of_Isaac (accessed 13 September 2024).
8. The Binding of Isaac: Wrath of the Lamb [Èlektronnyj resurs], URL: https://store.steampowered.com/app/113204/Binding_of_Isaac_Wrath_of_the_Lamb (accessed 13 September 2024).
9. The Binding of Isaac: Rebirth [Èlektronnyj resurs], URL: https://store.steampowered.com/app/250900/The_Binding_of_Isaac_Rebirth (accessed 13 September 2024).
10. The Binding of Isaac: Afterbirth [Èlektronnyj resurs], URL: https://store.steampowered.com/app/401920/The_Binding_of_Isaac_Afterbirth (accessed 13 September 2024).
11. The Binding of Isaac: Afterbirth+ [Èlektronnyj resurs], URL: https://store.steampowered.com/app/570660/The_Binding_of_Isaac_Afterbirth (accessed 13 September 2024).
12. The Binding of Isaac: Repentance [Èlektronnyj resurs], URL: https://store.steampowered.com/app/1426300/The_Binding_of_Isaac_Repentance (accessed 13 September 2024).
13. The Binding of Isaac: Rebirth. Masterskaya [Èlektronnyj resurs], URL: <https://steamcommunity.com/app/250900/workshop> (accessed 13 September 2024).
14. Veselovskij A. N. Istoricheskaya poëtika. Moskva: Vysshaya shkola, 1989. URL: https://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Veselovskij_A._N._Istoricheskaya_poetika._1989.pdf (accessed 13 September 2024).
15. Potebnya A. A. Slovo i mif, Moscow, Pravda, 1989, 622 p.
16. Losev A. F. Filosofiya, mifologiya, kul'tura, Moscow, Politizdat, 1991, 525 p.
17. Lotman Yu. M. Semiotika kul'tury i ponyatie teksta, Lotman Yu.M. Izbrannye stat'i, T. 1, Tallinn, 1992, pp. 129–132.
18. Averincev S. S. K istolkovaniyu mifa simboliki mifa ob Èdipe, Antichnost' i sovremennost', Moscow, Nauka, 1972, pp. 90–103.
19. Meletinskij E. M. O literaturnyx arxetipax, Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 1994, 136 p.
20. Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoëticheskogo, Moscow, Progress, 1995, 624 p.
21. Èliade M. Aspekty mifa, Moscow, Akademicheskij proekt, 2000, 222 p.
22. Postnikova E. G. Arxetipicheskoe nachalo zhenskix obrazov v videopoëzii, Libri Magistri, 2024, no. 1(27), URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_63301425_38201577.pdf (accessed 13 September 2024). (In Russ.).
23. Osipova N. O. Mifopoëticheskij analiz poëzii Serebryanogo veka, Nauka o literature v XX veke: (Istoriya, metodologiya, literaturnyj proczess). 2001. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoeticheskij-analiz-poezii-serebryanogo-veka> (accessed 13 September 2024). (In Russ.).
24. Xëjzinga J. Homo ludens. Chelovek igrayushhij / sost., predisl. i per. s niderl. D. V. Sil'vestrov; komment., ukaz. D. È. Xaritonovicha, Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbaxa, 2011, 416 p.
25. Agaronyan K. R. Tradiczii osmysleniya istorii o zhertvoprinoshenii Isaaka: ot zhivopisi XVII stoletiya do muzyki XX veka, Muzyka – Filosofiya – Kul'tura: sbornik statej uchastnikov czikla konferenczij (2013–2017), Moscow, 15 aprelya 2013 goda – 05 2017 goda / red.-sost.: K. V. Zenkin, O. V. Marchenko, E. V. Rovenko, Moscow, Nauchno-izdatel'skij cenzr «Moskovskaya konservatoriya», 2020, pp. 194–209.
26. Bibliya. Knigi Svyashhennogo Pisaniya Vexogo i Novogo Zaveta s illyustracijami Gyustava Dore. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2022, 1200 p.
27. Koran. Perevod smyslov i kommentarii Iman Valerii Poroxovoj, 11-e izd., dop., Moscow, RIPOL klassik, 2007, 1072 p.
28. Vëls M. Taro Uëjta. Glubinnaya simbolika kart. Samoe podrobnoe opisanie, Moscow, Izdatel'stvo AST,

2022, 192 p.

29. Lavo K., Frolova N. Taro: polnoe rukovodstvo po chteniyu kart i predskazatel'noj praktike, Moscow, Èksmo, 2022, 608 p.

Информация об авторах

Хабиров К. А. – магистр филологии, ассистент кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Khabirov K. A. – Master's degree in philology, Assistant at the Department of Linguistics and Literary studies, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU).

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.09.2024; одобрена после рецензирования 15.11.2024;
принята к публикации 17.11.2024.*

*The article was submitted 10.09.2024; approved after reviewing 15.11.2024;
accepted for publication 17.11.2024.*

Гуманитарно-педагогические исследования. 2024. Т. 8. № 4. С. 69–76.
Humanitarian and pedagogical Research, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 69–76.

Научная статья
УДК 3821.512.1417.018
DOI:10.18503/2658-3186-2024-8-4-69-76

«Педагогические стандарты» поэзии Мустая Карима

Андрей Николаевич Безруков

Уфимский университет науки и технологий, Бирский филиал, Бирск, Россия, in_text@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7505-3711>

Аннотация. Поэзия Мустая Карима представляет собой достаточно интересное наследие в плане конкретизации «педагогических стандартов» в культуре башкирского народа. Стоит заметить, что литература всегда тяготела к тому, чтобы обозначить приоритеты нравственного порядка, определить необходимые моральные и нравственные ценности. Не исключается это и в формате национальной словесности. В статье на примере поэзии М. Карима осуществлена попытка определить обязательный набор важных составляющих воспитания в литературном произведении, влияющих на становление личности читателя. Актуальность рассмотрения заявленной темы обусловлено значимостью поэзии М. Карима для отечественной литературы и педагогической мысли, поскольку он был не только поэтом, но и видным общественным деятелем XX века. Мудрость, которая нашла воплощение в его текстах, есть достояние народа: поэт всегда был сторонником поиска истины, творцом не только созерцательного порядка, но и действенного. Делается вывод о том, что поэзия М. Карима наполнена глубокими смыслами. Автор выделяет педагогические смыслы и предлагает свою систематизацию, что определяет новизну и практическую значимость настоящего исследования. Основные методы, которые применяются автором статьи в ходе анализа произведений М. Карима, – культурно-исторический, системный, проблемно-семантический. В статье определен ряд «педагогических стандартов», воспитательных, нравственных констант культуры, которые становятся для поэта главными ценностными ориентирами, влияющими на становление и взросление человека. Такие гуманистические категории, как «семья», «дом», «красота», «ответственность», «доброта», «вера», «истина», рассматриваются в текстах М. Карима ситуативно, полномерно и целостно. Художественно-педагогический опыт поэта отражен в его лирике и становится примером правильного воспитания молодого поколения, нужным для современных читателей ракурсом объективной оценки жизни.

Ключевые слова: Мустай Карим, лирика, педагогика, мораль, нравственность, автор, читатель

Для цитирования: Безруков А. Н. «Педагогические стандарты» поэзии Мустая Карима // Гуманитарно-педагогические исследования. 2024. Т. 8. № 4. С. 69–76, doi:10.18503/2658-3186-2024-8-4-69-76.

Original article

“Pedagogical standards” of poetry by Mustai Karim

Andrey N. Bezrukov

Ufa University of Science and Technology, Branch of Birsk, Birsk, Russia, in_text@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7505-3711>

Abstract. The poetry of Mustai Karim represents rather interesting legacy in terms of concretization of "pedagogical standards" in the culture of the Bashkir people. It is worth noting that literature has always tended to identify the priorities of the moral order, to determine the necessary moral and moral values. This is not excluded in the format of national literature. In the article, using the example of M. Karim's poetry, an attempt to determine the mandatory set of essential components of education in a literary work that affects reader's personality development is made. The relevance of the consideration of the stated issue is due to the significance of M. Karim's poetry for Russian literature and pedagogical thought, since he was not only a poet, but also a prominent public figure of the twentieth century. The wisdom embodied in his texts is the heritage of the people: the poet has always been a supporter of the search for truth, the creator of not only a contemplative order, but also an effective one. It is concluded that M. Karim's poetry is filled with deep meanings. The author identifies pedagogical meanings and offers his systematization, which determines the novelty and practical significance of this research. The main methods used by the author of the article in the course of analyzing the works of M. Karim are cultural-historical, systemic, problem-semantic. The article defines a number of "pedagogical standards", educational, moral constants of culture, which become the main value orientations for the poet, influencing the formation and maturation of a person. Such humanistic categories as "family", "home", "beauty", "responsibility", "kindness", "faith", "truth" is considered in M. Karim's texts situationally, fully and holistically. The poet's artistic and pedagogical experience is reflected in his lyrics and becomes an example of the proper upbringing of

© Безруков А. Н., 2024.

the younger generation, a necessary perspective for modern readers to objective assessment of life.

Keywords: Mustai Karim, lyrics, pedagogy, morality, ethics, author, reader

For citation: Bezrukov A. N. Pedagogical standards of poetry by Mustai Karim, *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya = Humanitarian and pedagogical Research*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 69–76. (In Russ.), doi:10.18503/2658-3186-2024-8-4-69-76.

Введение

Имя Мустая Карима (1919–2005) для отечественной литературы, общественной жизни, культуры значимо, весомо, авторитетно. В 2024 г. отмечается 105 лет со дня рождения этого поэта, писателя, драматурга и общественного деятеля. Наследие М. Карима достаточно объемно, при этом часть текстов имеется как на родном – башкирском языке, так и в переводах. И это не случайно, так как сам автор создавал некоторые свои тексты (публицистика, очерки, статьи) на двух языках. Сложно конкретизировать географию распространения его произведений, так как тексты Мустая Карима интернациональны. В них много общего с мировой классикой, много общечеловеческого, мудрого и педагогического [1].

Мустай Карим искренне любил людей, понимал их трудности, внушал читателям веру в улучшение и преобразование жизни, дарил надежду на успешное разрешение сложных жизненных ситуаций, писал о необходимости накопления нравственного богатства. Его стихи, а он более известен как поэт, тематически многообразны: природа, Родина, человек, война, мир, жизнь во всех ее проявлениях, творчество, друзья, любимые. Пожалуй, тот опыт, который получил Мустай Карим, будет ценен и его читателям на долгие годы. Его произведения наполнены добротой, искренностью и гражданственностью. Поэт говорит и о педагогических вопросах, и о морально-нравственном пути человека, и о том, как следует поступать людям в той или иной ситуации [2].

В рамках данной статьи речь пойдет об аксиологическом мире поэта, о том, над чем предстоит задуматься читателю стихов Мустая Карима, какой жизненный выбор сделать, что вообще является для человека ценным, что стоит беречь, чем гордиться; наконец, о том, каким должен стать человек, повзрослев, и, наконец, какие «педагогические стандарты» воспитания и самовоспитания заложены в стихах М. Карима.

В начале работы целесообразно обозначить основной тезис: для Мустая Карима поэзия – это серьезная и конструктивная работа, в ходе которой автор совершенствует формы передачи мыслей, происходит «огранка» содержания. Он всегда был верен творчеству, никогда не исключал важности литературы, да и искусства в целом, бережно и внимательно относился к наследию XIX века, мировой классике. Он понимал, что богатство человеческой души, ее цельность, непоколебимость характера? связаны с эстетическими формами, без них невозможно воспитывать личность.

Материалы и методы

Известно, что Мустай Карим был и поэтом, и прозаиком, и драматургом, то есть его наследие представлено текстами разных жанров, более того, как общественный деятель, он писал статьи и очерки, однако материалом для данной статьи стала лирика башкирского поэта, написанная в разные годы.

Основные методы, которые применяются в ходе анализа стихотворений Мустая Карима – культурно-исторический, системный, проблемно-семантический. На наш взгляд, поэзия М. Карима наполнена большими смыслами, их систематизация стала одной из задач исследования. В выборе текстов был взят ориентир на те произведения, которые наглядно демонстрируют, что литература может стать своеобразной площадкой для педагогического наставничества. Этим продиктован отбор иллюстративного материала в статье.

Именно проблемно-семантический подход к анализу литературного творчества позволяет выявить нравственные смыслы и образы, значимые для наследия Мустая Карима, движущие литературный процесс прошлого и настоящего. Говоря о важных нравственных категориях, поэт открывает читателю истину, настраивает его на серьезный и конструктивный диалог.

Культурно-исторический метод анализа литературного творчества М. Карима поможет не только обнаружить запечатленный в стихах дух народа в разные периоды его исторической жизни, но и представить произведения М. Карима как документы эпохи, где воплотились педагогические стандарты Мустая Карима, его народа и его времени.

Обсуждение

Мустай Карим начинает писать с середины 1930-х годов. Первая самостоятельная книга его стихов была опубликована в 1938 году, вторая появляется тремя годами позже. Можно констатировать, что практически с первых шагов в литературе Мустай Карим нашел своего читателя, сформировал свой индивидуальный неповторимый стиль, главное – начал открыто говорить с современниками в своей поэзии.

*Товарищи, я ухожу на фронт
За ту весну, что навсегда настанет,
За светлый сад, которым край наш станет,
За маленького сына моего
И Родины любимой торжество [3, с. 27].*

Для поэта в сложной ситуации приоритетными становятся такие ориентиры как «родной край», «родной дом», «семья», «Родина», «страна», «Отчизна». Автор понимает, что без этих слов не мыслима жизнь [4], нужно сделать все, чтобы защитить Отечество, спасти свой родной дом. Актуальность текстов Мустая Карима заключается в явно экстравертивном разговоре со слушателем, причем это диалог, а не монологическое высказывание демиурга, создателя, поэта. Ответная реакция на тексты безусловна, автора понимают правильно, понимают всем сердцем.

Немаловажно, что в поэзии Мустая Карима отсутствует прямая назидательность, буквальный воспитательный пафос. Поэт делится мудростью непринужденно и точно, просто размышляя о общечеловеческом, социальном, бытийном, онтологически важном. Примером может быть стихотворение «Русская девочка», которое написано в тяжелом 1942 году. Сюжет этого текста трагичен: после наступления вражеских войск, страшной атаки живой в селе остается только маленькая девочка. Она испугана, она не верит, что выживет, что ее спасут, но автор вселяет надежду в читателя, что все будет хорошо [5]. Итоговые строчки звучат сильно, убедительно, при этом понятие Родины в финале имеет еще и расширительный характер:

*Та девочка была душой России,
Живым цветком, что был сильнее мук.
Москва, Урал и дали все родные
Улыбкой этой озарились вдруг [3, с. 31].*

Россия для Мустая Карима родной видится именно в целостности, нераздельности. А что может быть важнее этой мысли! Говоря о поэте, мы всегда говорим о его любви, об особом отношении к миру, людям, событиям. Поэт старается воссоздать образ на первый взгляд простой, но очень сильный. Определенный вывод педагогического характера проводится в этом тексте: маленькая девочка – это ориентир на новые, будущие победы и свершения.

Отметим, что Мустай Карим говорил о родном крае в расширительном смысле. Тема родной земли для него константа творчества, в определенном смысле «стандарт», то, о чем нужно писать не для того, чтобы восхвалять, но учиться сохранять и преумножать ее богатства:

*Зачем мне небо в метеорах
И звезды северных ночей?
Я на земле, где дым и порох,
Нашел родник живых лучей.*

*Я узнаю России милой
Звезду мою,
Судьбу мою,
Я наливаюсь новой силой.
Я оживаю,
Я пою [3, с. 33–34].*

Говоря о невероятно сложных и трагических событиях 1941–1945 года, поэт создает лириче-

ский сюжет, который наполнен верой в победу [7]. Его голос крепок, силен, звучен. Схожие интонации передавали Константин Симонов, Александр Твардовский, Семён Гузденко, Сергей Орлов, Юлия Друнина. Они умели убедить читателей в том, что народ сможет преодолеть любые трудности, сможет вернуть мир. Это актуально всегда и ценно в масштабах национальной истории. Но вера в победу, по М. Кариму, должна опираться на память поколений. Это еще один его «педагогический стандарт». Сопоставление разных временных рубежей, разных исторических событий присутствует у Мустая Карима как знак.

В его лирике сильна преемственность творческих и нравственных позиций, умение поэта обобщить и видеть глубину проблемы, масштаб темы. Часто в ходе выступлений на телевидении, публикаций в СМИ он говорил, что взросление писателя возможно только в тесной связи с классикой, с тем наследием, которое проверено временем. Немыслимо выстроить новый художественный мир без обращений к В. Жуковскому, А. Пушкину, М. Лермонтову, А. Фету, Ф. Тютчеву, А. Блоку, С. Есенину, В. Маяковскому, А. Ахматовой, М. Цветаевой.

Ценность любви, стремление сохранить это чувства также связывают тексты Мустая Карима с классическими произведениями XIX и начала XX веков. Идеализация любви в данном случае и есть преемственность, например, прием символического обозначения темы:

*Не печалься, верь красивой птице:
Птица зря в окошко не стучится,
Это значит – скоро будут вести,
Скоро мы с тобою будем вместе [3, с. 37].*

Бескрайность чувств и широта полета мысли лирического героя часто присутствует в стихах поэта. Для Карима главное не только запечатлеть какой-либо социальный, бытовой или исторический момент, но с помощью художественного обобщения выявить типичное.

Мир поэта наполнен добротой, светом, мудростью, правдой. Моральная ответственность за то, «как слово наше отзовется», всегда координирует движение авторской мысли, заставляет выбирать способ воздействия на читательское сознание, и поэтому стихи М. Карима превращаются в очень личный и откровенный разговор с читателем:

*Когда бы сердце впрямь окаменело
Среди боев без края и числа,
Моя любовь, которой нет предела,
Цветами бы на камне расцвела [3, с. 58].*

Мустай Карим – поэт большой человеческой души, в произведениях которого органично раскрываются разные грани нравственных ценностей людей [8]. Он выступает как наставник, своей поэзией воспитывающий современников, заставляющий думать и глубоко чувствовать свой дом, семью, Родину, родной край, своих близких, любимых и друзей. Главное, поэт подводит к мысли о том, что это все не может существовать без искренней любви и взаимности. Он учит нас понимать естественность жизни, требует сохранять историю и культуру народа. Может показаться, что в формуле жизни по Мустаю Кариму немного составляющих – дом, семья, любовь, Родина, человек, небо, но именно они и есть пределы, где каждый может обрести настоящее счастье.

По-своему Мустай Карим развил талант в мастерстве изображения жизненной правды. Дружба для него стала особым состоянием, а потребность в ней естественной. Без твердого плеча порой сложно решить жизненную задачу, достичь какой-то желанной цели. Стихотворений, посвященных друзьям, у Мустая Карима достаточно много: это и обращения к братьям по перу башкирскому писателю Назару Наджи и дагестанскому поэту Расулу Гамзатову, общественному деятелю Дагестана Шахрутдину Шахмалову и др. Говоря о друге, поэт обозначает полноту и преданность дружеских отношений. Здесь нет места лжи, обману, нет нужды в нарочитой похвале или заискиваниям; но есть страстное желание многое обсудить, выйти к общим нравственным опорам в жизни и творчестве [9]:

*Друг мой, как же ненасытен ты!..
Если труд – то до седьмого пота,
Если спор – то спор до хрипоты,
Если тир – с заката до восхода [3, с. 128].*

Поэзия Мустая Карима поучительна в том плане, что, представляя свое осмысление жизни, он делится универсальной оценочной парадигмой, своим жизненным опытом в поиске нравственных ориентиров, поэтому его искренность и мудрость можно принять за мудрый совет. Нравнодушные и вечный поиск истины – вот то, что актуально и ценно для любого поэта:

*...Я тревожусь, хоть и все в порядке,
Нет запретов – сам преграды строю.
Всем слезам я верю без оглядки,
В клятвах сомневаюсь я порою.*

*Солнцу я кричу: «Ровесник, встань же!»
Дерзко?.. От себя куда я денусь!
Просто я доверчив, как и раньше,
Медленно седеющий младенец [3, с. 207].*

Творческое наследие Мустая Карима не стоит рассматривать в рамках только региональной культуры, его произведения значимы для отечественной литературы в целом. Какой-то, казалось бы, частный случай способен раскрыть в стихотворных строчках взгляд поэта на мир, человека и действительность, в которой он живет [10]. М. Карим не старается найти только положительные моменты в жизни или выявить только что-то исключительное, но и о чем-то сиюминутном писатель не говорит: цель его стихов – рассмотреть жизнь и разобраться в вечном, найти правду, постичь сложное и обсудить все это с современниками, молодым поколением в первую очередь.

Поэтический язык Мустая Карима необычайно гибок: даже при переводе удается подобрать тот универсальный языковой конструкт, который бы максимально точно доносил до читателя, говорящего на другом языке, смысл сказанного. Известными переводчиками стихотворений М. Карима были советские поэты: М. Дудин, Е. Николаевская, И. Снегова, М. Максимов, В. Тушнова. Им удалось передать красоту и глубину мысли каримовских текстов, целевые установки автора, нравственные опоры его творчества.

Невероятно сильна у Мустая Карима педагогическая канва его лирики. Он, как грамотный учитель, определяет для своих читателей круг наиболее сложных проблем. Учит не сдаваться, с достоинством принимать все повороты судьбы, возможно, поэтому мир остается для поэта и его читателей ярким, свободным, неповторимым, а главное, ценным:

*Была моя жизнь непрерывной игрой,
Был жребий и странен и шал:
То нечет, то чет, то отлив, то прибой,
Успех набегал на провал [3, с. 201].*

Мустай Карим как наставник, ведет читателей по жизни, стремясь обратить их внимание на то, что действительно важно в жизни. Он, накопивший опыт, щедро делится с читателем, объясняет, доказывает жизнь, как теорему. Он, как настоящий художник-учитель, не только создает образ, он формирует отношение к нему, поэтому для Карима переживания, чувство ответственности, особый эмоциональный накал – все это становится способом претворения художественной правды.

Глубина проникновения поэтических строк Мустая Карима в сознание читателя заключается не в прямолинейной декларации правил жизни, а только в абрисе самых важных истин, в сведении мысли к комплексу нужных ассоциаций, которые должны подвести читателя к самостоятельным выводам. Работа со словом, художественным оборотом речи не монологична, читателю следует учесть множественность прочтений, заложенную поэтом нетривиальность понимания его текстов. Отметим, что читатель, и автор проживают схожие мыслительные процессы, схожие эмоции, но при этом каждый читатель может прийти к своим собственным выводам, которые важны на данном этапе жизни. И это хорошо, этим ценна настоящая поэзия.

Педагогическая задача решается М. Каримом непринужденно, несмотря на то что она явно доминирует в его лирике. Поэт чаще сконцентрирован на изображении сюжетных хитросплетений, описании поступков людей. В фокус зрения попадают те сюжеты и поступки, которые важны для формирования личности, становления характера человека [11]. Можно констатировать, что М. Карим на протяжении своей жизни складывал в копилку своих наблюдений наиболее яркие моменты актив-

ности человеческой души, отмечал динамику обновления общества и щедро делился этим со своим читателем. Неслучайно этапы его собственной судьбы были разными, порой очень противоречивыми и неоднозначными, но человечность являлась для Мустая Карима флагманом и его поэтического наставничества [12], и его жизни. Лирический герой, безусловно, близкий самому автору, самоотверженно готов защищать Родину и свой дом. Отметим, что и этот факт сопоставим с «педагогическим стандартом»:

*Громы прокатились по округе
В проблесках стихийного огня.
Ты не бойся! Вспоминай о друге,
Расскажи всем близким про меня [3, с. 28].*

Тема войны в его поэзии, безусловно, значима, причем это не только описание личного опыта, но еще и переживания военного и послевоенного поколений, мысли о том, что и вырабатывает социальный, общественный дух. Убедительно и просто поэт говорит о тернистом пути своего Отечества. Понимание всей сложности событий говорит о многом. Героями стали ребята, которые приняли удар на себя, которые не усомнились в правильности выбора. У Мустая Карима война изображена как сложное жизненное испытание, а в ситуации войны человек взрослеет гораздо быстрее. Кровь, смерть, страдания не описаны поэтом буквально, но автор создает своеобразный «стандарт» памяти, поддерживает культурную константу своего народа – факты истории забывать нельзя:

*Небеса и землю на ходу
Поджигая, шел огонь на запад.
Тишина застала, как в аду,
Темнота... Золы и гари запах.*

*Поле боя. Поздняя луна
Поднялась над битвою вчерашней.
Тьму пронзив, пытается она
Отыскать кого-то среди павших [3, с. 29].*

Составляющие художественного мира становятся близкими не только для лирического героя, но и для читателя: «земля», «огонь», «тишина», «луна», «битва». Лексические доминанты в каждой строчке точно переданы переводчиком [13]. Автор, эмоционально обостряя описываемую ситуацию до максимальной отметки, стремится к достоверности, правде и честному разговору с читателем.

Уникальная сила художественного обобщения становится для Мустая Карима основой его философии, в ней непреходящая ценность его текстов, как например, в следующих строчках

*Бежит мальчишка босоногий
По кромке синевы морской,
Цветная галька, словно звезды,
Сверкает под его пятой.*

*А дни идут. В иные дали
Мальчишку Млечный Путь зовет,
Где по его следам, как гальку,
Рассыплет звезды небосвод [3, с. 111].*

Поэт наблюдает за поколением детей как педагог, который видит, чему нужно учить и как, он верит в их прекрасное будущее, их способность сделать новые открытия, принести пользу людям своим талантом, волей и детской смелостью.

Заключение

Поэзия Мустая Карима представляет собой достаточно сложное и интересное наследие в плане реализации воспитательных «стандартов» в литературе, которые у нас всегда были востребованы государством и обществом. Можно утверждать, что его стихи задают не узко национальные основы воспитания личности, а имеют интернациональный характер. «Педагогический эффект» его поэтических строк в жизненной правде, в них много света, любви и доброты.

Мустай Карим всегда старался максимально точно представить события, в которых оказываются простые люди, но не столько чтобы добиться художественной изобразительности в тексте, сколько научить читателя наблюдать, связывать причину и следствие, делать самостоятельные выводы.

Педагогическая мысль писателя в какой-то момент, как нам представляется, стала одной из приоритетных целей его творчества. Поэзия М. Карима – это яркий пример мудрого, без излишнего назидания осмысления бытия, разных этапов жизни человека.

В философии поэта базовые гуманистические категории: «семья», «дом», «красота», «истина», «доброта» – оказываются «наставническими», то есть теми, что должны передаваться следующим поколениям, как знания, умения и навыки жизни. Вечные темы в стихах Мустая Карима заложены в конструкцию стиха и серьезно им осмыслены. При этом наставнический «тон» не монологичен и не назидателен: это всегда открытый диалог с современниками, целью которого является стремление помочь читателям обрести веру в себя и людей, никогда не терять надежду даже в самых сложных ситуациях.

Поэту важно сказать о жизни откровенно, только честность сможет оставить равнодушным читателя. При этом Мустай Карим дает возможность читателям самостоятельно принять решение, самим «вывести» истину, а его стихи лишь умело подводят к ней, направляют в этой сложной душевной работе над собой, постепенно выстраивая нравственные магистрали для развивающейся личности.

«Педагогические стандарты» Мустая Карима – это его стремление напоминать людям о человечности, о главных ценностях, о многогранности жизни и важности искать компромисс, если это необходимо, но не изменять чему-то главному в себе. Поэтому, наверное, поэт был всегда последователен в отстаивании своей гражданской позиции, чего требовал и от других.

Наследие поэта, на наш взгляд, остается актуальным для школьной и вузовской практики обучения литературе. Стихи воспринимаются легко, автор просто, доступно, с мудростью хорошего наставника, Учителя раскрывает читателю нравственные законы жизни. Эти особенности и «педагогические» возможности поэзии М. Карима не раз отмечались исследователями его творчества К. Ш. Ахияровым и К. А. Якуповым [1], И. И. Валеевым [2; 9], Л. Р. Ивановой [8], А. М. Шуралевым [12] и другими учеными.

Список источников

1. Мустай Карим – поэт, педагог, патриот // Образование: традиции и инновации. 2014. № 1(10). С. 61–66.
2. Валеев И. И. Мустай Карим и его эпоха. Уфа : Башкирская энциклопедия, 2019. 300 с.
3. Карим М. Избранное. Стихотворения. Поэмы. Сказки. Трагедии / пер. с баш., вступ. ст. К. Кулиева. М. : Художественная литература, 1973. 512 с.
4. Веклова О. Ф. Добро и зло в миропонимании Мустая Карима : научное издание. Уфа : Уфимская гос. акад. экономики и сервиса, 2010. 148 с.
5. Безруков А. Н. Сюжетология поэтических конструктов // StudiaHumanitatis. 2019. № 3. С. 24.
6. Гареева Г. Н. Творчество Мустая Карима – достояние общечеловеческой культуры // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 75-5. С. 19–22. DOI 10.18411/lj-07-2021-165.
7. Безруков А. Н. Молитвенное слово в русской поэзии о войне: Константин Симонов и Александр Пелевин // Филологический аспект. 2024. № 8(112). С. 104–111.
8. Иванова Л. Р. Нравственные ценности подрастающего поколения и Мустай Карим // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 3-1(40). С. 106–109.
9. Нравственные уроки Мустая Карима / сост. И. И. Валеев. Уфа : Китап, 2008. 279 с.
10. Самирханова Г. Х., Султангареева А. Р., Умуткужина А. Р. Образ человека в творчестве Мустая Карима // Казанская наука. 2023. № 10. С. 120–122.
11. Тагирова Р. Г. Нравственное воспитание школьников на примерах языковых особенностей произведения Мустая Карима «Долгое-долгое детство» // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2017. № 1 (41). С. 60–67.

12. Шуралев А. М. Поэзия народов России на уроках русской литературы: Габдулла Тукай, Мустай Карим, Расул Гамзатов : учебное пособие. Уфа : РИО РУНМЦ МО РБ, 2007. 151 с.

13. Япарова А. И. Нежность и легкость перевода произведений Мустая Карима // Пространство книги : сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-просветительского проекта-лектория. Уфа : ЦКиР НБ РБ, 2018. С. 70–77.

References

1. Axiyarov K.Sh., Yakupov K.A. Mustaj Karim – poet, pedagog, patriot, *Obrazovanie: tradicii i innovacii*, 2014, no. 1(10), pp. 61–66. (In Russ.).

2. Valeev I. I. Mustaj Karim i ego èpoxa, Ufa, Bashkirskaya ènciklopediya, 2019, 300 p.

3. Karim M. Izbrannoe. Stixotvoreniya. Poèmy. Skazki. Tragedii, Per. s bash., vstup. st. K. Kulieva, Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1973, 512 p.

4. Veklova O. F. Dobro i zlo v miroponimanii Mustaya Karima : nauchnoe izdanie, Ufa, Ufinskaya gos. akad. èkonomiki i servisa, 2010, 148 p.

5. Bezrukov A. N. Syuzhetologiya poèticheskix konstruktov, *Studia Humanitatis*, 2019, no. 3, pp. 24. (In Russ.).

6. Gareeva G. N. Tvorchestvo Mustaya Karima – dostoyanie obshhechelovecheskoj kul'tury, *Tendenczii razvitiya nauki i obrazovaniya = LJournal*, 2021, no. 75-5, pp. 19–22, (In Russ.). DOI 10.18411/lj-07-2021-165.

7. Bezrukov A. N. Molitvennoe slovo v russkoj poèzii o vojne: Konstantin Simonov i Aleksandr Pelevin, *Filologicheskij aspekt*, 2024, no. 8(112), pp. 104–111. (In Russ.).

8. Ivanova L. R. Nravstvennye czennosti podrastayushhego pokoleniya i Mustaj Karim, *Vestnik Cherepoveczkogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 3-1(40), pp. 106–109. (In Russ.).

9. Nravstvennye uroki Mustaya Karima, sost. I. I. Valeev, Ufa, Kitap, 2008, 279 p.

11. Samirxanova G. X., Sultangareeva A. R., Umutkuzhina A. R. Obraz cheloveka v tvorchestve Mustaya Karima, *Kazanskaya nauka*, 2023, no. 10, pp. 120–122. (In Russ.).

12. Tagirova R. G. Nravstvennoe vospitanie shkol'nikov na primerax yazykovyx osobennostej proizvedeniya Mustaya Karima “Dolgoe-dolgoe detstvo”, *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogiche-skogo universiteta im. M. Akmully*, 2017, no. 1(41), pp. 60–67. (In Russ.).

13. Shuralev A.M. Poèziya narodov Rossii na urokax russkoj literatury: Gabdulla Tukaj, Mustaj Karim, Rasul Gamzatov, учебное пособие, Уфа, RIO RUNMCz MO RB, 2007, 151 p.

14. Yaparova A. I. Nezhnost' i legkost' perevoda proizvedenij Mustaya Karima, Prostranstvo knigi : sb. nauch. statej po materialam Vserossijskogo nauchno-prosvetitel'skogo proekta-lectoriya, Ufa, CzKiR NB RB, 2018, pp. 70–77.

Информация об авторе

Безруков А. Н. – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Bezrukov A. N. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Philology of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa University of Science and Technology» (Branch in Birk).

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.11.2024; одобрена после рецензирования 09.12.2024; принята к публикации 10.12.2024.

The article was submitted 08.11.2024; approved after reviewing 09.12.2024; accepted for publication 10.12.2024.

ГОДОВОЙ УКАЗАТЕЛЬ ОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ 2024 г.

I. ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ			
Методология и технология профессионального образования			
<i>Гладких В. Г., Данилова Т. В.</i> Готовность будущих рабочих к преодолению производственных рисков нефтегазовой отрасли как компонент профессиональной готовности	2024	1	6-16
<i>Аверьянова Е. В., Назарова О. Л.</i> Влияние современных образовательных трендов на качество подготовки конкурентоспособных будущих строителей	2024	3	6-14
<i>Музалева Д. А., Шубович М. М.</i> Развитие личностного самоопределения будущих педагогов-психологов	2024	3	15-25
<i>Dyorina N. V., Nikolaeva A. D.</i> Self-organization culture formation of technical university students: axiological approach	2024	4	15-20
<i>Костомарова Е. В., Савва Л. И., Смушкевич Л. Н.</i> Воспитательный потенциал модели наставничества «студент – ученик» в профессиональном становлении будущего педагога в вузе	2024	4	6-14
Коррекционная педагогика			
<i>Кувшинова И.А., Калинина Э. Р.</i> Профессиональная подготовка будущих педагогов-дефектологов к работе с детьми с сенсорными нарушениями	2024	1	17-24
<i>Барбина В. Д., Ильина Г. В., Овсянникова Е. А.</i> Развитие крупной моторики у детей 7–10 лет с расстройством аутистического спектра средствами адаптивной физической культуры	2024	2	6-13
<i>Чернобровкин В. А., Мужилевская Д. В.</i> Особенности организации и открытия частного коррекционно-развивающего центра	2024	3	26-34
Теория и методика обучения и воспитания			
<i>Тулина Е. В., Тулина Е. Д.</i> Особенности внедрения интерактивных методов обучения иностранному языку на старшем этапе обучения	2024	1	25-30
<i>Шарко М. И.</i> Цикл лекций о русском языке для юристов на занятиях по профессиональной служебной подготовке: методический аспект	2024	2	14-20
II. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ			
Отечественная история			
<i>Котик А. В., Савкович Е. В.</i> Российско-казахстанское энергетическое сотрудничество в 2014–2024 гг.: проблемы и противоречия	2024	1	41-49
<i>Гололобов Е. И., Ляхов М. И.</i> Роль концепта «природа» в конструировании образа Норильска 1950-х – 1970-х годов в художественно-публицистической литературе и воспоминаниях	2024	2	23-29
<i>Мельников Н. Н.</i> Снабжение уральских предприятий коксующимся и энергетическим углем в условиях войны	2024	2	30-38
<i>Потемкина М. Н., Кожухова Е. Л.</i> Подсобные хозяйства металлургических предприятий Челябинской области (1941–1945 гг.)	2024	2	39-50
<i>Толстиков В. С.</i> Формирование социокультурной среды в закрытых атомных городах Урала (1945–1991 гг.)	2024	3	44-51
<i>Рушанин В. Я.</i> Социальный образ директорского корпуса средних учебных заведений Урала в начале XX века	2024	3	52-61
<i>Макарова Н. Н.</i> «Ближний круг И. В. Сталина»: принципы кадрового отбора в 1934–1939 гг. Часть 1. К постановке проблемы	2024	4	21-35
<i>Коробков Ю. Д.</i> Численность и социально-экономическое положение рабочей молодежи горнозаводской и фабрично-заводской промышленности Урала в 1910-1914 гг.	2024	4	35-44
Всеобщая история			
<i>Карабаева К. Н.</i> Проблемы безопасности женской трудовой миграции в Кыргызстане (1991–2021 годы)	2024	1	50-58

<i>Abdiraiymova A. S.</i> Changes in the quantitative and qualitative composition of employees of defense enterprises in Kazakhstan during the war years (1941–1945)	2024	3	35-43
Историография, источниковедение, методы исторического исследования»			
<i>Филатов В. В.</i> Архивные источники как культурный ландшафт истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова	2024	1	31-40
III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ			
Языкознание			
<i>Коробкина Н. И.</i> Стилистический анализ англоязычного текста (на материале фрагмента произведения Т. Парсонса «Мужчина и мальчик»)	2024	1	59-66
<i>Шулешкова С. Г., Позднякова Н. В., Георгиева С. И.</i> Имена существительные в нагайбакском языке как грамматический класс слов	2024	2	51-58
<i>С. Г. Шулешкова, Н. В. Позднякова, С. И. Георгиева</i> Слова, обозначающие признаки предметов в нагайбакском языке, и их грамматические свойства	2024	3	62-66
<i>Е. В. Мочелевская, Т. Ю. Залавина</i> Семантическая структура процессуальных французских фразеологизмов с референцией	2024	3	69-78
<i>Акашева Т. В., Рахимова Н. М., Жаркова А. Д.</i> «Медицинское заключение» как тип текста (на материале немецкого языка)	2024	4	45-53
Литературоведение			
<i>Бедрикова М. Л.</i> Интерпретации категории «уральская идентичность» в русской художественной и документально-публицистической прозе XX–XXI вв.	2024	1	67-76
<i>Хабиров К. А.</i> Мифопоэтическая символика инди-игр (на примере «The Binding of Isaac: Rebirth»)	2024	4	54-68.
<i>Безруков А. Н.</i> «Педагогические стандарты» поэзии Мустая Карима	2024	4	69-76.